
.....Глава 12

НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ОСНОВНЫЕ ПРАВА: СВОБОДА МЫСЛИ, СОВЕСТИ, РЕЛИГИИ, МНЕНИЙ, СЛОВА, АССОЦИАЦИЙ И СОБРАНИЙ.....

Цели обучения

- *Ознакомить участников с некоторыми другими основными правами, а именно: свободой мысли, совести, религии, мнений, слова, ассоциаций и собраний, и их значением в обществе, в котором уважаются права человека вообще.*
- *Показать на примерах, как эти свободы, а также ограничения, связанные с осуществлением большинства из них, истолковываются международными контрольными органами.*
- *Разъяснить роль судей, прокуроров и адвокатов в защите свобод, о которых говорится в данной главе.*

Вопросы

- *Как защищены в стране, в которой вы работаете, следующие свободы:*
 - *свобода мысли, совести и религии,*
 - *свобода мнения и выражения мнения, и*
 - *свобода ассоциаций и собраний?*
- *Имеются ли в стране, в которой вы работаете, какие-либо конкретные проблемы, касающиеся эффективного осуществления этих свобод?*
- *Имеются ли в стране, в которой вы работаете, группы, возможно, особенно уязвимые в отношении нарушений одной или более из этих свобод?*
- *Если да, то что это за группы и каким образом могут быть нарушены их свободы?*
- *Какие судебные или административные средства защиты существуют в стране, в которой вы работаете, для лиц, считающих себя жертвами нарушения этих свобод?*

Вопросы (продолжение)

- *Какую роль играют следующие свободы в создании, сохранении и/или укреплении демократического общества/общества, в котором уважаются права человека:*
 - *свобода мысли, совести и религии,*
 - *свобода мнения и выражения мнения, и*
 - *свобода ассоциаций и собраний?*
- *Что касается свобод, осуществление которых может быть ограничено: каким образом, по вашему мнению, может быть установлено равновесие между правом личности на осуществление этих свобод и общей заинтересованностью общества в защите, например, национальной безопасности, общественного порядка, безопасности, здоровья и нравственности или прав и свобод других?*
- *Что можете сделать вы в качестве судей, прокуроров или адвокатов для защиты права каждого человека на свободу мысли, совести, религии, мнения, слова, ассоциаций и собраний?*

Соответствующие правовые документы

Универсальные документы

- Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966 год
 - Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 1966 год
 - Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, 1965 год
 - Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, 1979 год
 - Конвенция о правах ребенка, 1989 год
 - Конвенция МОТ о свободе ассоциации и защите права на организацию, 1948 год
 - Конвенция МОТ о праве на организацию и на ведение коллективных переговоров, 1949 год
- *****
- Всеобщая декларация прав человека, 1948 год
 - Декларация Организации Объединенных Наций о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, 1999 год

Соответствующие правовые документы (продолжение)

Региональные документы

- Африканская хартия прав человека и народов, 1981 год
- Африканская хартия прав и благополучия ребенка, 1990 год
- Американская конвенция о правах человека, 1969 год
- Межамериканская конвенция о предупреждении и искоренении насилия в отношении женщин и наказании за него, 1994 год
- Европейская конвенция о правах человека, 1950 год
- Европейская социальная хартия, 1961 год, и Европейская социальная хартия, 1996 год (пересмотренная)

1. Введение

В настоящей главе говорится о ряде основных свобод, представляющих собой некоторые из столпов демократического общества, в котором уважаются права человека. Однако из-за нехватки места будут освещены лишь наиболее важные аспекты этих свобод.

До сих пор в настоящем Пособии подчеркивалось значение ряда таких прав, как право не подвергаться произвольному задержанию, право на справедливое отправление правосудия и право на свободу от пыток и других видов жестокого обращения. Вследствие этого во многих главах внимание было также сосредоточено на защите личности в ходе правоприменительных процедур.

С другой стороны, в данной главе рассматриваются вопросы прав или свобод, которые осуществляются на всех уровнях общества и в самых разнообразных условиях и ситуациях, например в религиозной или философской деятельности человека, образовательных учреждениях, в устном или в печатном слове. Однако во многих ситуациях, при которых существуют проблемы в отношении эффективной защиты прав человека в ходе правоприменительных процедур, зачастую имеет место проявление соответствующей нетерпимости к религиозным верованиям личности или его (ее) политическим или другим убеждениям, выраженным на публичных собраниях, в книгах или в СМИ. Поэтому чтобы продвинуться к полной и всеобъемлющей защите прав и свобод личности, государства должны принять соответствующие меры для укрепления основ прав человека во всех соответствующих слоях общества.

Вначале в данной главе будет рассмотрена свобода мысли, совести и религии, затем – свобода мнений и выражения мнения, и, в-третьих, свобода ассоциаций и собраний.

И, наконец, будет подчеркнута роль правового сообщества в защите свободы мысли, совести, религии, мнения, слова, ассоциаций и собраний, а в конце главы будут приведены заключительные замечания.

2. Право на свободу мысли, совести и религии

2.1 Соответствующие правовые положения

Этот подраздел содержит тексты наиболее важных правовых положений, относящихся к свободе мысли, совести и религии:

Статья 18 Всеобщей декларации прав человека:

“Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов”.

Статья 18 Международного пакта о гражданских и политических правах:

“1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений.

2. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию и убеждения по своему выбору.

3. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.

4. Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями”.

Статья 8 Африканской хартии прав человека и народов:

“Гарантируется свобода совести, выбора профессии и свободного отправления религиозных обрядов. При условии соблюдения правопорядка никто не может подвергаться мерам, ограничивающим осуществление этих свобод”.

Статья 12 Американской конвенции о правах человека:

“1. Каждый человек имеет право на свободу совести и религии. Это право включает свободу придерживаться своей религии или вероучения и менять их, а также свободу исповедовать или распространять свою религию или вероучение как индивидуально, так и сообща с другими, публично или частным порядком.

2. Никто не может подвергаться ограничениям, которые могли бы ущемить его свободу придерживаться своей религии или вероучения равно как и менять их.

3. Свобода исповедовать религию или вероучение может быть ограничена только на основании закона и в целях необходимости защиты общественной безопасности, порядка, здоровья, нравственности и прав и свобод других.

4. Родители или опекуны имеют право выбирать религиозное и нравственное воспитание своих детей или подопечных в соответствии с их собственными убеждениями”.

Статья 9 Европейской конвенции о правах человека:

“1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать религию или убеждения как индивидуально, так и совместно с другими лицами, публично или частным порядком, в богослужении, учении и отпращивании религиозных и ритуальных обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или свои убеждения подлежит лишь таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности или для защиты прав и свобод других лиц”.

Кроме того, право на свободу религии гарантируется:

- ❖ Статьей 5 d)(vii) Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации;
- ❖ Статьей 14 Конвенции о правах ребенка;
- ❖ Статьей 9 Африканской хартии прав и благополучия ребенка; и
- ❖ Статьей 4 i) Межамериканской конвенции о предупреждении и искоренении насилия в отношении женщин и наказании за него.

Кроме того, как будет показано в главе 13, ниже, международное право в области прав человека запрещает дискриминацию на основе религии (см., среди прочего, пункт 3 статьи 1, статью 13 и пункт с) статьи 55 Устава Организации Объединенных Наций, статью 2 Всеобщей декларации, пункт 1 статьи 2, пункт 1 статьи 4, пункт 1 статьи 24 и статью 26 Международного пакта о гражданских и политических правах; статью 2 Африканской хартии прав человека и народов, пункт 1 статьи 1 и пункт 1 статьи 27 Американской конвенции о правах человека, а также статью 14 Европейской конвенции о правах человека).

2.2 Общее значение права на свободу мысли, совести и религии

2.2.1 *Статья 18 Международного пакта о гражданских и политических правах*

Как указывалось Комитетом по правам человека, право на свободу мысли, совести и религии, гарантированное пунктом 1 статьи 18 Международного пакта, “является весьма широким и глубоким; оно охватывает свободу мысли по всем вопросам, а также воззрения человека и приверженность религии или убеждениям, исповедуемые как единолично, так и сообща с другими”. Кроме того, “свобода мысли и свобода совести защищаются в такой же степени, как и свобода религии и убеждений”¹. Комитет обращает внимание на то, что “об основополагающем характере этих свобод свидетельствует и тот факт, что даже в период чрезвычайных положений не допускается никаких отступлений от этой нормы”², – этот вопрос рассматривается в главе 16, ниже.

Примечательно, что статья 18 “*не допускает установления каких-либо ограничений* свободы мысли и совести или свободы иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору. Эти свободы защищены без каких-либо ограничений...”³. С другой стороны, что касается *права на свободу совести*, Комитет по правам человека в деле *Уэстермана* постановил, что само по себе оно не подразумевает права отказываться от всех обязательств, налагаемых законом, так же как оно не предоставляет иммунитета от уголовной ответственности в отношении каждого такого отказа⁴.

Комитет помимо этого особо подчеркивает, что, в соответствии с пунктом 2 статьи 18 и статьей 17 Пакта “никто не может быть принужден к раскрытию своих мыслей или своей приверженности той или иной религии

¹ См. Замечание общего порядка № 22 (Статья 18) в документе Организации Объединенных Наций HRI/GEN/1/Rev.5, *Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых органами по правам человека*, стр. 196, пункт 1 (далее *Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций*).

² Там же, цит. место.

³ Там же, стр. 197, пункт 3 (курсив наш).

⁴ Сообщение № 682/1996, *П. Уэстерман против Нидерландов* (соображения приняты 3 ноября 1999 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/55/40 (том II), стр. 55, пункт 9.3.

или убеждениям”⁵. Иными словами, любой мужчина или женщина имеет право во всех ситуациях считать его или ее религию или убеждения своим сугубо личным делом.

Комитет по правам человека также заявляет, что “статья 18 защищает теистические, нетеистические и атеистические убеждения, а также право не исповедовать никакой религии или убеждений. Понятия ‘убеждения’ и ‘религия’ следует толковать широко. Применение положений статьи 18 не ограничивается традиционными религиями или религиями и убеждениями с институциональными чертами и практикой или практикой, аналогичной практике традиционных религий. В связи с этим у Комитета вызывает озабоченность

любая тенденция к дискриминации любых религий или вероисповеданий на любых основаниях, в том числе потому, что они являются вновь созданными или что их исповедуют религиозные меньшинства, к которым может враждебно относиться преобладающая религиозная община”⁶.

Комитет по правам человека далее отмечает,

“что свобода ‘иметь или принимать’ религию или убеждения обязательно предполагает свободу выбирать религию или убеждения, включая право менять свою религию или убеждения или придерживаться атеистических воззрений, а также право продолжать исповедовать свою религию или убеждения. В пункте 2 статьи 18 запрещается принуждение, умаляющее право иметь или принимать религию или убеждения, включая применение или угрозу применения физической силы или уголовных санкций с целью заставить верующих или неверующих придерживаться своих религиозных убеждений или воззрений, отказаться от своей религии или убеждений или поменять их на другие”⁷.

Комитет добавляет, что “преследующие эти же цели политика или практика, например, ограничивающие доступ к образованию, медицинскому обслуживанию, трудоустройству или правам, гарантированным в статье 25 [то есть право принимать участие в ведении государственных дел] и других положениях Пакта, также являются несовместимыми с пунктом 2 статьи 18. Такая же защита гарантирована тем, кто придерживается любых нерелигиозных убеждений”⁸.

2.2.2 Статья 8 Африканской хартии прав человека и народов

Статья 8 Африканской хартии прав человека и народов лаконична. Она лишь устанавливает, что “гарантируется свобода совести, выбора профессии и свободного отправления религиозных обрядов” и что “при условии соблюдения правопорядка никто не может подвергаться мерам,

⁵ Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций, стр. 197, пункт 3.

⁶ Там же, стр. 197, пункт 2.

⁷ Там же, стр. 198, пункт 5.

⁸ Там же, цит.место.

ограничивающим осуществление этих свобод.” Примечательно, что в этом положении нет ни слова по вопросу о свободе мысли, а также о свободе принимать или менять религию или убеждения по своему выбору.

В деле против Заира Африканская комиссия по правам человека и народов постановила, что “преследования Свидетелей Иеговы и их религиозных руководителей, включая убийства, уничтожение культовых сооружений и угрозы смертью”, представляют собой нарушение статьи 8 Хартии, поскольку правительство “не представило доказательств, что отправление их религии каким-либо образом [угрожало] правопорядку”⁹.

2.2.3 *Статья 12 Американской конвенции о правах человека*

Право на свободу совести и религии, защищенное статьей 12 Американской конвенции о правах человека, во многом схоже со свободами, гарантированными статьей 18 Международного пакта. Однако в Конвенции свобода мысли привязана не к этим свободам, а к праву на выражение своего мнения, установленному в статье 13.

Право на свободу совести и религии согласно статье 12 Американской конвенции включает также “свободу придерживаться своей религии или вероучения и менять их”, – свободу, усиленную пунктом 2 статьи 12 Конвенции, в соответствии с которой “никто не может подвергаться ограничениям, которые могли бы ущемить его свободу придерживаться своей религии или убеждений равно как и менять их.” Из этого вытекает, а fortiori, что никто не может подвергаться “принуждению” – термин, используемый в пункте 2 статьи 18 Пакта – в целях либо помешать лицу или заставить его (ее) исповедовать или менять его (ее) религию или убеждения. Другими словами, каждый человек имеет право на свой выбор религии или убеждений.

Свобода совести и религии, защищенная статьей 12 Американской конвенции, включена в перечень не допускающих отступлений прав в пункте 2 статьи 27 и поэтому должна быть гарантирована также “во время войны, возникновения опасности для государства или при других чрезвычайных обстоятельствах, которые ставят под угрозу независимость или безопасность” соответствующего государства-участника (пункт 1 статьи 27 Конвенции).

Статья 12 Американской конвенции учитывалась в деле *Ольмедо Бустос и др. против Чили*, называемом также делом о фильме “Последнее искушение Христа”, касающемся аннулирования чилийскими судами принятого Советом по классификации фильмов административного решения о разрешении демонстрации фильма “Последнее искушение Христа” лицам не моложе 18 лет. Истцы, в частности, заявили, что была нарушена их **свобода совести** в связи с цензурой фильма, которая подразумевала, что люди, исповедующие конкретную религию, решали, что позволено смотреть другим¹⁰. В своем решении Межамериканский суд по правам человека указал,

⁹ *ACHPR World Organisation against Torture and Others v. Zaire, Communications Nos. 25/89, 47/90, 56/91, 100/93, decision adopted during the 19th session, March 1996*, пункт 71 текста, опубликованного на веб-сайте по адресу: <http://www.up.ac.za/chr/ahrdb/acomm/decisions.html>.

¹⁰ *I-A Court HR, The Case of Olmedo Bustos et Al. v. Chile, judgment of 5 February 2001, Series C, No. 73*. Версия, использованная в данном контексте, является неотредактированным текстом, который находится на веб-сайте Суда по адресу: www.corteidh.or.cr/seriecing/C, пункт 45.

что “право на свободу совести и религии позволяет каждому придерживаться, менять, исповедовать и распространять свою религию или убеждения”, добавив при этом, что указанное право является одной из основ демократического общества, которое в своем религиозном аспекте “представляет собой далеко идущий элемент в защите убеждений тех, кто исповедует религию, и в их образе жизни”¹¹. Однако, по мнению Суда, в этом деле не было представлено доказательств нарушения какой-либо из свобод, закрепленных в данной статье; “запрещение демонстрации фильма ‘Последнее искушение Христа’ не умало ничьей свободы и никого не лишило права на полную свободу придерживаться, менять, исповедовать или распространять свою религию или убеждения”¹². Однако, как показано ниже, запрещение все же нарушило право на свободу мысли и выражения мнения, установленное в статье 13 данной Конвенции.

2.2.4 *Статья 9 Европейской конвенции о правах человека*

Пункт 1 статьи 9 Европейской конвенции о правах человека гарантирует “право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять [свою] религию или убеждения”. В формулировках, очень похожих на те, что использовались в пункте 1 статьи 18 Пакта, пункт 1 статьи 9 Европейской конвенции также защищает свободу каждого человека “исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в учении, отправлении религиозных и ритуальных обрядов”.

В деле *Коккинакис против Греции* Европейский суд по правам человека постановил, что “свобода мысли, совести и религии”, как провозглашено в статье 9,

“является одной из основ ‘демократического общества’ в значении, принятом Конвенцией. Именно этот ее религиозный параметр является одним из наиболее важных элементов, из которых складывается личность верующих и их мировоззрение, но это же является и ценнейшим достоянием для атеистов, агностиков, скептиков и неверующих. Плюрализм, неотделимый от демократического общества, который дорогой ценой был завоеван на протяжении веков, основывается на нем”¹³.

Тем не менее статья 9, как ясно заявил вышеупомянутый Суд в деле *Калач против Турции*,

“не защищает каждое действие, мотивированное или инспирированное религией или убеждениями. Более того, осуществляя свою свободу исповедовать свою религию, каждому человеку, возможно, придется принимать во внимание свою конкретную ситуацию”¹⁴.

11 Там же, пункт 79.

12 Там же, цит.место.

13 *Eur. Court HR, Case of Kokkinakis v. Greece, judgment of 25 May 1993, Series A, No. 260-A*, p. 17, para. 31.

14 *Eur. Court HR, Case of Kalaç v. Turkey, judgment of 1 July 1997, Reports 1997-IV*, p. 1199 at p. 1209, para.27.

Это дело было возбуждено по жалобе, поданной г-ном Калачом, военным прокурором в турецкой армии, который был вынужден уйти в отставку из-за того, что “придерживался противозаконных фундаменталистских взглядов”; было сочтено, что он фактически, если и не формально, принадлежал к мусульманской секте сулейманитов¹⁵. По версии правительства, его принудительная отставка “имела своей целью отстранение от военной юридической службы лица, проявившего недостаточную лояльность к основам турецкого государства, в частности его светскому характеру, защищать который входит в задачу вооруженных сил”¹⁶. Заявитель утверждал, с другой стороны, что он не знал о существовании сулейманитской секты и что внутреннее законодательство не содержит никакого указания относительно значения выражения “противозаконные фундаменталистские взгляды”, приведенные в качестве основания для его принудительной отставки¹⁷.

Однако Европейский суд пришел к заключению, что в данном деле не было никакого нарушения статьи 9. Он, в частности, решил:

“Выбрав военную карьеру, г-н Калач принял по собственному согласию систему военной дисциплины, которая в силу самой своей природы подразумевает возможность наложения на некоторые из прав и свобод членов вооруженных сил ограничений, которые не могут быть применимы к гражданским лицам... Государства устанавливают для своих армий дисциплинарные правила, запрещающие тот или иной вид поведения, в частности враждебное отношение к установленному порядку, отражающему требования военной службы”¹⁸.

Как отметил Суд, нельзя отрицать, “что заявитель в рамках, установленных требованиями жизни военнослужащих, имел возможность исполнять обязанности, которые представляют собой обычные формы исповедания мусульманской религии”. Ему, в частности, разрешалось молиться пять раз в день и выполнять другие религиозные обязанности, такие как соблюдение поста рамадан и посещение молитвы по пятницам в мечети¹⁹. И, наконец, приказ Верховного военного совета был вызван не “религиозными взглядами и убеждениями заявителя или тем, каким образом он выполнял свои религиозные обязанности, но его поведением и выражаемыми воззрениями”. По мнению турецких властей, это поведение является “нарушением военной дисциплины и принципа светскости [государства]”²⁰. Поэтому в данном деле не было никаких нарушений статьи 9. Следует указать, что, поскольку Суд решил, что принудительная отставка заявителя не была вмешательством в его право на свободу религии, не было необходимости рассматривать это дело в контексте пункта 2 статьи 9 Конвенции.

¹⁵ Ibid., p. 1203, para. 8, and p. 1208, para. 25.

¹⁶ Ibid., p. 1208, para. 25.

¹⁷ Ibid., p. 1208, para. 24.

¹⁸ Ibid., p. 1209, para. 28.

¹⁹ Ibid., p. 1209, para. 29.

²⁰ Ibid., p. 1209, para. 30.

Право на свободу мысли, совести и религии является далекоидущим и охватывает все вопросы, относящиеся к личным убеждениям каждого. Оно защищает не только религиозных людей, но и, например, атеистов, агностиков, скептиков и неверующих.

Право на свободу мысли, совести и религии также подразумевает, что каждый человек имеет безусловное право иметь и принимать религию по своему выбору. Эта свобода включает право менять свою религию. Каждый человек имеет право не подвергаться принуждению или не быть каким-либо иным образом вынужденным придерживаться религии, принимать или менять ее.

Право на свободу мысли, совести и религии, включая свободу иметь, принимать или менять религию по своему выбору, защищается безусловно, хотя свобода совести не подразумевает права отказываться от всех обязательств, налагаемых законом.

Не могут налагаться никакие ограничения на свободу принимать или менять религию по своему выбору.

Согласно Международному пакту о гражданских и политических правах и Американской конвенции о правах человека, от обеспечения свободы мысли, совести и религии нельзя отступать ни при каких обстоятельствах.

Свобода мысли, совести и религии является краеугольным камнем демократического общества/общества, в котором уважаются права человека.

2.3 Право исповедовать свою религию или убеждения

Пункт 1 статьи 18 Международного пакта гарантирует каждому человеку свободу исповедовать религию или убеждения “как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком” и свободу делать это “в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении”. Таким образом, как отмечалось Комитетом по правам человека, данная свобода “охватывает весьма широкую сферу действий. Понятие ‘*отправление культа*’ включает ритуалы и церемонии, в которых вера проявляет себя непосредственно, а также различные присущие им действия, включая строительство мест отправления культа, использование ритуальных формул и предметов, демонстрацию символов и соблюдение праздников и дней отдыха. *Соблюдение и исповедование* религии или убеждений могут заключаться не только в осуществлении церемоний, но и в следовании таким обычаям, как соблюдение предписанных ограничений в рационе питания, ношение отличительной одежды или головных уборов, участие в ритуальных

обрядов, связанных с определенными этапами жизни, и использование особого языка, с помощью которого обычно общаются принадлежащие к соответствующей общине лица. Кроме того, **практика и учение**, связанные с той или иной религией или убеждениями, включают осуществление таких мероприятий, неразрывно связанных с ведением религиозными группами своей основной деятельности, как, например, свободное назначение религиозных руководителей, священнослужителей и проповедников, свободное создание семинарий или религиозных школ и свободное составление и распространение религиозных текстов или публикаций”²¹.

Комитет выразил обеспокоенность, например, по поводу положений Закона о свободе совести и религиозных организациях Узбекистана, “требующих от религиозных организаций и объединений регистрации для получения разрешения на совместное исповедование своей веры и религии”, а также по поводу статьи 240 Уголовного кодекса Узбекистана, “в которой факт отсутствия регистрации руководителями религиозных организаций их уставов объявляется уголовно наказуемым деянием”. Комитет настоятельно рекомендовал отменить указанные положения, которые не соответствуют положениям пунктов 1 и 3 статьи 18 Пакта. Он также рекомендовал прекратить уголовные расследования, возбужденные на основании этих положений, а также амнистировать осужденных лиц и выплатить им компенсацию²².

Как отмечалось выше, положение статьи 8 Африканской хартии прав человека и народов является наиболее лаконичным из всех положений, рассматриваемых в данной главе, поскольку в нем просто гарантируется “исповедование веры и свободное отправление религиозных обрядов”, при этом добавляется, что “при условии соблюдения правопорядка никто не может подвергаться мерам, ограничивающим осуществление этих свобод.”

Согласно пункту 1 статьи 12 Американской конвенции о правах человека, право на свободу совести и религии включает “свободу исповедовать или распространять свою религию или верования как индивидуально, так и в сообществе с *другими*, публично или частным порядком”.

В соответствии с пунктом 1 статьи 9 Европейской конвенции о правах человека право на свободу религии включает “свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и совместно с другими лицами, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении,

²¹ Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций, стр. 197, пункт 4 (курсив наш).

²² Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/56/40, (том I), стр. 60, пункт 24.

отправлении религиозных и ритуальных обрядов”. В деле *Коккинакис против Греции* Европейский суд постановил, что “религиозная свобода, будучи прежде всего предметом совести каждого человека предусматривает, среди прочего, свободу ”исповедовать [свою] религию”. Свидетельствование словами и делами неразрывно связано с существованием религиозных убеждений”²³. Он добавил, что в соответствии со статьей 9 Европейской конвенции

“свобода исповедовать свою религию не только осуществима совместно с другими, “публично” и в кругу тех, чью веру разделяет человек, но может утверждаться и “индивидуально” и “в частном порядке”, более того, она включает в принципе право пытаться убедить своего ближнего, например через “обучение”, без чего, “свобода изменения [своей] религии или верования”, закрепленная в статье 9, осталась бы мертвой буквой”²⁴.

В деле *Ша’ар Шалом Ве Цедек против Франции* был поднят вопрос о разрешениях на осуществление во Франции ритуального забоя скота. Ассоциация-заявитель подала жалобу на то, что статьи 9 и 14 Европейской конвенции были нарушены из-за отказа французских властей “в праве назначать собственных забойщиков, чтобы осуществлять ритуальный забой в соответствии с религиозными предписаниями ее членов”, и предоставления такого права только Ассоциации Парижской иудейской консистории (АСИР)”²⁵. Ассоциация-заявитель представила документы, согласно которым условия для ритуального забоя, осуществляемого забойщиками, назначаемыми АСИР, “больше не удовлетворяют очень строгим требованиям иудейской религии”, так что ультраортодоксальные евреи не могут получать абсолютно чистое, или *glatt*, мясо²⁶. По их мнению, согласно пункту 2 статьи 9 Конвенции отказ выдавать разрешения на забой не мог быть оправдан и был неадекватной и дискриминационной мерой, противоречащей статье 14 упомянутой Конвенции²⁷.

Ссылаясь на текст пункта 1 статьи 9, Суд счел бесспорным, “что ритуальный забой, на что указывает само его название, представляет собой ритуал, или “rite” (слово во французском тексте Конвенции, соответствующее английскому “observance”), цель которого состоит в снабжении евреев мясом животных, забитых в соответствии с религиозными предписаниями, что является существенным аспектом отправления еврейской религии”²⁸.

Затем возник вопрос о том, является ли отказ ассоциации-заявителю в праве самой разрешать ритуальный забой вмешательством в осуществление ее свобод по смыслу пункта 1 статьи 9 Конвенции. По мнению Суда, “вмешательство в свободу исповедовать свою религию имело бы место

²³ *Eur. Court HR, Case of Kokkinakis v. Greece, judgment of 25 May 1993, Series A, No. 260-A, p. 17, para. 31.*

²⁴ *Ibid.*, loc. cit.

²⁵ *Eur. Court HR, Case of Cha'are Shalom Ve Tsedek v. France, judgment of 27 June 2000*; используемый текст является неотредактированным текстом, который находится на веб-сайте Суда по адресу: <http://hudoc.echr.coe.int>, пункт 58.

²⁶ *Ibid.*, para. 60.

²⁷ *Ibid.*, para. 61.

²⁸ *Ibid.*, para. 73.

только в том случае, если бы вследствие незаконного осуществления ритуального забоя ультраортодоксальные евреи были лишены возможности потреблять мясо животных, забитых в соответствии с религиозными предписаниями, которые они считают применимыми”. Однако это был не тот случай, поскольку не оспаривалось, что ассоциация-заявитель могла легко получить поставки мяса *glatt* из Бельгии. Из материалов, представленных Суду, также было видно, что ряд мясных лавок, торгующих под контролем АСИР, поставляли мясо с сертификатом *glatt*²⁹. Хотя ассоциация-заявитель не доверяла ритуальному забою, разрешенному АСИР, Суд придерживался мнения, согласно которому

“право на свободу религии, гарантированное статьей 9 Конвенции, не может распространяться на право принимать личное участие в осуществлении ритуального забоя и в последующем процессе сертификации, поскольку... ассоциация-заявитель и ее члены практически не лишены возможности приобретения и потребления мяса, которое они считают более совместимым с религиозными канонами”³⁰.

Поскольку не было установлено, что евреи, принадлежащие к ассоциации-заявителю, не могли получить мясо *glatt*, или что ассоциация не могла снабжать их этим мясом, если бы заключила соглашение с АСИР, дающее возможность участвовать в ритуальном забое в рамках разрешения, выданного АСИР, Суд решил, “что оспариваемый отказ в разрешении не является вмешательством в осуществление права ассоциации-заявителя на свободу исповедовать свою религию”³¹. Поэтому Суд не видит необходимости выносить решение о совместимости ограничения, оспариваемого истцом, с пунктом 2 статьи 9 Конвенции. Тем не менее Суд заметил, что даже если допустить, что оспариваемая мера “могла рассматриваться как вмешательство в право на свободу исповедовать свою религию”, она предписывалась законом и преследовала законную цель, а именно цель “защиты общественного здоровья и правопорядка, поскольку организация государством отправления культа способствует религиозной гармонии и терпимости”. С учетом пределов усмотрения, предоставленных Договаривающимся государствам, особенно в отношении установления деликатных отношений между государством и религиями, эту меру нельзя считать излишней или несоразмерной и, следовательно, нарушающей пункт 2 статьи 9³².

Что касается вопроса о предполагаемой дискриминации, то Суд решил, что статья 9 в сочетании со статьей 14 Конвенции нарушены не были. Он отметил, в частности, что разница в обращении, которая явилась следствием оспариваемой меры, “была ограниченной по своим размерам”. В той степени, в какой разница в обращении имела место, она преследовала законную цель, и существовала обоснованная и соразмерная связь между примененными средствами и целью, достижение которой при этом

²⁹ Ibid., paras. 80-81.

³⁰ Ibid., para. 82.

³¹ Ibid., para. 83.

³² Ibid., para. 84.

преследовалось. Поэтому разница в обращении “имела объективное и обоснованное оправдание по смыслу соответствующего прецедентного права Суда”³³.

2.3.1 Ограничения на право исповедовать свою религию или убеждения

В числе свобод, гарантированных статьей 18 Международного пакта, только свобода исповедовать свою религию или убеждения может быть ограничена. В соответствии с пунктом 3 статьи 18 эта свобода “подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц”. Комитет по правам человека подчеркивает, что эти положения “должны толковаться строго: не признаются никакие основания для установления ограничений, кроме тех, которые конкретно предусмотрены, даже если такие ограничения разрешаются в отношении других прав, защищаемых Пактом, в частности по соображениям государственной безопасности. Ограничения могут устанавливаться лишь для тех целей, для которых они были предназначены, и должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой ими преследуется, и быть ей соразмерны”³⁴. Комитет многозначительно добавляет, что ограничения на право исповедовать свою религию или убеждения “должны применяться таким образом, чтобы не наносить ущерба правам, гарантированным в статье 18”³⁵. Наконец, ограничения, конечно, не могут “устанавливаться в дискриминационных целях или применяться дискриминационным образом”³⁶.

Поэтому, прибегая к ограничениям на право исповедовать свою религию или убеждения, государства-участники должны обеспечить, чтобы они

- ❖ соответствовали принципу законности (были “установлены законом”);
- ❖ налагались исключительно для достижения одной или более целей, перечисленных в пункте 3 статьи 18;
- ❖ были необходимы для достижения соответствующей цели (принцип соразмерности); и, наконец,
- ❖ не являлись дискриминационными, а применялись беспристрастным и разумным образом.

Что касается понятия *нравственности* в качестве возможного оправдания ограничений на свободу исповедовать свою религию или убеждения, Комитет заявляет, что оно складывается на основе многих общественных, философских и религиозных традиций и что, следовательно,

³³ Ibid., paras. 87-88. В Суде, заседавшем в полном составе, не было единодушного мнения по данному делу. 12 голосами против 5 он решил, что нарушения статьи 9 Конвенции не было, в то время как при голосовании по статье 9 в сочетании со статьей 14 соотношение голосов было 12 к 7.

³⁴ Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций, стр. 198–199, пункт 8.

³⁵ Там же, цит. место.

³⁶ Там же.

“установление ограничений на свободу исповедовать религию или убеждения в целях защиты нравственности не должно основываться на принципах, вытекающих исключительно из одной единственной традиции”³⁷.

Он также заявляет, что “лица, в отношении которых применяются некоторые установленные законом ограничения, например заключенные, продолжают пользоваться своими правами исповедовать религию или убеждения максимально полным образом, совместимым с конкретным характером ограничения”³⁸.

В деле *Сингх Бхиндер против Канады* автор, являвшийся сикхом, подал жалобу на нарушение статьи 18 Пакта, выразившееся в прекращении его трудового контракта в связи с его отказом носить во время работы защитную каску. Комитет изучил данный вопрос в свете статей 18 и 26 Пакта и решил, что, если требование ношения защитной каски рассматривалось как создающее проблему согласно статье 18, то это было ограничение, оправдываемое ссылкой на основания, изложенные в пункте 3 статьи 18. С другой стороны, если это считалось де-факто дискриминацией в отношении лиц, исповедующих сикхизм, о чем идет речь в статье 26, “закон, обязывающий работающих на государственных предприятиях лиц носить каски для защиты от травм и поражения электрическим током, должен рассматриваться как обоснованный и направленный на достижение объективных целей, совместимых с положениями Пакта”³⁹.

Основания для разрешения ограничений на свободу исповедовать свою религию или убеждения, содержащиеся в пункте 3 статьи 12 Американской конвенции о правах человека, схожи с основаниями, содержащимися в пункте 3 статьи 18 Международного пакта. Поэтому ограничения могут налагаться при условии, что они “установлены законом” и “необходимы для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц”. Иными словами, меры, к которым прибегают, должны быть соразмерны преследуемой законной цели.

Согласно пункту 2 статьи 9 Европейской конвенции о правах человека, “свобода исповедовать свою религию или свои убеждения подлежит лишь таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности или для защиты прав и свобод других лиц”. Перечисленные основания охватывают по существу основания, содержащиеся в двух других договорах.

37 Там же.

38 Там же, стр. 199, пункт 8.

39 Сообщение № 208/1986, *К. Сингх Бхиндер против Канады* (соображения приняты 9 ноября 1989 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, А/45/40* (том II), стр. 60, пункт 6.2.

Таким образом, имеет место важное совпадение в главном вопросе об ограничениях свободы исповедовать свою религию или убеждения. Однако пункт 2 статьи 9 Европейской конвенции добавляет условие, согласно которому ограничения по вышеупомянутым основаниям являются необходимыми “в демократическом обществе”. В связи с этим требуется проверка необходимости в свете потребностей общества, основанного на принципах демократического конституционного порядка.

Статья 9 изучалась Европейским судом по правам человека в деле *Коккинакис против Греции*, касающемся свидетеля Иеговы, обвиненного в прозелитизме в Греции, где во время диктаторского режима Метаксаса (1936–1940 годы)⁴⁰ прозелитизм был объявлен уголовным преступлением на основании Закона № 1363/1938, в который было внесено изменение Законом № 1672/1939. Заявитель был приговорен судом по уголовным делам Лазитхи к четырем месяцам тюремного заключения, заменяемого денежной санкцией, и к штрафу в размере 10 тыс. драхм. После апелляции Апелляционный суд Крита сократил срок тюремного заключения до трех месяцев с заменой его штрафом⁴¹. Заявитель и его жена были арестованы в доме женщины, которая была замужем за певчим в местной православной церкви. Заявитель в первую очередь жаловался на то, что этот приговор был незаконным ограничением осуществления его права на свободу религии⁴².

Европейский суд посчитал, что осуждение г-на Коккинакиса равносильно вмешательству в осуществление его права на свободу исповедовать [свою] религию или убеждения, что противоречит статье 9, если оно: 1) не “установлено законом”; 2) не преследует одну или более из содержащихся в пункте 2 правомерных целей; и 3) не является “необходимым в демократическом обществе” для достижения таких целей⁴³. Как видно из нижеследующего, Судом рассматривались все эти вопросы.

Было ли вмешательство “установлено законом”? Отвечая на аргумент заявителя о том, что в греческом законодательстве отсутствует какое-либо описание “объективной сущности” преступления прозелитизма⁴⁴, Суд отметил, что

“формулировка многих положений законов не отличается абсолютной точностью. Необходимость избегать чрезмерной жесткости и идти в ногу с изменяющимися обстоятельствами означает, что многие законы неизбежно облакаются в такие формы, которые в большей или меньшей степени туманны... Положения уголовного законодательства о прозелитизме подпадают под эту категорию. Толкование и применение таких законоположений зависит от практики”⁴⁵.

40 *Eur. Court HR, Case of Kokkinakis v. Greece, judgment of 25 May 1993, Series A, No. 260-A*, p. 12, para. 16.

41 *Ibid.*, pp. 8-10, paras. 9-10.

42 *Ibid.*, p. 16, para. 28.

43 *Ibid.*, p. 18, para. 36.

44 *Ibid.*, p. 19, para. 38.

45 *Ibid.*, p. 19, para. 40.

Однако в данном деле имелась “совокупность установленных норм внутригосударственного прецедентного права.., которые были опубликованы и доступны”, дополняя положения Закона 1936 года и давая тем самым возможность заявителю “регулировать свое поведение в данном деле”; из этого следует, что мера, составляющая предмет подачи жалобы, была “установлена законом” по смыслу пункта 2 статьи 9 Европейской Конвенции⁴⁶.

Была ли эта мера установлена с законной целью? Суд решил, что с учетом обстоятельств дела и фактических условий принятия соответствующих решений судом “оспариваемая мера была направлена на достижение законной цели в соответствии с пунктом 2 статьи 9, а именно на защиту прав и свобод других лиц, на которую и опиралось правительство”; правительство фактически утверждало, “что демократическое государство обязано обеспечивать мирное пользование правом личных свобод для всех живущих на его территории” и что в случае направления государством “бдительности для защиты религиозных верований личности и ее достоинство от попыток влияния на них аморальным или обманным путем”, то пункт 2 статьи 9, “на практике полностью потерял бы смысл”⁴⁷.

Было ли запрещение “необходимым в демократическом обществе”? Это ключевая проверка, которую в свете различных статей Европейской конвенции о правах человека не смогли пройти многие дела. Проверка того, что является “необходимым в демократическом обществе”, – это высшая мера защиты от вмешательства в пользование человеком основными свободами, что не может считаться необходимым в плюралистическом и толерантном обществе.

Хотя у Договаривающихся государств есть “определенные пределы усмотрения... при оценке существования и степени необходимости вмешательства ... но такие пределы усмотрения должны находиться под контролем европейских государств, охватывающим как законодательство, так и решения о его применении, даже те из них, которые выносятся независимым судом. Задача Европейского суда в деле *Коккинакис против Греции*, таким образом, заключалась в том, *чтобы* ”определить, являются ли принятые меры на уровне государства оправданными в принципе и соразмерными”⁴⁸.

Что касается значения прозелитизма, то Суд установил, что

“прежде всего необходимо провести различие между христианским свидетельством и неуместным прозелитизмом. Первое соответствует истинному евангелизму, описанному в докладе, составленном в 1956 году под эгидой Всемирного совета церковью как существенная миссия и ответственность каждого христианина и каждой церкви. Последнее представляет собой его искажение или деформацию. Оно может, как следует из того же доклада, выражаться в деятельности, связанной с предложением материальных или социальных выгод с целью вербовки новых членов в церковь или в

⁴⁶ Ibid., pp. 19-20, paras. 40-41.

⁴⁷ Ibid., p. 20, paras. 44 and 42.

⁴⁸ Ibid., p. 21, para. 47.

оказании неуместного давления на людей, находящихся в нужде или в бедственном положении; оно может даже повлечь за собою применение насилия или промывания мозгов; в более общем плане оно несовместимо с уважением к свободе мысли, совести и религии других”⁴⁹.

Однако внимательное изучение статьи 4 Закона № 1363/1938 показало, что критерии, принятые греческим законодательством, соотносятся с вышесказанным в том случае и в той мере, в какой они “предназначены исключительно для наказания неуместного прозелитизма, который Суд не [был] обязан определять, давая краткое описание настоящего дела”⁵⁰. Суд отметил, однако, “что в своих обоснованиях греческие суды установили ответственность заявителя путем простого воспроизведения формулировки раздела 4 и не уточняли в достаточной мере, каким образом обвиняемый пытался убедить своего соседа неуместными средствами”. Действительно, “ни один из приведенных ими фактов не дает основания для такого вывода”⁵¹. Из этого следует, что не было показано, “что осуждение заявителя в данных обстоятельствах оправдывалось какой-либо настоятельной необходимостью для общества”, поэтому оспариваемая мера не выглядит “соразмерной преследуемой законной цели, или, следовательно, ‘необходимой в демократическом обществе... для защиты прав и свобод других лиц’”. Иными словами, в данном деле имело место нарушение статьи 9 Конвенции⁵².

Нарушение статьи 9 Европейской конвенции также было обнаружено в деле *Сериф против Греции*, которое – в сложной исторической обстановке – касалось права мусульман на организацию выборов на пост муфтия в Родопи. Это право было аннулировано правительством 24 декабря 1990 года путем законодательного указа, который был ретроактивно ратифицирован, когда греческий парламент принял Закон № 1920 от 4 февраля 1991 года. После смерти предыдущего муфтия правительству были направлены просьбы организовать выборы на пост муфтия в Родопи. Поскольку ответа не последовало, 28 декабря 1990 года после молитв в мечетях были проведены выборы. Заявитель был избран муфтием и вместе с другими мусульманами оспорил в Верховном Суде решение правительства о назначении на этот пост другого лица⁵³. 12 декабря 1994 года уголовный суд в Салониках в соответствии со статьями 175 и 176 Уголовного кодекса признал заявителя виновным в том, что тот “узурпировал функции священнослужителя ‘известной религии’ и в том, что он открыто носил одежду такого священнослужителя, не имея на это права”⁵⁴. Заявителю был вынесен неоконченный приговор, предусматривающий восемь месяцев тюремного

⁴⁹ Ibid., p. 21, para. 48.

⁵⁰ Ibid., loc.cit. Согласно пункту 2 статьи 4 Закона № 1363/1938 с внесенными поправками, “прозелитизм” означает, “в частности, любую прямую или косвенную попытку вторжения в религиозные убеждения лица другого вероисповедания (eterodoxos) с целью подрыва этих убеждений либо путем посулов любого рода, либо обещанием посулов или моральной поддержки или материальной помощи, либо мошенническими средствами, либо воспользовавшись его неопытностью, доверием, нуждой, низким интеллектом или наивностью”, p. 12, para. 16.

⁵¹ Ibid., p. 21, para. 49.

⁵² Ibid., pp. 21-22, paras. 49-50.

⁵³ Eur. Court HR, *Case of Serif v. Greece, judgment of 14 December 1999, Reports 1999-IX*, p. 79, paras. 9-12.

⁵⁴ Ibid., pp. 79-80, paras. 13, 15 and 16; the quote is from para. 13.

заключения, который после апелляции был сокращен до шести месяцев, при этом Апелляционный суд подтвердил обвинительный приговор. Приговор был заменен штрафом⁵⁵.

Заявитель обратился в Европейский суд с жалобой на то, что его осуждение было равнозначно неоправданному вмешательству в его право свободно выполнять свой религиозный обряд вместе со всеми, кто обращался к нему за духовным наставлением⁵⁶.

Суд решил прежде всего, что осуждение заявителя было равнозначно “**вмешательству** в его право, согласно пункту 1 статьи 9 Конвенции, ‘сообща с другими и публичным порядком... исповедовать свою религию... в отправлении культа [и] учении’”; это следовало из фактов, послуживших основанием для обвинительного приговора, в котором утверждалось, что заявитель обратился с посланием о религиозном значении праздника, выступил с речью на религиозном собрании, носил одежду религиозного руководителя и т. п.⁵⁷. Однако Суд не считал необходимым рассматривать вопрос о том, является ли это вмешательство “**предусмотренным законом**”, поскольку в любом случае оно противоречило статье 9 по другим основаниям.

Затем Суд согласился с тем, что согласно пункту 2 статьи 9 Конвенции вмешательство **преследовало законную цель**, а именно защиту “общественного порядка”, поскольку “заявитель являлся не единственным лицом, претендовавшим на религиозное руководство местной мусульманской общиной”, в то время как власти назначили другое лицо. Правительство утверждало, что вмешательство преследовало законную цель, потому что, защищая власть законного муфтия, “внутригосударственные суды стремились сохранить порядок в этой конкретной религиозной общине и в обществе в целом”⁵⁸.

Наконец, рассматривая вопрос о том, **было ли вмешательство необходимым в демократическом обществе**, Суд напомнил о своем решении по делу *Коккинакиса*, согласно которому “свобода мысли, совести и религии является одним из оснований ‘демократического общества’”, при этом плюрализм “неотделим” от такого общества⁵⁹. Тем не менее, верно и то, что

“в демократическом обществе может быть необходимо устанавливать ограничения на свободу религии, чтобы примирить интересы различных религиозных групп... Однако любое такое ограничение должно соответствовать ‘настоятельной необходимости для общества’ и должно быть ‘соразмерным преследуемой законной цели’”⁶⁰.

Тем не менее, по мнению Суда, “наказание лица только за то, что оно действовало как религиозный руководитель группы своих добровольных

55 Ibid., p. 80, paras. 16-17.

56 Ibid., p. 84, para. 36.

57 Ibid., p. 85, para. 39 (курсив наш).

58 Ibid., p. 86, paras. 43 and 45.

59 Ibid., p. 87, para. 49.

60 Ibid., loc. cit.

последователей, вряд ли может считаться совместимым с требованиями религиозного плюрализма в демократическом обществе”⁶¹. Суд “не упустил из вида тот факт, что в Родопи существует, помимо заявителя, официально назначенный муфтий” и что, по мнению правительства, “осуждение заявителя было необходимым в демократическом обществе, поскольку его действия подрывали систему, установленную государством для организации религиозной жизни мусульманской общины в этом регионе”. Однако Суд напомнил, что “не было указания на то, что заявитель когда-либо пытался отправлять судебные и административные функции, предусмотренные законодательством о муфтиях и других священнослужителях ‘известных религий’”. Он не посчитал, что “в демократических обществах государству необходимо принимать меры с целью обеспечить сохранение или установление единого руководства религиозными общинами”⁶².

Суду оставалось только рассмотреть довод правительства о том, “что в особых обстоятельствах этого дела власти вынуждены были вмешаться, чтобы не создавать напряженность среди мусульман в Родопи и между мусульманами и христианами в данном районе, а также между Грецией и Турцией”. На это Суд дал следующий ответ, имеющий большое значение:

“Хотя Суд признает, что существует возможность создания напряженности в ситуациях, при которых религиозная или иная община становится разделенной, он считает, что это является одним из неизбежных последствий плюрализма. Роль властей в таких обстоятельствах заключается не в устранении причины напряженности путем ликвидации плюрализма, а в обеспечении того, чтобы соперничающие группы проявляли терпимость друг к другу”⁶³.

Суд отметил, что, “кроме общей ссылки на создание напряженности, правительство никак не упомянуло о беспорядках среди мусульман в Родопи, которые в действительности были вызваны или могли быть вызваны наличием двух религиозных лидеров.” Кроме того, он посчитал, что не было представлено никаких доказательств, которые, “могли бы послужить основанием для того, чтобы квалифицировать угрозу напряженности между мусульманами и христианами или между Грецией и Турцией как нечто большее, нежели очень отдаленную возможность”⁶⁴.

С учетом всех этих соображений Суд пришел к заключению, что не было доказано, что осуждение заявителя “оправдывалось в обстоятельствах этого дела ‘настоятельной необходимостью для общества’”. В результате вмешательство в его право сообща с другими и публичным порядком исповедовать свою религию в богослужении и обучении не было “необходимым в демократическом обществе... для защиты общественного порядка”, согласно пункту 2 статьи 9 Конвенции⁶⁵. Из этого следует, что статья 9 была нарушена.

61 Ibid., p. 88, para. 51.

62 Ibid., p. 88, para. 52.

63 Ibid., p. 88, para. 53.

64 Ibid., loc. cit.

65 Ibid., p. 88, para. 54.

Третьим делом, связанным со статьей 9 Европейской конвенции о правах человека, является дело *Бускарини и др. против Сан-Марино*, касающееся обязанности заявителей приносить присягу, содержащую упоминание Евангелия, под угрозой в случае отказа лишения их мест в парламенте Республики Сан-Марино. По их мнению, было доказано, что в этой Республике “в имеющее отношение к этому делу время осуществление основного политического права, такого как право занимать должность депутата парламента, ставилось в зависимость от открытого исповедования конкретной религии” в нарушение статьи 9 Конвенции⁶⁶. Со своей стороны, правительство утверждало, “что формулировка упомянутой присяги была не религиозной, а скорее имела историческое и социальное значение и основывалась на традиции”. Поэтому она не была равнозначна ограничению свободы религии заявителей⁶⁷.

Вновь подтвердив свое основополагающее постановление по делу *Коккинакиса* о свободе мысли, совести и религии, Суд присовокупил, что эта свобода, “в частности, влечет за собой свободу придерживаться или не придерживаться религиозных убеждений и исповедовать или не исповедовать религию”. Обязанность заявителей присягать на Евангелии “действительно представляет собой ограничение” по смыслу пункта 2 статьи 9 Конвенции, “поскольку требует, чтобы они присягнули в верности конкретной религии под угрозой лишиться своих мест в парламенте”⁶⁸. Таким образом, встал вопрос о том, может ли быть оправдано такое вмешательство как предусмотренное законом и необходимое в демократическом обществе для одной или более законных целей, изложенных в пункте 2 статьи 9.

Суд решил, что эта мера была “*предусмотрена законом*”, поскольку она основывалась на разделе 55 Закона о выборах 1958 года, в котором содержалась ссылка на Указ от 27 июня 1909 года, устанавливающий формулировку присяги, которую должны принимать члены парламента⁶⁹. Не решая в данном деле вопрос о существовании каких-либо **законных целей**, оправдывающих вмешательство по смыслу пункта 2 статьи 9 Конвенции, Суд пришел к заключению, что, вне всякого сомнения, законодательство Сан-Марино в широком смысле гарантирует свободу совести и религии. Однако в настоящем деле “требование, чтобы заявители приносили присягу на Евангелии, было равносильно требованию к двум избранным представителям народа поклясться в верности конкретной религии”, являющемуся несовместимым со статьей 9 Конвенции, которая была, таким образом, нарушена⁷⁰. Иными словами, вмешательство не являлось необходимым в демократическом обществе.

⁶⁶ *Eur. Court HR, Case of Buscarini and Others v. San Marino, judgment of 18 February 1999, Reports 1999-I*, p. 612, paras. 12-13, and p. 615, para. 30 (цитата).

⁶⁷ *Ibid.*, p. 616, para. 32.

⁶⁸ *Ibid.*, p. 616, para. 34.

⁶⁹ *Ibid.*, p. 616, para. 35.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 617, para. 39.

2.3.2 Запреты на свободу исповедовать свою религию или убеждения

Статью 18 Международного пакта следует толковать в сочетании со статьей 20, согласно которой следующие действия “должны быть запрещены законом”:

- ❖ всякая “пропаганда войны” (пункт 1 статьи 20), и
- ❖ всякое “выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию” (пункт 2 статьи 20)⁷¹.

Из этого следует, что исповедование религии или убеждений **в любое время не должно** использоваться в качестве средства подстрекательства к войне или пропаганды ненависти. Комитет по правам человека подтверждает, что никакое отступление, сделанное в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Пакта, “не может служить государству-участнику оправданием в плане ведения, в нарушение статьи 20, пропаганды войны или организации выступлений в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющих собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию”⁷². Тот факт, что государства-участники юридически обязаны запретить пропаганду войны и религиозные подстрекательства к дискриминации, вражде и насилию, подразумевает, что они также имеют юридическое обязательство обеспечить соблюдение этого запрета на практике.

Каждый человек имеет право исповедовать его или ее религию частным либо публичным порядком, либо публично, либо сообщая с другими.

Исповедование своей религии или убеждений может охватывать такие виды деятельности, как отправление культа, соблюдение обрядов, учение, проповедование Евангелия и ритуалы.

Право исповедовать свою религию может подвергаться ограничениям при условии, что такие ограничения являются:

- установленными законом;
- налагаемыми для законной цели, а именно для охраны общественной безопасности, (общественного) порядка, здоровья, нравственности либо прав и свобод других лиц, и необходимыми для защиты законной цели.

На европейском уровне понятие демократического общества играет основную роль при определении необходимости мер, ограничивающих право личности на исповедование его или ее религии или убеждений.

⁷¹ Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций, стр. 198, пункт 7.

⁷² Замечание общего порядка № 29 (72) (Отступления от положений Пакта во время чрезвычайного положения), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/56/40 (том I), стр. 212, пункт 13 е).

2.4 Свобода религии и преподавание в государственных школах

Комитет по правам человека считает, что “свобода родителей или законных опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями”, о которой говорится в пункте 4 статьи 18 Пакта, “связана с гарантиями свободы проповедовать религию или убеждения, о которых говорится в пункте 1 статьи 18”. Это, в частности, означает, что положения пункта 4 статьи 18 Пакта ”допускают преподавание в государственных школах курса общей истории религий и этики, если такое преподавание ведется беспристрастно и объективно”, но что “государственное образование, которое включает обучение в области какой-либо конкретной религии или верования, несовместимо с положениями пункта 4 статьи 18, если не предусмотрены не имеющие дискриминационного характера исключения и альтернативные варианты, учитывающие пожелания родителей или опекунов”⁷³.

В деле *Хартикайнен против Финляндии* автор подал жалобу на нарушение пункта 4 статьи 18 Пакта, вследствие требования финского законодательства о том, что учащимся, родители или законные опекуны которых возражают против преподавания религии, вместо этого должны преподаваться история религий и этика. Автор, который является учителем, а также членом Союза свободно мыслящих людей в Финляндии, хотел, чтобы в таких альтернативных классах обучение велось беспристрастно и было необязательным. Не согласившись с автором, Комитет пришел к заключению, что такое альтернативное преподавание истории религий и этики само по себе не является несовместимым с пунктом 4 статьи 18 Пакта, если оно “ведется беспристрастно и объективно”, и при этом проявляется уважение к “убеждениям родителей и опекунов, не исповедующих никакой религии”. В любом случае оспариваемое законодательство в явной форме разрешало родителям и опекунам, не желавшим, чтобы их детям преподавали либо религию, либо историю религий и этику, получить освобождение от этого требования, организовав для своих детей сопоставимое преподавание вне школы⁷⁴.

Пункт 4 статьи 12 Американской конвенции гарантирует право родителей и опекунов, в зависимости от обстоятельств, обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей или подопечных в соответствии с их собственными убеждениями.

⁷³ Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций, стр. 198, пункт 6.

⁷⁴ Communication No. R.9/40, *E. Hartikainen v. Finland* (Views adopted on 9 April 1981), in UN doc. GAOR, A/36/40, p. 152, para. 10.4.

Хотя статья 9 Европейской конвенции не содержит подобной гарантии, вторая фраза статьи 2 Протокола № 1 к этой Конвенции гласит:

“Государство при выполнении любых функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать детям такое образование и обучение в соответствии с собственными религиозными и философскими убеждениями”.

Европейский суд по правам человека считает, что положение, содержащееся в этой фразе, является дополнением к основополагающему праву на образование, гарантированному в первой фразе этой статьи⁷⁵, и

“имеет обязательную силу для договаривающихся государств при выполнении ими всех без исключения функций – в ней говорится о ‘любых функциях’, – которые они берут на себя в области образования и обучения, включая те из них, которые состоят в организации и финансировании государственного образования”⁷⁶.

Данное положение “направлено, одним словом, на защиту возможности плюрализма в образовании, которая необходима для сохранения ‘демократического общества’, как оно понимается в Конвенции. Благодаря могуществу современного государства эта цель может быть достигнута прежде всего через систему государственного обучения”⁷⁷. Таким образом, статья 2 Протокола № 1 “вменяет в обязанность государству уважать убеждения родителей религиозного или философского характера в рамках всей системы государственного образования”, и поэтому она “не позволяет проводить различия между преподаванием религии и преподаванием других предметов”⁷⁸.

Однако положение, содержащееся во второй фразе статьи 2 Протокола,

“не запрещает государствам распространять с помощью системы образования информацию или знания, прямо или косвенно имеющие религиозный или философской характер. Она даже не позволяет родителям возражать против включения такого преподавания или обучения в школьные программы, иначе вся институционализированная система обучения рискует оказаться непригодной к использованию”⁷⁹.

То же самое положение

“подразумевает, с другой стороны, что государство, выполняя обязательства, которые оно приняло на себя в области образования и обучения, должно позаботиться о том, чтобы информация и

⁷⁵ *Eur. Court HR, Case of Kjeldsen, Busk Madsen and Pedersen, judgment of 7 December 1976, Series A, No. 23, p. 26, para. 52.*

⁷⁶ *Ibid.*, p. 24, para. 50.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 25, para. 50.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 25, para. 51.

⁷⁹ *Ibid.*, p. 26, para. 53.

знания, включенные в учебную программу, преподносятся в объективной, критичной и плюралистической манере. Государство не вправе стремиться внушать принципы, которые можно расценить как неуважение религиозных или философских убеждений родителей. Это та граница, которую нельзя переходить”⁸⁰.

В деле *Кьелдсен, Буск Мадсен и Педерсен против Дании* заявители возражали против комплексного и обязательного полового воспитания в датских начальных школах и утверждали, что это нарушает их права, в частности, по статье 2 Протокола 1 к Конвенции. Однако, изучив датское законодательство, Суд решил, что это положение не было нарушено. По его мнению, последствия этого законодательства не “выходят за рамки того, что в демократическом государстве может считаться общественным интересом”, и это законодательство “никоим образом не равнозначно попытке идеологической обработки, преследующей цель – пропагандировать конкретный характер сексуального поведения”⁸¹. Суд добавил, однако, что во избежание злоупотреблений в ходе его применения определенной школой или конкретным учителем “компетентные власти обязаны очень внимательно следить за тем, чтобы религиозные и философские убеждения родителей не игнорировались на этом уровне из-за небрежности, неумения оценить ситуацию или неуместного прозелитизма”⁸².

С другой стороны, в деле *Кэмпбелл и Козанс* Суд заключил, что имело место нарушение положения, содержащегося во второй фразе статьи 2 Протокола № 1, вследствие существования телесных наказаний в качестве дисциплинарной меры в школах, где учились дети заявителей, поскольку такое наказание противоречит их философским убеждениям⁸³.

В соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах и Американской конвенцией о правах человека родители и законные опекуны имеют право добиваться того, чтобы религиозное и нравственное воспитание их детей велось в соответствии с их собственными убеждениями.

Однако преподавание в государственных школах таких предметов, как курс общей истории религий и этики при условии, что оно ведется в беспристрастной и объективной манере, совместимо с Международным пактом.

⁸⁰ Ibid., loc. cit.

⁸¹ Ibid., p. 27, para. 54.

⁸² Ibid., p. 28, para. 54.

⁸³ Eur. Court HR, *Case of Campbell and Cosans, judgment of 25 February 1982, Series A, No. 48*, pp. 14-18, paras. 32-38.

Согласно Европейской конвенции о правах человека, Договаривающиеся государства юридически обязаны обеспечить, чтобы при выполнении ими всех без исключения функций, которые они берут на себя в области образования и обучения, уважались религиозные и философские убеждения родителей или законных опекунов. Это означает, что государства должны позаботиться о том, чтобы информация или знания передавались в объективной, критичной и плюралистической манере, и что им запрещено преследовать цель идеологической обработки.

2.5 Государственная религия и религиозные меньшинства

Признание какой-либо религии в качестве так называемой государственной религии или религии, просто являющейся официальной или традиционной, или религией, исповедуемой большинством населения государства, вполне может означать, что в отношении других религий проводится дискриминация. Однако, как отметил Комитет по правам человека, эта ситуация “не должна ни наносить ущерб осуществлению любого из прав, закрепленных в Пакте, включая статьи 18 и 27, ни вести к дискриминации в отношении приверженцев других религий или лиц, не исповедующих никакой религии”⁸⁴. Она будет, например, противоречить положению о запрещении дискриминации, содержащемуся в статье 26 Пакта, при принятии “мер по ограничению круга лиц, имеющих доступ к государственной службе, приверженцами доминирующей религии, или предоставлению им экономических привилегий, или установлению специальных ограничений на исповедование других убеждений”⁸⁵.

В связи с этим Комитет указывает, что пункт 2 статьи 20 Пакта обеспечивает “важные гарантии от нарушения свобод религиозных меньшинств и других религиозных групп, предусмотренных статьями 18 и 27, а также от актов насилия или преследования в отношении этих групп”⁸⁶.

Наконец, Комитет подчеркивает, что “если в уставах, положениях, заявлениях правящих партий и т. д. или в реальной жизни тот или иной набор убеждений рассматривается в качестве официальной идеологии, это не должно вести ни к нанесению какого-либо ущерба свободам, провозглашенным в статье 18, или другим правам, признанным в Пакте, ни к дискриминации в отношении лиц, не принимающих официальную идеологию или выступающих против нее”⁸⁷.

⁸⁴ Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций, стр. 199–200, пункт 9.

⁸⁵ Там же, цит.место.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же, пункт 10.

Комитет по правам человека подчеркнул, что государства – участники Международного пакта о гражданских и политических правах несут юридическую обязанность обеспечить отсутствие дискриминации в отношении приверженцев различных религий или лиц, не исповедующих никакой религии.

2.6 Отказ от прохождения военной службы по религиозным соображениям

Хотя право на отказ от прохождения военной службы по соображениям совести в явной форме не гарантировано Международным пактом, Комитет по правам человека “считает, что такое право вытекает из статьи 18, поскольку обязанности в отношении применения оружия могут находиться в серьезном противоречии со свободой совести и правом исповедовать религию или убеждения. В тех случаях, когда такое право признано законом или практикой, не должно проводиться никаких различий между лицами, отказывающимися от военной службы по соображениям совести на основании их конкретных убеждений; точно так же не должно быть никакой дискриминации в отношении таких лиц из-за их отказа нести военную службу”⁸⁸.

Эти мнения были подтверждены при рассмотрении нескольких дел, возбужденных в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту, такого как *Уэстерман против Нидерландов*, в котором автор подал жалобу, в частности, на нарушение статьи 18, выразившееся в том, что он был приговорен к девяти месяцам лишения свободы за отказ подчиниться приказу военного офицера носить военную форму. До поступления на военную службу автор безуспешно пытался получить статус лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, на том основании, что военная служба “противоречит предназначению человека”⁸⁹.

Комитет должен был найти ответ на вопрос, явилось ли в случае автора наложение “санкций, предусматривающих возможность принудительного осуществления им воинской обязанности, нарушением его права на свободу совести”. Комитет отметил, что власти государства-участника “оценили факты и доводы, выдвинутые автором в поддержку своего требования об освобождении от службы, как лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести в свете действующих в государстве правовых положений в отношении отказа от военной службы по соображениям совести и что эти правовые положения [были] совместимы с положениями статьи 18”. Комитет также заметил, что автор “не смог убедить” власти государства в том, что “у него имеются ‘принципиальные возражения со ссылкой на

⁸⁸ Там же, пункт 11.

⁸⁹ Сообщение № 682/1996, *Уэстерман против Нидерландов* (соображения приняты 3 ноября 1999 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/55/40, (том II), стр. 41–43, пункты 2.1–2.7, и стр. 55, пункт 9.4.

соображения совести против... военной службы по причине использования насильственных средств”. На этом основании Комитет пришел к заключению, что “никакие обстоятельства данного дела не требуют от Комитета давать свою собственную оценку данного дела и подменять ею оценку национальных властей”⁹⁰. Отсюда следует, что статья 18 не была нарушена.

Однако вопрос об отказе от военной службы по соображениям совести может также рассматриваться согласно статьям 8 и 26 Пакта. Согласно пункту 3 с)(ii) статьи 8 термином “принудительный или обязательный труд” не охватывается “какая бы то ни была служба военного характера, а в тех странах, в которых признается отказ от военной службы по политическим и религиозно-этическим мотивам, какая бы то ни была служба, предусматриваемая законом для лиц, отказывающихся от военной службы по таким мотивам”. Однако Комитет, проявив последовательность, посчитал нарушением статьи 26 Пакта те случаи, когда государственная альтернативная служба длится *несоразмерно дольше*, чем военная служба. Так было, например, в деле *Р. Май против Франции*. По закону Франции лица, отказывающиеся от военной службы по соображениям совести, должны провести на альтернативной службе 24 месяца вместо 12-месячного срока военной службы. В данном деле Комитет пришел к заключению, что “имело место нарушение статьи 26 Пакта, поскольку автор подвергся дискриминации по признаку его убеждений”; правительство не сумело представить никаких аргументов, доказывающих, что в основе такого дифференцированного подхода лежат “разумные и объективные критерии”, которые бы оправдывали продление срока службы⁹¹.

В отношении отказа от военной службы по соображениям совести Комитет также считает, что исключение только одной группы лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, таких как Свидетели Иеговы, и неприменимость исключения ко всем другим не может считаться обоснованной, поскольку “не должно проводиться никакого различия между лицами, отказывающимися от службы по соображениям совести, в зависимости от характера исповедуемой ими религии”⁹². Тем не менее, поскольку автор не доказал, “что его убеждения как пацифиста [были] несовместимы с системой альтернативной службы... или что особый режим, предоставляемый иеговистам, отрицательно сказывается на его правах как лица, отказывающегося от военной службы”, Комитет счел, что он не являлся жертвой нарушения статьи 26 Пакта⁹³.

⁹⁰ Там же, стр. 56, пункт 9.5.

⁹¹ Там же, сообщение № 689/1996, *Р. Май против Франции* (соображения приняты 10 июля 2000 года), стр. 92–93, пункт 10.4.

⁹² Сообщение № 402/1990, *Х. Бринкхоф против Нидерландов* (соображения приняты 27 июля 1993 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/48/40 (том II), стр. 121, пункт 9.3.

⁹³ Там же, цит.место.

Комитет по правам человека согласился с тем, что право на отказ от военной службы по соображениям совести может выводиться из статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах. Это право не является безусловным, и Комитет иногда не склонен пересматривать решения, принятые на этот счет национальными органами. Однако если в национальном законодательстве признается право на отказ от военной службы по соображениям совести, не должно проводиться никаких различий между соответствующими лицами на основании их конкретных убеждений.

Срок альтернативной/заменяющей службы не должен быть несоразмерно более длительным, нежели срок обычной военной службы. Любое различие в этом отношении должно основываться на разумных и объективных критериях.

3. Право на свободу убеждений и их свободное выражение

3.1 Соответствующие правовые положения

В данном подразделе рассматриваются следующие основные правовые положения:

Статья 19 Всеобщей декларации прав человека:

“Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ”.

Статья 19 Международного пакта о гражданских и политических правах:

“1. Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений.

2. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ устно, письменно или посредством

печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору.

3. Пользование предусмотренными в пункте 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми:

- a) для уважения прав и репутации других лиц;
- b) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения”.

Статья 9 Африканской хартии прав человека и народов:

“1. Каждый человек имеет право получать информацию.

2. Каждый человек имеет в рамках закона право выражать и распространять свое мнение”.

Статья 13 Американской конвенции о правах человека:

“1. Каждый имеет право на свободу мнения и его выражения. Это право включает свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любого рода, независимо от границ, как устно, так и в письменном и печатном виде, или в форме художественного изображения, или с помощью других средств по своему выбору.

2. Пользование правом, предусмотренным в предыдущем пункте, не может подвергаться предварительной цензуре, но может быть предметом последующей ответственности, которая точно установлена законом и необходима, чтобы обеспечить:

- a) уважение прав и репутации других лиц; или
- b) защиту национальной безопасности, общественного порядка или общественного здоровья или нравственности.

3. Право выражения своего мнения не может быть ограничено косвенными методами или средствами, как то: злоупотреблением правительственным или частным контролем над бумагой, частотами радиопередач, инструментами или оборудованием, используемыми в распространении информации, или любыми иными средствами, направленными на задержку в обмене и распространении идей и мнений.

4. Несмотря на пункт 2 данной статьи, публичные представления могут согласно закону подвергаться предварительной цензуре с единственной целью регулирования доступа на них по соображениям моральной защиты детства и юношества.

5. Всякая пропаганда войны а также национальной, расовой или религиозной вражды, которая ведет к подстрекательству к незаконным действиям против любого лица или группы лиц на основе расы, цвета кожи, религии, языка или национального происхождения, рассматривается как преступление, наказуемое по закону”.

Статья 10 Европейской конвенции о правах человека:

“1. Каждый имеет право на свободу выражения своего мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ. Эта статья не препятствует государствам вводить лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или штрафными санкциями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, защиты здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия”.

Право на свободное выражение мнения также гарантируется пунктом d)(viii) статьи 5 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и статьей 13 Конвенции о правах ребенка.

Поскольку суть свободы выражения мнения неразрывным образом связана с ограничениями на ее осуществление, эти два вопроса будет рассмотрены одновременно в свете богатого судебного опыта и юридических комментариев международных контрольных органов.

3.2 Статья 19 Международного пакта о гражданских и политических правах

Право “беспрепятственно придерживаться своих мнений”, гарантированное пунктом 1 статьи 19, “является правом, в отношении которого Пакт не разрешает никаких исключений или ограничений”⁹⁴. Это логично, поскольку невозможно контролировать, что происходит в голове человека.

⁹⁴ Замечание общего порядка № 10 (Статья 19) Комитета по правам человека, *Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций*, стр. 162, пункт 1.

Право на свободное выражение мнения, гарантированное пунктом 2 статьи 19, является многомерным и имеющим широкий охват и включает “свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору”. В своем Замечании общего порядка за 1983 год, касающемся этой статьи, Комитет по правам человека отмечает, что для государств-участников недостаточно утверждать в своих периодических докладах, что свобода выражения мнения гарантируется конституцией; “чтобы познакомиться с конкретным правовым режимом свободного выражения своего мнения, Комитет нуждается в дополнительной соответствующей информации о нормах, которые либо определяют рамки свободного выражения мнения, либо налагают определенные ограничения, а также о любых других условиях, которые на практике влияют на осуществление этого права”⁹⁵.

Ограничения, разрешенные пунктом 3 статьи 19 Пакта, “должны устанавливаться только в соответствии с законом и являться необходимыми... для уважения прав или репутации других лиц”, или “для охраны государственной безопасности, общественного порядка (*ordre public*), здоровья или нравственности населения”. ***Иными словами, чтобы быть законными, ограничения на свободное выражение своего мнения должны отвечать принципам законности и соразмерности и налагаться для достижения одной или более законных целей, перечисленных в пункте 3 статьи 19.*** Далее Комитет подчеркнул, что право на свободу выражения мнений “имеет важнейшее значение в любом демократическом обществе, и любые ограничения в отношении осуществления этого права должны отвечать строгому критерию оправданности”⁹⁶.

Однако свобода выражения мнения также может быть ограничена на основании статьи 20 Пакта, согласно которой “пропаганда войны” и “всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом.”

Сфера действия статьи 19 в различных контекстах будет далее проиллюстрирована выборкой сообщений, представленных в соответствии с Факультативным протоколом, и рекомендаций, сделанных Комитетом в связи с рассмотрением периодических докладов государств-участников.

Пункт 1 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах гарантирует право беспрепятственно придерживаться своих мнений. Это право не может подлежать какому-либо исключению или ограничению.

⁹⁵ Там же, стр. 163, пункт 3.

⁹⁶ Сообщение № 628/1995, *Д. Хун Пак против Республики Корея* (соображения приняты 20 октября 1998 года), Документ Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, А/54/40* (том II), стр. 85, пункт 10.3.

В первую очередь право на свободу выражения своего мнения в пункте 2 статьи 19 Пакта может быть охарактеризовано как всеобъемлющее, так как оно включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ любым способом – устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными средствами по своему выбору. Искусство является формой выражения мнения, защищенной пунктом 2 статьи 19.

Свобода выражения мнения может быть ограничена только на основании пункта 3 статьи 19 и статьи 20 Пакта.

3.2.1 Выбор языка в суде

В деле *И. Кадоре и Э. Лё Биан против Франции* авторы утверждали, что им было отказано в праве выражать свое мнение, поскольку не позволили использовать бретонский язык во французских судах; по мнению Комитета, отсутствие у авторов возможностей выступить на языке по своему выбору не создает проблем в свете пункта 2 статьи 19. Таким образом, жалоба была объявлена неприемлемой⁹⁷. В Австралии было принято такое же решение в отношении предоставления в судах услуг сурдоперевода для глухих людей⁹⁸. Следует, однако, напомнить, что лицо, не понимающее языка, который используется в суде, имеет право на бесплатные услуги переводчика (см. подраздел 3.9 главы 7).

Свобода информации, гарантированная статьей 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, не включает право использовать в судебных заседаниях язык по своему выбору.

3.2.2 Рекламирование

В деле *Баллантайн, Дэвидсон и Макинтайр против Канады* авторы, проживавшие в Квебеке, подали жалобу на нарушение, в частности, статьи 19 Пакта, поскольку им “запретили использовать английский язык в рекламных целях, например в торговых вывесках вне производственных помещений и в названии фирмы”⁹⁹. Комитет по правам человека не разделил мнение

⁹⁷ Сообщения № 221/1987 и 323/1988, *И. Кадоре и Э. Лё Биан против Франции* (соображения приняты 11 апреля 1991 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/46/40, стр. 245, пункт 5.2.

⁹⁸ См. *Gradidge v. Grace Bros. Pty. Ltd.* (1988), *Federal Law Reports*, vol. 92, p. 414.

⁹⁹ Сообщения № 359/1989 и 385/1989, *Дж. Баллантайн и Э. Дэвидсон, а также Г. Макинтайр против Канады* (соображения приняты 31 марта 1993 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/48/40 (том II), стр. 87, пункт 1.

канадского правительства о том, что коммерческая деятельность не охватывается статьей 19. Он постановил, что пункт 2 статьи 19

“следует толковать как охватывающий любые формы субъективных взглядов и мнений, которые могут передаваться другим лицам при условии соблюдения статьи 20 Пакта, любые формы новостей и информации, выражения коммерческих интересов и рекламы, произведения искусства, и т. д.; этот пункт не должен ограничиваться лишь выражением взглядов в области политики, культуры или искусства. По мнению Комитета, коммерческий элемент в выражении своего мнения в форме уличной рекламы не может иметь следствием изъятие данной формы выражения мнения из сферы защищаемого права. Комитет не может также согласиться с тем, что пользование любой из вышеперечисленных форм выражения своего мнения может быть в различной степени сопряжено с ограничениями, в результате чего пользование некоторыми формами выражения своего мнения может быть сопряжено с более широкими ограничениями, чем пользование другими формами”¹⁰⁰.

Поскольку право на свободу выражения мнений, установленное в пункте 2 статьи 19, было, таким образом, ограничено, Комитет должен был решить, могут ли быть оправданы эти ограничения согласно пункту 3 статьи 19 Пакта. Хотя соответствующие меры были “действительно установлены законом”, а именно разделом 58 Хартии французского языка с поправками в разделе 1 Закона № 178, встал вопрос о том, необходимы ли эти ограничения для соблюдения прав других лиц, а именно “прав франкоговорящего меньшинства на территории Канады”. Комитет полагал, что “в запрещении коммерческой рекламы на английском языке для защиты проживающей в Канаде франкоязычной группы населения, находящейся в уязвимом положении, нет необходимости”, поскольку такая защита может быть достигнута иными путями, не ущемляющими “свободу выражения мнения на языке по своему выбору лицами, занимающимися таким видом деятельности, как торговля”. Например, закон мог потребовать, чтобы реклама была представлена как на французском, так и на английском языке. Комитет добавил, что “государство может выбрать один или несколько официальных языков, но оно не может лишать людей вне сферы общественной жизни права на свободное выражение своего мнения на языке по своему выбору”¹⁰¹. Отсюда следует вывод, что имело место нарушение пункта 2 статьи 19¹⁰².

¹⁰⁰ Ibid., pp. 102-103, para. 11.3.

¹⁰¹ Ibid., p. 103, para. 11.4.

¹⁰² Ibid., loc. cit.

Свобода выражения мнения, гарантированная пунктом 2 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, не ограничивается средствами политического, культурного или художественного выражения, а охватывает каждую форму субъективной идеи и мнения, которая может быть передана другим лицам, такую как коммерческая реклама.

Вне государственной сферы каждый человек имеет право на выбор языка, на котором он желает самовыражаться. Однако в общественной жизни государство может выбрать один или более официальных языков.

3.2.3 Диффамация и распространение ложной информации

Комитет по правам человека заметил, что положение в Уголовном кодексе Хорватии, предусматривающее уголовное преследование за клевету, в определенных обстоятельствах может приводить к большим ограничениям, нежели ограничения, разрешенные пунктом 3 статьи 19. Учитывая, однако, отсутствие конкретной информации, представленной автором в деле *Д. Парага против Хорватии*, и снятие с него обвинений, Комитет не смог сделать вывод о том, что само по себе возбуждение уголовного дела против автора следует рассматривать как нарушение статьи 19 Пакта. Уголовное дело против него было возбуждено на том основании, что он назвал президента Хорватии “диктатором”¹⁰³.

При рассмотрении первоначального доклада Хорватии Комитет указал также, что, хотя право на свободу выражения своего мнения гарантируется конституцией, “сфера действия целого ряда положений Уголовного кодекса, касающихся преступлений против чести и достоинства, диффамации, клеветы, оскорблений и т. д. [была] четко не определена, особенно в отношении критики органов власти”. Поэтому он настаивал, чтобы государство-участник приступило к разработке “всеобъемлющего и сбалансированного нормативного акта по этим вопросам”, в котором должны быть ясно и четко определены ограничения свободы выражения мнений и убеждений и который должен обеспечивать, чтобы эти ограничения не выходили за рамки пункта 3 статьи 19 Пакта¹⁰⁴. Комитет также отметил наличие преступления неуважения к власти “desacato” в Доминиканской Республике, что, по его мнению, противоречит положениям статьи 19 Пакта. Комитет просил государство-участника принять меры по отмене юридической нормы, предусматривающей данное преступление¹⁰⁵.

¹⁰³ Сообщение № 727/1996, *Д. Парага против Хорватии* (соображения приняты 4 апреля 2001 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/56/40 (том II), р. 85, пункт 9.6.

¹⁰⁴ Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/56/40 (том I), стр. 65, пункт 17.

¹⁰⁵ Там же, стр. 54, пункт 22.

Комитет выразил обеспокоенность в связи с существованием в Ираке “серьезных ограничений в отношении права на выражение противоположных мнений или критических замечаний в адрес правительства или по поводу его политики”, а также по поводу “закона, предусматривающего пожизненное заключение за оскорбительные заявления в адрес президента Республики и в некоторых случаях – смертную казнь”. Комитет также отметил, что в этом законе “предусматриваются суровые наказания за нечетко определенные преступления, допускающие их широкое толкование властями, такие как составление письменных материалов, подрывающих репутацию президента”. По мнению Комитета, “подобные ограничения на свободное выражение своего мнения, которые фактически исключают возможность обсуждения идей или деятельности политических партий, находящихся в оппозиции к правящей партии Баас, представляют собой нарушение статей 6 и 19 Пакта и препятствуют осуществлению статей 21 и 22 Пакта, защищающих права на мирные собрания и свободу ассоциаций”. Он заметил, что следует внести поправки в уголовные законы и указы, ограничивающие права на свободное выражение мнений, мирные собрания и ассоциации, с тем чтобы они не противоречили соответствующим статьям Пакта¹⁰⁶.

Комитет выразил обеспокоенность в отношении ряда аспектов свободы выражения мнений в Словакии, таких как статья 98 Уголовного кодекса, согласно которой распространение за границей ложной информации, ущемляющей интересы государства, считается преступлением. По мнению Комитета, “это положение... является слишком расплывчатым и создает опасность ограничения свободы выражения мнений в более значительной степени, чем это предусмотрено в пункте 3 статьи 19”. Комитет также выразил озабоченность в отношении “подачи судебных исков о диффамации, которые могут являться результатом высказывания критических замечаний в адрес правительства”, что создает проблему согласно статье 19¹⁰⁷.

Государства – участники Международного пакта о гражданских и политических правах обязаны обеспечить, чтобы законы о диффамации и распространении ложной информации соответствовали принципу юридической определенности; иными словами, такие законы должны быть достаточно детализированными, чтобы позволить лицам выбрать форму поведения, которая их не нарушает. Законодательные положения, ограничивающие свободу выражения мнений, например, наказывающие, как правило, за “неуважение к власти” и критику руководящих органов и правящих партий, не согласуются со статьей 19 Пакта. Эффективная защита свободы выражения мнений является также необходимой для осуществления прав на свободу мирных собраний и ассоциаций, изложенных в статьях 21 и 22 Пакта.

¹⁰⁶ Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/53/40 (том I), стр. 21–22, пункт 105.

¹⁰⁷ Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/52/40 (том I), стр. 56–57, пункт 383.

3.2.4 *Отрицание преступлений против человечности и пропаганда ненависти*

Вопрос о допустимости отрицания преступлений против человечности был поднят в деле *Фориссон против Франции*, касавшемся осуждения автора французскими судами на основании так называемого “закона Гейссо”, внесшего поправку в Закон о свободе печати 1881 года, в результате чего в качестве правонарушения стало рассматриваться “отрицание существования такой категории преступлений, как преступления против человечности, определенной в Лондонской хартии от 8 августа 1945 года”. В интервью автор “неоднократно выражал свою личную убежденность в том, что в нацистских концентрационных лагерях отсутствовали газовые камеры для уничтожения евреев”¹⁰⁸.

Это ограничение на свободу выражения мнения автора, гарантированного пунктом 2 статьи 19, должно было быть рассмотрено в свете пункта 3 статьи 19, согласно которому, как показано выше, любое ограничение должно в совокупности удовлетворять следующим трем условиям: 1) быть установленным законом, 2) вводиться для достижения одной из законных целей, перечисленных в нем, и 3) быть необходимым для достижения одной или более вышеуказанных целей. Комитет признал, во-первых, что **принцип законности** был соблюден, поскольку ограничение предусматривалось Законом Гейссо, на основании которого заявитель был осужден за “нарушение прав и репутации других”¹⁰⁹. Он также согласился с тем, что ограничение было наложено для достижения **законной цели**, а именно для того, чтобы обеспечить уважение прав или репутации других лиц в соответствии с пунктом 3а) статьи 19 Пакта. В связи с этим он указал, что “права, для защиты которых вводятся ограничения на свободное выражение своего мнения [установленные в пункте 3 статьи 19] могут относиться к интересам других лиц или интересам общества в целом”. Поскольку высказывания автора, “прочитанные в их полном контексте, вызывают или усиливают антисемитские настроения, указанное ограничение способствовало тому, что еврейская община могла не опасаться атмосферы антисемитизма”¹¹⁰.

Наконец, Комитету необходимо было, однако, рассмотреть вопрос о том, было ли **ограничение необходимым для достижения этой законной цели**. В отсутствие каких-либо аргументов, ставящих под сомнение обоснованность заявления правительства о том, что “Закон Гейссо был направлен на борьбу с расизмом и антисемитизмом”, и опровергающих заявление бывшего министра юстиции, охарактеризовавшего “отрицание существования Холокоста как главной движущей силы антисемитизма”, Комитет был убежден, что ограничение свободы выражения мнения г-на Фориссона было необходимым по смыслу пункта 3 статьи 19 Пакта¹¹¹.

¹⁰⁸ Сообщение № 550/1993, *Р. Фориссон против Франции* (соображения приняты 8 ноября 1996 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/52/40 (том II), стр. 83, пункты 2.3 и 2.5.

¹⁰⁹ Там же, стр. 92, пункт 9.5.

¹¹⁰ Там же, стр. 92, пункт 9.6.

¹¹¹ Там же, стр. 92–93, пункт 9.7.

В деле *Росс против Канады*, касающемся свободы выражения мнений учителей, Комитет также решил, что статья 19 не была нарушена. Вопрос, который следовало решить, сводился к тому, было ли право автора на свободное выражение своих мнений ограничено вопреки статье 19 Пакта постановлением Следственной правозащитной комиссии, подтвержденным Верховным судом Канады, в результате чего автору был предоставлен отпуск без сохранения содержания сроком на одну неделю, а впоследствии он был переведен на должность, не связанную с преподаванием¹¹². Как представляется из оценки Следственной комиссии, высказывания заявителя, содержащиеся в его различных книгах и брошюрах, которые публиковались вне рамок его преподавательской деятельности, порочили веру и убеждения евреев¹¹³.

Не согласившись с государством-участником, Комитет выразил мнение, что “потеря должности преподавателя является значительным ущербом, даже если автор незначительно пострадал в материальном отношении или вообще не пострадал”, и отстранение заявителя от его преподавательской должности являлось, таким образом, ограничением его свободы на выражение мнений, которое должно быть обосновано согласно пункту 3 статьи 19¹¹⁴. Комитет также согласился с тем, что данная мера была **предусмотрена законом**, а именно Законом о правах человека провинции Нью-Брансуик, как его впоследствии истолковал Верховный суд. По вопросу о том, преследовал ли он также **законную цель**, Комитет подтвердил свое решение по делу *Форриссона*, согласно которому формулировка “права или репутация других лиц [в пункте 3 статьи 19] может относиться к другим лицам или к обществу в целом”. Он добавил, что:

“применение ограничений может допускаться в отношении заявлений, способных породить или укрепить антисемитизм, с тем чтобы утвердить право еврейских общин на защиту от религиозной ненависти. Такие ограничения также вытекают из принципов, отраженных в пункте 2 статьи 20 Пакта. Комитет отмечает, что как Следственная комиссия, так и Верховный суд сочли, что заявления автора дискриминируют лиц иудейского вероисповедания и происхождения и что они порочат веру и убеждения евреев и призывают истинных христиан не только сомневаться в обоснованности установок и учения иудаизма, но и презрительно относиться к иудейской вере и происхождению евреев как подрывающим свободу, демократию и христианские установления и ценности. Учитывая заключения в отношении характера и последствий публичных заявлений автора, Комитет приходит к выводу о том, что принятые в отношении него ограничения преследовали цель защиты ‘прав и репутации’ лиц иудейского вероисповедания, включая право на обучение в системе школьного образования, свободной от необъективности, предубеждения и нетерпимости”¹¹⁵.

¹¹² Сообщение № 736/1997, *Росс против Канады* (соображения приняты 18 октября 2000 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/56/40 (том II), стр.68–72, пункты 4.1–4.6, и стр. 81, пункт 11.1.

¹¹³ Там же, стр. 69–70, пункт 4.2.

¹¹⁴ Там же, стр. 81, пункт 11.1.

¹¹⁵ Там же, стр. 82, пункты 11.3–11.5.

Наконец, касаясь вопроса о *необходимости* ограничений, Комитет заявил, что “осуществление права на свободное выражение мнений сопряжено с особыми обязанностями и ответственностью. Эти особые обязанности и ответственность особенно уместны в системе школьного образования, прежде всего при обучении молодых учащихся”. Влияние, оказываемое школьными учителями, может, таким образом, “оправдывать введение ограничений с целью обеспечить, чтобы школьная система не придавала законный характер выражению мнений, являющихся дискриминационными”¹¹⁶. Комитет отметил тот факт,

“что Верховный суд счел разумным предполагать наличие причинно-следственной связи между выражением автором своих мнений и ‘нездоровой школьной обстановкой’ для детей-евреев в школьном округе. В этом контексте отстранение автора от преподавания может считаться ограничением, необходимым для защиты права и свободы детей-евреев обучаться в системе школьного образования, свободной от необъективности, предубеждения и нетерпимости”¹¹⁷.

Кроме того, Комитет отметил, что “автор был переведен на работу, не связанную с преподаванием, после минимального отпуска без сохранения содержания и что такое ограничение не выходило за пределы необходимого, с тем чтобы обеспечить защитные меры. Следовательно, статья 19 не была нарушена”¹¹⁸.

Осуществление свободы выражения мнения влечет за собой конкретные обязанности и ответственность.

Отрицание преступлений против человечности и подстрекательство к дискриминации могут в определенных обстоятельствах служить оправданием ограничений на осуществление свободы выражения мнения с целью защиты прав и свобод других лиц. Термины “уважение прав и репутации других лиц” в пункте 3 а) статьи 19 Международного пакта может в этом отношении относиться как к другим лицам, так и к обществу в целом.

Для государств-участников особенно важно обеспечить, чтобы обучение детей в государственных учебных заведениях было свободным от предвзятости, предубежденности и нетерпимости.

116 Там же.

117 Там же.

118 Там же.

3.2.5 Угрозы национальной безопасности и общественному порядку

Как будет показано на примере дел, изложенных в этом подразделе, государству-участнику для оправдания установления ограничений на осуществление свободы выражения мнений недостаточно просто сослаться на одну из законных целей, перечисленных в пункте 3 статьи 19. **Оно должно также доказать, представив конкретные и заслуживающие доверия подробности, что в данном случае ограничение действительно было “установлено законом” и являлось необходимым для достижения конкретной законной цели.**

Понятие национальной безопасности было ключевым в деле *Г.Д. Ким против Республики Корея*, касавшемся осуждения автора на основании пунктов 1 и 5 статьи 7 Закона о национальной безопасности Республики Корея. Окружной уголовный суд Сеула приговорил автора к трем годам тюремного заключения и одному году лишения избирательного права, но после апелляции срок его тюремного заключения был сокращен до двух лет. Его преступление состояло в том, что он вместе с двумя другими членами Национальной коалиции в поддержку демократического движения участвовал в подготовке документов, критикующих правительство Республики Корея и его зарубежных союзников, и выступал за воссоединение страны¹¹⁹. Пункты 1 и 5 статьи 7 Закона о национальной безопасности предусматривают, что “любое лицо, которое содействует антигосударственной организации, пропагандируя или поддерживая деятельность этой организации, подлежит наказанию”, и что “любое лицо, которое выпускает или распространяет документы, рисунки или любые иные материалы, отвечающие интересам антигосударственной организации, подлежит наказанию”¹²⁰.

Комитет, таким образом, должен был рассмотреть, было ли осуждение автора, которое представляло собой ограничение его свободы выражения мнения, оправданным в свете пункта 3 статьи 19 Пакта. Поскольку оно было **установлено законом**, а именно Законом о национальной безопасности, следовало решить, являлось ли оно **необходимым** для одной из **законных целей**, указанных в пункте 3 статьи 19. Комитет заметил в связи с этим, что необходимость “внимательного рассмотрения” обусловлена довольно “общими и расплывчатыми формулировками, в которых данное правонарушение [подводилось] под действие Закона о национальной безопасности”¹²¹.

Комитет отметил, что автор был признан виновным “в оглашении и распространении печатных материалов, которые были расценены как сходные с политическими заявлениями КНДР (Северной Кореи), с которой государство-участник формально находится в состоянии войны”. Верховный суд вынес решение, “что простая осведомленность о том, что это действие могло служить интересам Северной Кореи, является достаточным основанием

¹¹⁹ Сообщение № 574/1994, *Г.Д. Ким против Республики Корея* (соображения приняты 3 ноября 1998 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/54/40 (том II), стр. 2, пункты 2.1–2.2.

¹²⁰ Там же, стр. 2, пункт 2.3.

¹²¹ Там же, стр. 11, пункт 12.3.

для установления факта вины”. Даже принимая во внимание данный аспект, Комитету необходимо было решить, “имеют ли политическая речь автора сообщения и распространение им политических документов характер, предусматривающий введение ограничения, допускаемого пунктом 3 статьи 19, а именно для охраны национальной безопасности”. Он заявил в связи с этим, что:

“Совершенно ясно, что политика Северной Кореи хорошо известна на территории государства-участника, и непонятно, каким образом (неопределенная) ‘выгода’, которую КНДР могла бы извлечь из опубликования взглядов, сходных с ее собственными, создает угрозу для национальной безопасности, и неясно, каковы характер и степень такой угрозы. Нет никаких указаний на то, что суды любой инстанции поднимали эти вопросы или рассматривали их, или решали, оказало ли содержание этой речи или документов какое-либо дополнительное воздействие на аудиторию или читателей в плане создания угрозы для общественной безопасности, защита которой оправдывала бы *необходимость* применения ограничения в соответствии с положениями Пакта”¹²².

Поскольку государство-участник не смогло конкретно определить характер угрозы, якобы созданной в связи с осуществлением автором права на свободу выражения своего мнения, и ему не удалось представить “конкретное обоснование” того, почему под предлогом соображений национальной безопасности автора потребовалось наказывать за осуществление им своего права на свободное выражение собственных убеждений, Комитет решил, что ограничение права автора на свободное выражение своих убеждений несовместимо с положениями пункта 3 статьи 19 Пакта. Таким образом, пункт 3 статьи 19 был нарушен¹²³.

В деле *Дэ Хун Пак против Республики Корея* автор подал жалобу на осуждение его по пунктам 1 и 3 статьи 7 Закона о национальной безопасности, которое “основывалось на его членстве и участии в деятельности Союза молодых корейцев (СМК) во время его учебы в Соединенных Штатах Америки в... университете штата Иллинойс” в 1983–1989 годах. По словам заявителя, это американская организация, в которую входят молодые корейцы и которая занимается проведением обсуждений “по вопросам установления мира и объединения Северной и Южной Кореи”¹²⁴. Как видно из решений суда, “осуждение и приговор были вынесены по факту того, что автор сообщения своим участием в некоторых мирных демонстрациях и других манифестациях, проводившихся в Соединенных Штатах, выражал свою поддержку или симпатию к определенным политическим лозунгам и позициям”¹²⁵.

¹²² Там же, стр. 11–12, пункт 12.4.

¹²³ Там же, стр. 12, пункт 12.5.

¹²⁴ Сообщение № 628/1995, *Дэ Хун Пак против Республики Корея* (соображения приняты 20 октября 1998 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/54/40 (том II), стр. 80, пункт 2.2.

¹²⁵ Там же, стр. 81, пункт 2.4.

Изучив это дело в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Пакта, Комитет подчеркнул, что

“право на свободу выражения мнений имеет первостепенное значение в любом демократическом обществе и любые ограничения осуществления этого права должны отвечать строгому критерию оправданности”¹²⁶.

Чтобы оправдать ограничение осуществления свободы выражения мнения автором, правительство утверждало, что оно было необходимо для защиты “государственной безопасности”, но в связи с этим ссылались лишь на “общую ситуацию в стране и угрозу, представляемую северокорейскими коммунистами”. И вновь Комитет счел, что государство-участник “не смогло конкретно определить характер угрозы”, и решил, что ни один из аргументов, выдвинутых государством-участником, не является достаточным основанием для введения ограничения на свободное выражение своего мнения автором в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Пакта. Наконец, ни одно из судебных решений или представлений государства-участника не доказывает, что осуждение заявителя было вызвано необходимостью защиты одной из законных целей, изложенных в статье 19. Таким образом, осуждение его за “акты выражения им своих взглядов” должно классифицироваться как нарушение этой статьи¹²⁷.

В деле *В. Лапцевич против Беларуси автор* подал жалобу о том, что его право на свободу мнений и выражение мнения было нарушено наложенными на него санкциями, последовавшими за конфискацией листовок, посвященных годовщине провозглашения независимости Беларуси. Его оштрафовали на 390 тыс. рублей в соответствии с Кодексом об административных нарушениях “за распространение листовок, не имеющих необходимых выходных данных”. Однако автор настаивал, что листовки не содержали этих данных “именно для того, чтобы было ясно видно, что Закон о печати на данное издание не распространяется”¹²⁸. Хотя в заявлениях государства-участника “подразумевалось”, что “такие санкции были необходимы для охраны национальной безопасности”, ничто в представленных Комитету материалах не позволяет предположить, “что действия полиции или заключения судов были основаны на чем-либо ином, кроме довода об отсутствии необходимых выходных данных”. Следовательно, единственный вопрос, который предстояло решить Комитету, заключался в том, “можно ли считать санкции, введенные против автора за невключение сведений, требуемых по Закону о печати, необходимыми для охраны общественного порядка или для уважения прав и репутации других лиц”¹²⁹.

Комитет отметил, что государство-участник не предприняло никаких попыток “для изучения обстоятельств конкретного дела автора и разъяснения

¹²⁶ Там же, стр. 85, пункт 10.3.

¹²⁷ Там же, цит.место.

¹²⁸ Сообщение № 780/1997, *В. Лапцевич против Беларуси* (соображения приняты 20 марта 2000 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/55/40 (том II), стр. 236–237, пункты 2 и 4.

¹²⁹ Там же, стр. 239–240, пункт 8.4.

причин в отношении требования о том, что до опубликования и распространения листовок тиражом в 200 экземпляров он должен был зарегистрировать свое издание в административных органах и получить соответствующие индекс и регистрационный номер”. Кроме того, государство-участник “не разъяснило, почему это требование необходимо для одной из законных целей, указанных в пункте 3 статьи 19, и почему нарушение этих требований должно влечь за собой не только санкции в виде штрафа, но также конфискацию листовок, которые оставались у автора”¹³⁰. В отсутствие какого-либо разъяснения, оправдывающего применение требований в отношении регистрации и принятых мер, Комитет решил, что их нельзя рассматривать в качестве мер, необходимых “для охраны общественного порядка или для уважения прав и репутации [sic] других лиц”. Следовательно, имело место нарушение пункта 2 статьи 19 Пакта¹³¹.

По мнению Комитета по правам человека, свобода выражения своих мнений имеет первостепенное значение в любом демократическом обществе, и ограничения на осуществление этой свободы должны, таким образом, отвечать строгому критерию оправданности.

Ссылаясь на одну или более законных целей, перечисленных в пункте 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, для оправдания ограничений на осуществление свободы выражения мнения, государства-участники должны, соответственно, предоставлять достаточно конкретные и достоверные подробности в поддержку своих аргументов. Общие ссылки на такие понятия, как государственная безопасность и общественный порядок (ordre public), являются недостаточными и не будут приниматься Комитетом по правам человека в качестве оправдания ограничений на осуществление свободы выражения мнений.

3.2.6 Свобода прессы

Дело *Р. Готье против Канады* касается издателя газеты “Нэшнл кэпитал ньюс” в Канаде, который, обратившись в Парламентскую пресс-галерею с просьбой о приеме в члены, получил только временный пропуск, дающий лишь ограниченные права, – факт, который автор заявления счел нарушением статьи 19 Пакта¹³². Государство-участник фактически “ограничило право пользования материалами и техническими средствами, предоставляемыми прессе в парламенте и финансируемыми из

¹³⁰ Там же, стр. 240, пункт 8.

¹³¹ Там же.

¹³² Сообщение № 633/1995, *Р. Готье против Канады* (соображения приняты 7 апреля 1999 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/54/40 (том II), стр. 87–88, пункты 1–2.2.

государственных источников, в том числе право вести записи при наблюдении за работой заседаний парламента, теми представителями прессы, которые [являлись] членами частной организации ‘Канадская пресс-галерея’”. Автору было отказано в полном членстве в пресс-галерее, и он только в отдельных случаях имел временное членство, которое давало ему доступ к некоторым, но не ко всем материалам и техническим средствам организации. Когда у него не было временного членства, ему отказывали в доступе к техническим средствам и он не мог вести записи о ходе парламентских заседаний¹³³. Таким образом, Комитету предстояло решить вопрос о том, является ли ограничение доступа автора к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в парламенте, нарушением его права “искать, получать и распространять всякого рода информацию” согласно статье 19 Пакта. В связи с этим Комитет сослался в первую очередь

“на право принимать участие в ведении государственных дел, закрепленное в статье 25 Пакта, и, в частности, на Замечание общего порядка № 25 (57), которое, среди прочего, гласит: ‘Для обеспечения полного осуществления прав, закрепленных в статье 25, особое значение имеет свободный обмен информацией и мнениями по государственным и политическим вопросам между гражданами, кандидатами и избранными представителями народа. Это предполагает свободу прессы и других средств информации, которая могла бы комментировать государственные вопросы без контроля или ограничений и информировать о них общественность’... Вместе со статьей 19 это предполагает, что граждане, в частности через средства массовой информации, должны иметь широкий доступ к информации и возможность распространять информацию и мнения о деятельности выборных органов и их членов. Вместе с тем Комитет признает, что такой доступ не должен мешать или препятствовать осуществлению функций выборных органов и что государство-участник, следовательно, имеет право ограничивать доступ. Однако любые ограничения, вводимые государством-участником, должны быть совместимыми с положениями Пакта”¹³⁴.

Затем Комитет признал, что отстранение автора заявления представляет собой ограничение его права, закрепленного пунктом 2 статьи 19, иметь *доступ к информации*, и тем самым он также отклонил аргумент государства-участника о том, “что автор сообщения [не испытывал] сколь-нибудь значительного ухудшения своего положения, поскольку достижения научно-технического прогресса позволяют общественности легко получать информацию о заседаниях парламента”¹³⁵.

После признания того, что ограничение было, “как утверждается, введено на законных основаниях”, поскольку оно вытекает из закона о парламентской привилегии, Комитет также согласился с тем, “что охрана установленного режима в парламенте может быть признана законным

133 Там же, стр. 98, пункт 13.5.

134 Там же, стр. 98, пункты 13.3–13.4; сноска опущена.

135 Там же, стр. 98, пункт 13.5.

основанием для цели обеспечения общественного порядка” и что “система аккредитации может, тем самым, служить оправданным инструментом достижения этой цели”. С другой стороны, Комитет не согласился с утверждением правительства, что этот вопрос “должен решаться исключительно государством”, и он принял следующие соображения по данному делу:

“Устанавливаемые для системы аккредитации соответствующие критерии должны быть конкретными, справедливыми и разумными, а их применение должно быть прозрачным. В данном случае государство-участник позволяет частной организации контролировать без своего вмешательства доступ к парламентским материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе. Эта система не гарантирует, что при решении вопроса о предоставлении доступа к этим парламентским материалам и техническим средствам не будет случаев произвольного отказа. В данных обстоятельствах, по мнению Комитета, не было доказано, что существующая система аккредитации является необходимым и соразмерным ограничением прав по смыслу пункта 3 статьи 19 Пакта, призванным обеспечить эффективную работу парламента и безотказности его членов. Отказ автору сообщения в доступе к предоставляемым прессе парламентским материалам и техническим средствам на основании того, что он не является членом ассоциации ‘Канадская пресс-галерея’, является, следовательно, нарушением пункта 2 статьи 19 Пакта”¹³⁶.

Комитет “с сожалением” отметил, говоря о Габоне, “что наделение Национального совета по средствам массовой информации полномочиями контролировать программы и налагать санкции на органы печати является нарушением свободы печати”. Комитет также выразил сожаление по поводу “гонений, которым подвергаются журналисты” и предложил государству-участнику “привести свое законодательство в соответствие с положениями статьи 19, отменив цензуру и санкции в отношении органов печати, а также принять меры в тому, чтобы журналисты могли выполнять свои функции в условиях полной безопасности”¹³⁷. Комитет также выразил обеспокоенность по поводу “увеличения числа жалоб о травле и систематическом преследовании журналистов и угрозах расправы над ними, что ведет к ущемлению права на свободное выражение мнений” в Перу, и обратился с просьбой к государству-участнику “принять необходимые меры, направленные на снятие существующих прямых и косвенных ограничений права на свободное выражение мнений, расследований любых представленных жалоб и привлечение виновных к судебной ответственности”¹³⁸. Он также выразил глубокое сожаление по поводу “действий правительства Перу, направленных на лишение лиц, критически настроенных по отношению к правительству,

¹³⁶ Там же, стр. 98, пункт 13.5, и стр. 98–99, пункт 13.6.

¹³⁷ Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/56/40 (том I), стр. 36, пункт 19.

¹³⁸ Там же, стр. 41, пункт 16.

доступа к средствам массовой информации, включая, в частности лишение гражданства одного из таких лиц”, и призвало государство-участника “урегулировать случаи нарушения права на свободное выражение мнений... и предоставить в распоряжение пострадавших лиц эффективные средства правовой защиты”¹³⁹.

Комитет выразил озабоченность по поводу того, что многие положения Закона о печати в Корейской Народно-Демократической Республике и многочисленные ссылки на них вряд ли согласуются с положениями статьи 19 Пакта. Комитет, в частности, выразил обеспокоенность в связи с тем, что “формулировка ‘угроза для безопасности государства’ может использоваться для целей ограничения свободы выражения мнений”, что постоянное присутствие в КНДР представителей иностранных СМИ ограничивается журналистами из трех стран и что ‘широкие слои населения не имеют беспрепятственного доступа’ к иностранным газетам и публикациям. Наконец, Комитет отметил, что ‘журналисты КНДР не имеют возможности свободно выезжать за границу’. Кроме того, государству-участнику “следует уточнить мотивы, по которым могут запрещаться те или иные издания, и воздерживаться от применения мер, ограничивающих доступ населения к иностранным газетам”. Государству-участнику предложили “ослабить ограничения на поездки журналистов КНДР за границу и всячески избегать использования формулировки ‘угрозы для безопасности государства’ для целей подавления свободы выражения мнений в нарушение статьи 19”¹⁴⁰.

Комитет подчеркнул “свою глубокую озабоченность в связи с тем, что допускаются многочисленные и серьезные нарушения свободы выражения мнений” в Беларуси. “В частности, тот факт, что большинство средств публикации, распространения информации и теле- и радиовещания принадлежит государству и что главные редакторы большинства финансируемых государством газет являются государственными служащими, приводит к тому, что СМИ становятся объектом мощного политического давления, и подрывает их независимость”. Многочисленные запреты, налагаемые на СМИ, в частности нечетко определенные правонарушения, несовместимы с пунктом 3 статьи 19. Кроме того, Комитет выразил озабоченность “по поводу сообщений о притеснениях и устрашении белорусских и иностранных журналистов со стороны властей и об отказе предоставить доступ к общественным СМИ политическим оппонентам правительства”. Он призвал государство-участника “принять в приоритетном порядке все необходимые меры как юридического, так и административного характера для устранения подобных ограничений свободы слова, которые несовместимы с обязательствами по статье 19 Пакта”¹⁴¹.

Комитет выразил озабоченность по поводу того, что средства массовой информации в Зимбабве, а “также многие другие формы выражения мнений, в том числе художественные, подвергаются цензуре и в значительной

¹³⁹ Там же, стр. 41, пункт 17.

¹⁴⁰ Там же, стр. 106–107, пункт 23.

¹⁴¹ Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/53/40 (том I), стр. 31, пункт 153.

мере контролируются правительством”. Он рекомендовал “привести ограничения в отношении свободы выражения и печати в строгое соответствие со статьей 19(3) Пакта”¹⁴². Наконец, он был озабочен вмешательством правительства Словакии “в процесс принятия решений, касающихся государственного телевидения”, которое “создает опасность нарушения положений статьи 19”¹⁴³.

Право на свободу выражения мнения, включая свободу прессы, гарантированное статьей 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, возможно, также должно толковаться в свете других положений Пакта, таких как статья 25, касающаяся права принимать участие в управлении государственными делами. Эффективное осуществление этого права предполагает свободную передачу информации и идей по общественным и политическим

вопросам между гражданами, включая свободную прессу и другие СМИ, которые способны комментировать общественные проблемы без цензуры или ограничений.

*Право журналистов на **доступ к информации** в соответствии с пунктом 2 статьи 19 Пакта предполагает, в частности, что критерии для схем аккредитации должны быть конкретными, справедливыми и разумными и что, например, не должно быть произвольного отказа в доступе к парламентским дебатам.*

Право на свободу прессы означает, что притеснение журналистов строго запрещено в соответствии со статьей 19 Пакта. Свобода прессы предполагает, что журналисты должны иметь возможность осуществлять свои функции в условиях безопасности и свободно перемещаться.

Цензура и санкции в отношении органов печати представляют собой препятствие к эффективному осуществлению свободы прессы. Пункт 3 статьи 19 не позволяет применять нечетко сформулированные определения правонарушений для установления ограничений для СМИ с целью заставить замолчать тех, кто критикует правительство.

¹⁴² Там же, стр. 41, пункт 224.

¹⁴³ Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/52/40 (том I), стр. 56–57, пункт 383.

3.2.7 Правозащитники

Право правозащитников на свободу выражения своих мнений является чрезвычайно важным, поскольку при отсутствии у этих лиц возможности свободно выражать свое мнение как в устной, так и в письменной или печатной форме само понятие эффективной защиты прав человека становится иллюзорным. При рассмотрении второго периодического доклада Сирийской Арабской Республики Комитет заявил, что он по-прежнему обеспокоен тем, “что деятельность правозащитников и журналистов, выступающих в защиту прав человека, по-прежнему подвергается серьезным ограничениям”. Касаясь конкретного дела, когда человек был приговорен к десяти годам тюремного заключения за “выражение критических мнений без применения насильственных методов по отношению к властям”, Комитет заметил, что “такие ограничения несовместимы с правом на свободные убеждения и правом на их свободное выражение”, которые гарантируются статьей 19 Пакта. В связи с этим государству-участнику следует “обеспечить защиту правозащитников и журналистов от любых действий, ограничивающих их деятельность, и гарантировать журналистам возможность осуществления своей профессиональной деятельности без страха быть привлеченными к суду и осужденными за критику проводимой правительством политики”¹⁴⁴.

В этом контексте следует отметить, что Декларация Организации Объединенных Наций о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, принятая резолюцией 53/144 Генеральной Ассамблеи 9 декабря 1998 года, специально предназначена для того, чтобы обеспечить защиту правозащитников, и гарантирует каждому человеку, среди прочего, право 1) “поддерживать связь с неправительственными или межправительственными организациями”; 2) “знать, искать, добывать, получать и иметь в своем распоряжении информацию о всех правах человека и основных свободах”; и 3) “как предусматривается в международных документах по правам человека и других применимых международных документах, [право] свободно публиковать, передавать или распространять среди других мнения, информацию и знания о всех правах человека и основных свободах” (статьи 5 и 6).

Право на свободу выражения мнения должно быть эффективно гарантировано всем, кто защищает права человека и основные свободы, хотя их деятельность может подразумевать критику политики правительства. Осуществление их свободы выражения мнения не должно ограничиваться ни по каким основаниям, кроме тех, которые содержатся в применимых международных договорах.

¹⁴⁴ Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/56/40 (том I), стр. 73, пункт 23.

3.3 Статья 9 Африканской хартии прав человека и народов

Статья 9 Африканской хартии прав человека и народов гарантирует каждому человеку “право получать информацию”, а также “в рамках закона право выражать и распространять свое мнение”. Примечательно, что выражение “в рамках закона” не обуславливается никакими другими критериями, такими как перечисление законных целей или понятие необходимости.

3.3.1 Свобода печати

Дело *Медиа Райтс Адженда против Нигерии* касалось суда над г-ном Малаолу, редактором независимой нигерийской газеты, и его осуждения; Специальным военным трибуналом г-н Малаолу был признан виновным по обвинению в сокрытии измены и приговорен к пожизненному тюремному заключению. В Африканской комиссии по правам человека и народов утверждалось, что была нарушена статья 9 Хартии, поскольку г-н Малаолу просто был наказан за публикацию в своей газете новостных сообщений, касающихся предполагаемого государственного переворота, в котором были замешаны определенные лица. С другой стороны, правительство утверждало, что г-на Малаолу судили вместе с рядом других лиц, включая журналистов, обвиненных в причастности к перевороту, и что поэтому речь не шла о виктимизации профессии журналиста¹⁴⁵. Однако Комиссия посчитала, что арест, суд и осуждение г-на Малаолу были вызваны только его публикацией, и заключила, что была нарушена статья 9¹⁴⁶.

Вопрос о свободе печати также был поднят в деле *Проект по защите конституционных прав и Организация гражданских свобод против Нигерии*, которое касалось, в частности, выемки тысяч экземпляров журналов, последовавшей за протестами журналистов и других лиц против признания недействительными результатов выборов. Журнал “Зе Ньюз” был закрыт военным указом в июне 1993 года. Перед этим закрытием агенты безопасности произвели выемку экземпляров этого журнала, а некоторые из его редакторов были объявлены в розыск полицией. Как утверждалось, были также конфискованы тысячи экземпляров еженедельного новостного журнала “Темпо”. Правительство оправдывало эти действия, ссылаясь на ситуацию “хаоса”, царившую в стране, после того как были аннулированы результаты выборов¹⁴⁷. Комиссия с этим не согласилась и напомнила об общем принципе, в соответствии с которым государства не должны ограничивать осуществление прав, нарушая конституционные положения или подрывая основные права, гарантированные конституцией и международными

¹⁴⁵ ACHPR, *Media Rights Agenda (on behalf of Mr. N. Malaolu) v. Nigeria*, No. 224/98, decision adopted during the 28th session, 23 October – 6 November 2000, пункты 67–68 текста, опубликованного на веб-сайте по адресу: <http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/224-98.html>.

¹⁴⁶ Ibid., para. 69.

¹⁴⁷ ACHPR, *Constitutional Rights Project and Civil Liberties Organisation v. Nigeria*, Communication No. 102/93, decision adopted on 31 October 1998, пункты 6, 7 и 57 текста, опубликованного на веб-сайте по адресу: <http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/102-93.html>.

стандартами в области прав человека. По ее мнению, правительства “должны избегать введения ограничений в отношении прав и уделять особое внимание правам, охраняемым конституционным или международным правом в области прав человека. Никакая ситуация не оправдывает массовое нарушение прав человека. Фактически огульные ограничения прав уменьшают доверие общества к верховенству права и часто являются контрпродуктивными”¹⁴⁸. Комиссия пришла к заключению, что с учетом наличия в Нигерии всех традиционных положений относительно возбуждения дел о клевете, которыми можно воспользоваться, для того чтобы рассмотреть нарушения внутригосударственного права, запрещение правительством конкретной публикации вызывает особую озабоченность; “законы, составленные с целью применения конкретно к одному физическому или юридическому лицу [создали] серьезную опасность дискриминации и отсутствия равенства в обращении перед законом, как это гарантировано статьей 2” Хартии. Поэтому закрытие “Зе Ньюз” и выемка 50 тыс. экземпляров “Темпо” и “Зе Ньюз” нарушили статью 9 Хартии¹⁴⁹.

Африканская комиссия считает, однако, что “оплата регистрационного взноса и внесение дорегистрационного залога для оплаты штрафа или возмещения ущерба сами по себе не противоречат праву на свободу выражения мнения”. “Однако размер регистрационного взноса не должен быть выше, чем это необходимо для покрытия административных расходов за регистрацию, а дорегистрационный залог не должен превышать сумму, необходимую для обеспечения штрафов или требований о возмещении ущерба к владельцу, типографии или издателю газеты. Чрезмерно высокие взносы являются по существу ограничением на публикацию новостной информации”. С другой стороны, в деле, представленном на рассмотрение Комиссии, соответствующие взносы были высокими, но “не такими уж явно чрезмерными”, чтобы представлять собой “серьезное ограничение”¹⁵⁰.

Однако Комиссия была более озабочена “полной безоговорочностью и категоричностью решения регистрационной палаты, которое фактически предоставляет правительству право запрещать публикацию любых газет и журналов по его усмотрению. Это означает цензуру и создает серьезную угрозу для прав общественности на получение информации”, защищенных пунктом 1 статьи 9 Хартии. Таким образом, имело место нарушение этой статьи¹⁵¹.

Что касается закрытия газеты в том же самом деле, то Комиссия напомнила, что, в соответствии с пунктом 2 статьи 9 Африканской хартии, “каждый человек имеет в рамках закона право... распространять свое мнение”. По ее мнению, “это не означает, что внутригосударственный закон может оставлять без внимания право на выражение и распространение

¹⁴⁸ Ibid., paras. 57-58.

¹⁴⁹ Ibid., para. 59.

¹⁵⁰ ACHPR, *Media Rights Agenda and Others v. Nigeria*, Communications Nos. 105/93, 128/94, 130/94 and 152/96, decision adopted on 31 October 1998, пункты 55–56 текста решения, опубликованного на веб-сайте по адресу: <http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/>. Регистрационный взнос составил 100 тыс. найр, а залог за любой штраф или ущерб, присужденный к оплате газете и т. д., составил 250 тыс. найр, пункт 6.

¹⁵¹ Ibid., para. 57.

чьих-либо мнений; это сделало бы защиту права выражать свои мнения неэффективной”. Кроме того, “международные стандарты в области прав человека должны всегда иметь преимущественную силу над противоречивым внутригосударственным правом. Любое ограничение прав, указанных в Хартии, должно соответствовать положениям Хартии”¹⁵². Кроме того, поскольку в Хартии не содержится клаузулы о частичной отмене прав, “ограничения на права и свободы, предусмотренные в Хартии, не могут быть оправданы чрезвычайными или особыми обстоятельствами”¹⁵³.

Фактически “единственные законные причины для ограничений прав и свобод, указанных в Африканской хартии, содержатся в пункте 2 статьи 27”, согласно которой “права и свободы каждого человека осуществляются с должным учетом прав других, коллективной безопасности, морали и общественного интереса”. “Причины для возможных ограничений должны иметь основание в законном интересе государства, и вред, причиненный ограничениями прав, должен быть абсолютно необходимым строго соразмерным преимуществам, которые должны быть получены”. В частности, “ограничение никогда не может иметь своим следствием превращение самого права в иллюзию”¹⁵⁴.

Поскольку в данном деле правительство не представило никаких доказательств того, что закрытие газеты “Зе Ньюз” можно было бы оправдать основаниями, перечисленными в пункте 2 статьи 27, и учитывая наличие в Нигерии законов об ответственности за распространение клеветы, запрещение отдельной публикации было “несоразмерным и не являлось вызванным необходимостью” и представляло собой нарушение пункта 2 статьи 9 Хартии¹⁵⁵.

3.3.2 Свобода выражения мнения

В случае когда ряд лиц задержали только за принадлежность к оппозиционным партиям или профсоюзам, Африканская комиссия сделала заключение, что такие “полные ограничения” права на свободу выражать свое мнение являются нарушением пункта 2 статьи 9 Хартии. В связи с этим Комиссия напомнила о принципе, согласно которому в тех случаях, когда необходимо ограничить права человека, такие ограничения “должны по возможности быть минимальными” и не должны “подрывать основополагающие права, гарантированные международным правом”¹⁵⁶. Аналогичным образом, когда предполагаемый руководитель союза студентов в Кении был арестован за свои взгляды, содержался под стражей в течение нескольких месяцев и в конце концов был вынужден покинуть свою страну, Комиссия сочла такое обращение нарушением статьи 9 Хартии. Если взгляды

152 Ibid., paras. 63 and 66.

153 Ibid., para. 67.

154 Ibid., paras. 68-70.

155 Ibid., para. 71. Неясно, каким образом это сообщение соотносится с сообщением № 102/92 (см. сноску 155 и далее), поскольку они оба в какой-то степени касаются запрещения одной и той же газеты.

156 *Amnesty International and Others v. Sudan, Communications Nos. 48/90, 50/91, 52/91 and 89/93, decision adopted on unknown date*, пункты 77–80 текста решения, опубликованного на веб-сайте по адресу: <http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/>.

отдельного лица противоречат внутригосударственному закону, соответствующему лицу или правительству скорее следует искать удовлетворения в суде, действующем по нормам статутного и общего права¹⁵⁷. Наконец, в деле, возбужденном от имени писателя Кен Саро-Вива мл., и Организации гражданских свобод, Комиссия подчеркнула тесную связь между свободами слова, ассоциаций и собраний, гарантированными статьями 9–11 Хартии, и пришла к заключению, что правительство, нарушая пункт 1 статьи 10 и статью 11, тем самым нарушило пункт 2 статьи 9. Утверждалось, что основанием для суда над жертвами и вынесения им в конечном счете смертных приговоров явилось мирное выражение их взглядов. На самом деле жертвы распространяли на митинге с помощью организации Движение за выживание народности огони информацию и мнения в отношении прав этой народности, живущей в нефтепроизводящей части страны. Комиссия отметила, что эти утверждения не были опровергнуты правительством¹⁵⁸.

3.3.3 Правозащитники

Дело *Хури-Лос против Нигерии* касалось притеснения и преследования членов организации, выступавшей за права человека в Нигерии. По словам заявителя, Организация гражданских свобод была правозащитной организацией, сотрудники которой совместными действиями пытались обеспечить уважение прав человека с помощью организации программ, направленных на информирование людей об их правах. Комиссия сделала заключение, что “преследование ее сотрудников и налеты на ее служебные помещения, являющиеся попыткой подорвать ее способность функционировать в этой сфере” равнозначны нарушению как права на свободу выражения мнений, так и права на свободу ассоциации, гарантируемых статьями 9 и 10 настоящей Хартии¹⁵⁹.

Право на свободное выражение мнения, гарантированное статьей 9 Африканской хартии прав человека и народов, защищает также свободу прессы.

¹⁵⁷ *John D. Ouko v. Kenya, Communication No. 232/99, decision adopted during the 28th Ordinary session, 23 October – 6 November 2000*, пункты 27–28 текста решения, опубликованного на веб-сайте по адресу: <http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/232-99.html>.

¹⁵⁸ *International Pen and Others (on behalf of Ken Saro-Wiwa Jr and Civil Liberties Organisation) v. Nigeria, Communications Nos. 137/94, 139/94, 154/96 and 161/97, decision adopted on 31 October 1998*, пункт 110 текста решения, опубликованного на веб-сайте по адресу: <http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/>.

¹⁵⁹ *Huri-Laws (on behalf of Civil Liberties Organisation) v. Nigeria, Communication No. 225/98, decision adopted during the 28th Ordinary session, 23 October – 6 November 2000*, пункт 47 текста решения, опубликованного на веб-сайте по адресу: <http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/225-98.html>.

Оплата обоснованного взноса за регистрацию газеты не противоречит, однако, статье 9, если только он не является чрезмерным. С другой стороны, регистрация газет не может использоваться как способ подвергнуть угрозе право общественности на получение информации, гарантированное пунктом 1 статьи 9 Хартии. Именно правительства должны доказывать, что ограничения, налагаемые на осуществление права, могут быть оправданы согласно пункту 2 статьи 27 Хартии.

Внутреннее законодательство не может сводить на нет право на свободу выражения мнения и право распространять свои взгляды, поскольку международные стандарты в области прав человека превалируют над внутригосударственным правом.

Согласно Африканской хартии ограничения на осуществление прав никогда не должны лишать прав их сути и они могут быть наложены только на законных основаниях, приведенных в пункте 2 статьи 27 Хартии. Ограничения должны быть также строго соразмерны законному преимуществу, на обеспечение которого они направлены.

Свобода выразить свое мнение подразумевает право делать это публично мирным способом, не опасаясь ареста, преследования и притеснения.

Согласно Африканской хартии, правозащитники имеют право на свободу выражения мнения в их работе по улучшению понимания прав и свобод народов.

3.4 Статья 13 Американской конвенции о правах человека

Определение права на свободу мысли и ее выражения в пункте 1 статьи 13 Американской конвенции о правах человека очень схоже с определением этого права в пункте 2 статьи 19 Международного пакта, хотя оно включает также ссылку на “свободу мнения”. Таким образом, это право включает “свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору”.

Положение об ограничениях в пункте 2 статьи 13 Американской конвенции является особенно важным, и утверждается *expressis verbis*, что пользование правом, предусмотренным в пункте 1 статьи 13, “не может подвергаться предварительной цензуре, но может быть предметом последующей ответственности, которая точно установлена законом и

необходима, чтобы обеспечить: а) уважение прав и репутации других лиц; или б) защиты национальной безопасности, общественного порядка или общественного здоровья или нравственности”. Таким образом, основания, которые могут оправдать ограничения на осуществление свободы выражения мнения, идентичны основаниям в пункте 3 статьи 19 Международного пакта. Исключение из запрещения на предварительную цензуру содержится в пункте 4 статьи 13, ввиду того что “публичные представления могут согласно закону подвергаться предварительной цензуре с единственной целью регулирования доступа на них несовершеннолетних по соображениям моральной защиты детства и юношества”.

По мнению Межамериканского суда, кроме указанного исключения, предусмотренного в пункте 4 статьи 13, **“предварительная цензура всегда является несовместимой с осуществлением в полной мере прав, перечисленных в статье 13... даже если предполагаемой целью такой предварительной цензуры является предотвращение злоупотреблений свободой выражения мнения”**. Отсюда следует, что “в этой области любая превентивная мера неизбежно становится равнозначной посягательству на свободу, гарантированную Конвенцией”¹⁶⁰. Речь идет о деле *Ольмеда Бустос и др. против Чили*, касающемся запрещения судами Чили демонстрации фильма “Последнее искушение Христа”. Межамериканский суд решил, что этот случай с предварительной цензурой представляет собой нарушение права на свободу мысли и ее выражения, воплощенного в статье 13 Американской конвенции о правах человека¹⁶¹.

Хотя злоупотребления правом на свободу выражения мнения могут, таким образом, контролироваться только “путем последующего введения санкций в отношении тех, кто виновен в этих злоупотреблениях”, согласно Суду, возложение такой ответственности, чтобы иметь законную силу, должно отвечать всем следующим требованиям:

- ❖ “существование предварительно установленных оснований для ответственности”;
- ❖ “четкое и точное определение законом этих оснований”;
- ❖ “законность целей, достижение которых преследуется”; и
- ❖ “доказательство того, что эти основания для ответственности ‘необходимы для обеспечения’ вышеупомянутых целей”¹⁶².

Пункт 3 статьи 13 также конкретно запрещает ограничения права выражения своего мнения “косвенными методами или средствами, такими, например, как злоупотребление государственными или частными средствами контроля в отношении газетной бумаги”... или же любыми другими средствами массовой информации, “создающими препятствия для

¹⁶⁰ I-A Court HR, *Compulsory Membership in an Association Prescribed by Law for the Practice of Journalism (arts. 13 and 29 American Convention on Human Rights)*, Advisory Opinion OC-5/85 of November 13, 1985, Series A, No. 5, pp. 103-104, para. 38 (курсив наш).

¹⁶¹ See I-A Court HR, *The Case of Olmedo Bustos et Al. v. Chile*, judgment of 5 February 2001, Series C, No. 73, paras. 71-73.

¹⁶² I-A Court HR, *Compulsory Membership in an Association Prescribed by Law for the Practice of Journalism (arts. 13 and 29 American Convention on Human Rights)*, Advisory Opinion OC-5/85 of November 13, 1985, Series A, No. 5, p. 104, para. 39.

коммуникации и распространения идей и мнений”. Это положение запрещает, таким образом, не только косвенные государственные ограничения, но также “частный контроль” над средствами массовой информации, который приводит к такому же результату. Это означает не только то, что нарушение Конвенции может произойти в условиях, когда государство само налагает ограничения косвенного характера, которые направлены на создание препятствий “для коммуникации и распространения идей и мнений”, но и то, что “государство несет также обязательство гарантировать, чтобы нарушение не происходило в результате применения ‘частных средств контроля’”, которые упоминаются в пункте 3 статьи 13¹⁶³.

Пункт 5 статьи 13 Американской конвенции разрешает ограничения, схожие с ограничениями, предусмотренными в статье 20 Международного пакта, в том смысле, что пропаганда войны и разжигание ненависти “рассматриваются как преступление, наказуемое по закону”.

Наконец, отличительная черта Американской конвенции о правах человека заключается в том, что право на опровержение гарантируется статьей 14, первый пункт которой гласит:

“Каждый, кого затрагивают ошибочные или оскорбительные заявления или идеи, распространяемые публично законно управляемыми средствами сообщения, имеет право на опровержение или исправление, сделанные теми же средствами, на таких условиях, какие может установить закон”.

Кроме того, “исправление или опровержение ни в коем случае не освобождают от других правовых последствий, которые могут при этом последовать” (пункт 2 статьи 14). Наконец, “для эффективной защиты чести и репутации каждая публикация, и каждая газета, кино-, радио- или телекомпания должны иметь ответственных лиц, которые не защищены иммунитетом или специальными привилегиями” (пункт 3 статьи 14). Для толкования статьи 14 в связи со статьями 1 и 2 Конвенции см. консультативное заключение Межамериканского суда по правам человека “Осуществление права на опровержение или исправление”¹⁶⁴.

¹⁶³ Ibid., pp. 110-111, para. 48.

¹⁶⁴ *I-A Court HR, Enforceability of the Right to Reply or Correction (arts. 14(1), 1(1) and 2 American Convention on Human Rights), Advisory Opinion OC-7/86 of August 29, 1986, Series A, No. 7*; текст см. на веб-сайте Суда по адресу: www.corteidh.or.cr/seriecing/A_7_ING.html.

Согласно статье 13 Американской конвенции о правах человека осуществление права на свободное выражение мнения не должно подвергаться предварительной цензуре. Злоупотребления в ходе осуществления свободы выражения мнения могут контролироваться только законным образом путем введения *a posteriori* санкций в отношении тех, кто виновен в злоупотреблениях.

Однако для того чтобы быть законным, возложение такой последующей ответственности должно отвечать нижеперечисленным требованиям:

- наличие ранее установленных оснований для ответственности;
- четкое и точное определение законом этих оснований;
- законность целей, достижение которых преследуется; и
- доказательство того, что эти основания для ответственности необходимы для достижения законных целей.

Статья 14 Американской конвенции о правах человека гарантирует каждому, кого затрагивают ошибочные или оскорбительные заявления или идеи, распространяемые публично, право на опровержение.

3.4.1 Индивидуальные и коллективные аспекты свободы выражения мнения, включая роль средств массовой информации

Основываясь на консультативном заключении по делу, касающемуся *Обязательного членства в Ассоциации, предписанного законом для занятия журналистикой* (далее дело “*Обязательное членство*”), Межамериканский суд по правам человека подтвердил в деле *Ивчер Бронштейн против Перу*, что лица, защищенные статьей 13 Американской конвенции о правах человека, “имеют право и свободу не только выражать свои собственные мысли, но также право и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи всякого рода. Следовательно, свобода выражения своего мнения имеет как **индивидуальный**, так и **социальный** аспект”, что делает необходимым соблюдение следующих условий:

“с одной стороны, никому нельзя произвольно причинять вред или препятствовать в выражении им собственных мыслей, и таким образом это право принадлежит каждому отдельному лицу; однако это также подразумевает, с другой стороны, коллективное право получать любую информацию и знать мысли, выражаемые другими лицами”¹⁶⁵.

¹⁶⁵ *I-A Court HR, Ivcher Bronstein Case v. Peru, judgment of February 6, 2001, Series C, No. 74*; использованный текст см. на веб-сайте Суда по адресу: www.corteidh.or.cr/sericcing/C-74-ENG.html, пункт 146 (курсив наш). Дело *Обязательное членство* будет рассмотрено далее в рамках подраздела 3.4.5, ниже.

По поводу первого аспекта права, содержащегося в статье 13, а именно **индивидуального права**, Суд заявил, что

“свобода выражения мнения не исчерпывается теоретическим признанием права говорить или писать, она также включает неотделимое от нее право использовать любой соответствующий способ распространения мысли и доведения ее до наибольшего числа лиц. В этом отношении выражение и распространение мысли и информации являются неразделимыми, так что ограничение возможности распространения в такой же степени представляет собой прямое ограничение права свободно выражать свои мысли”¹⁶⁶.

По поводу второго элемента права, заключенного в статье 13, а именно **социального элемента**, Суд заявил, что

“свобода выражения мнений является средством обмена идеями и информацией между людьми; она включает право добиваться установления связи и передавать свои мнения другим лицам, но она подразумевает также право каждого знать мнения, сообщения и новости. Для обычного гражданина право знать другие мнения и информацию, которой располагают другие лица, является столь же важным, как и право передавать свои собственные мнения”¹⁶⁷.

По мнению Суда, эти два аспекта “одинаково важны и должны гарантироваться одновременно, чтобы полностью реализовать право на свободу выражения мнения по смыслу статьи 13 Конвенции”. Значение этого права становится еще более очевидным, если изучить

“роль, которую играют СМИ в демократическом обществе, когда они являются подлинным инструментом свободы выражения мнения, а не способом его ограничения; следовательно, важно, что они могут собирать самые разные информацию и мнения”¹⁶⁸.

Кроме того, “важно, чтобы журналисты, работающие в СМИ, пользовались необходимой защитой и обладали независимостью, чтобы выполнять свои функции в полном объеме, поскольку именно они предоставляют обществу информацию, и это является необходимым требованием, для того чтобы общество могло пользоваться свободой в полном объеме”¹⁶⁹.

В консультативном заключении по делу *Обязательное членство* Суд заявил также, что тот факт, что индивидуальный и коллективный аспекты свободы выражения мнений должны гарантироваться одновременно, означает, с одной стороны, что “нельзя законным образом, основываясь на праве общества, быть правдиво информированным, вводить режим предварительной цензуры, якобы преследующей цель ликвидации информации, выглядящей в глазах цензора недостоверной”, и, с другой

166 Ibid., para. 147.

167 Ibid., para. 148.

168 Ibid., para. 149.

169 Ibid., para. 150.

стороны, “что на право на распространение информации и идей нельзя ссылаться для оправдания установления частной или государственной монополий на средства связи, предназначенные для формирования общественного мнения, предоставляя возможность выражения только одной точки зрения”¹⁷⁰.

Отсюда следует, что, поскольку “именно СМИ превращают осуществление свободы выражения мнения в реальность... условия их использования должны отвечать требованиям этой свободы, результатом чего должны быть, **в частности**, наличие большого количества средств связи, запрещение всех монополий на них в любой форме, и гарантии защиты свободы и независимости журналистов”¹⁷¹.

Право на свободу выражения мнения в статье 13 Американской конвенции о правах человека включает не только право лица выразить свои собственные мысли, но также право и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи всякого рода и любыми способами, которые считаются приемлемыми.

*Это также означает, что свобода выражения мнения имеет как **индивидуальный**, так и **социальный** аспекты, которые должны гарантироваться одновременно: с одной стороны, никому нельзя произвольно препятствовать выразить его или ее собственные мысли; с другой стороны, существует коллективное право получать информацию от других лиц, а также мысли и мнения, выраженные ими.*

Взаимосвязь между индивидуальным и социальным аспектами свободы выражения мнения подразумевает, кроме того, что ограничения на возможность распространения информации в такой же мере ограничивают свободу выражения мнения.

В демократическом обществе СМИ являются подлинным инструментом свободы выражения мнения, и для того чтобы общество было свободным, журналисты должны быть в состоянии осуществлять свои профессиональные обязанности независимо и в безопасных условиях.

На право распространять информацию нельзя ссылаться для оправдания предварительной цензуры и установления монополий среди СМИ.

¹⁷⁰ I-A Court HR, *Compulsory Membership in an Association Prescribed by Law for the Practice of Journalism* (arts. 13 and 29 American Convention on Human Rights), *Advisory Opinion OC-5/85 of November 13, 1985, Series A, No. 5*, pp. 101-102, para. 33.

¹⁷¹ *Ibid.*, p. 102, para. 34.

3.4.2 Свобода выражения мнения и понятие общественного порядка в демократическом обществе

Согласно пониманию Межамериканского суда, которое логически вытекает из его аргументации, изложенной в предыдущем подразделе,

“понятие общественного порядка в демократическом обществе требует гарантии самого широкого распространения новостей, идей и мнений, а также самого широкого доступа к информации для общества в целом. Свобода выражения мнения представляет собой самый главный и основополагающий элемент общественного порядка в демократическом обществе, которое немислимо без свободного обсуждения и возможности услышать в полном объеме мнения инакомыслящих”¹⁷².

В поддержку этого мнения Суд сослался на практику Европейского суда по правам человека, согласно которой свобода выражения мнения является “одним из важнейших столпов” демократического общества и “основополагающим условием его прогресса и развития личности каждого человека”. Как отметил Межамериканский суд, его европейский партнер также постановил, что “эта свобода должна быть гарантирована не только в отношении распространения информации и идей, которые встречают благоприятный прием или рассматриваются как безобидные либо маловажные, но и в отношении такой информации и идей, которые вызывают раздражение, являются неприятными или возмущают государство или любую часть населения”. Европейский суд тоже постановил, что эти принципы являются “особенно важными, будучи примененными к прессе”¹⁷³.

В деле *Обязательное членство* Суд описал роль свободы выражения мнения следующим образом:

“[Это] краеугольный камень, на котором покоится само существование демократического общества. Она необходима для формирования общественного мнения. Она также является **conditio sine qua non** для развития политических партий, профсоюзов, научных и культурных обществ и вообще тех, кто хочет влиять на общественность. Короче говоря, она представляет собой средство, которое дает возможность обществу при осуществлении выбора быть достаточно информированным. Следовательно, можно сказать, что плохо информированное общество не является по-настоящему свободным”¹⁷⁴.

¹⁷² I-A Court HR, *Ivcher Bronstein Case v. Peru*, judgment of February 6, 2001, Series C, No. 74, para. 151.

¹⁷³ *Ibid.*, paras. 152-153.

¹⁷⁴ I-A Court HR, *Compulsory Membership in an Association Prescribed by Law for the Practice of Journalism (arts. 13 and 29 American Convention on Human Rights)*, Advisory Opinion OC-5/85 of November 13, 1985, Series A, No. 5, p. 123, para. 70.

Свобода выражения мнения является основным элементом общественного порядка в демократическом обществе; она предполагает как самое широкое распространение новостей, идей и мнений, так и как можно более широкий доступ общества в целом к информации.

Критерием понятия общественного порядка в демократическом обществе является свободное обсуждение, то есть обсуждение, в ходе которого мнения инакомыслящих могут быть в полном объеме услышаны, и поэтому мнения могут распространяться, несмотря на то что они могут оскорблять, шокировать или причинять беспокойство.

Плохо информированное общество не является подлинно свободным.

3.4.3 Ограничения свободы выражения мнения: смысл выражения “необходимый, чтобы обеспечить”

Напомним, что, согласно пункту 2 статьи 13 Американской конвенции, одно из условий, которые государства обязаны соблюдать с целью установления правомерных ограничений на осуществление свободы выражения мнения, состоит в том, что эти ограничения должны быть “необходимыми, чтобы обеспечить” осуществление одной или нескольких законных целей, упомянутых в этой статье. Таким образом, встает вопрос: что означает в данном контексте выражение “необходимый, чтобы обеспечить”?

Межамериканский суд по правам человека заявил в деле *Обязательное членство*, что статья 29 Американской конвенции, в которой речь идет об ограничениях, касающихся толкования, статья 32, в которой рассматриваются отношения между обязанностями и правами, и преамбула к Конвенции определяют контекст, в рамках которого должны толковаться разрешенные в пункте 2 статьи 13 ограничения:

“Из повторяющихся ссылок на ‘демократические институты’, ‘представительную демократию’ и ‘демократическое общество’ следует, что вопрос о том, является ли наложенное государством ограничение свободы выражения мнения ‘необходимым, чтобы обеспечить’ одну из целей, перечисленных в подпунктах а) или b), должен решаться путем ссылки на законные потребности демократических обществ и институтов”¹⁷⁵.

¹⁷⁵ *I-A Court HR, Compulsory Membership in an Association Prescribed by Law for the Practice of Journalism (arts. 13 and 29 American Convention on Human Rights), Advisory Opinion OC-5/85 of November 13, 1985, Series A, No. 5, p. 106, para. 42.* Пункт с) статьи 29 гласит: “Ни одно положение настоящей Конвенции не должно пониматься как: ...устраняющее другие права и гарантии, которые неотъемлемы от человеческой личности или являются производными представительной демократии как формы управления”. Согласно пункту 2 статьи 32, “права любого человека ограничены правами других, безопасностью всех, а также справедливым требованием всеобщего благосостояния в демократическом обществе”.

По его мнению, “справедливыми требованиями демократии” необходимо, в частности, руководствоваться при толковании тех положений Конвенции, “которые создают важнейшую связь с сохранением и функционированием демократических институтов”¹⁷⁶.

Установив таким образом толковательную роль, которую играет понятие демократического общества при толковании пункта 2 статьи 13 Конвенции, Суд далее проанализировал термин “необходимый”. При этом он сослался на прецедентное право Европейского суда по правам человека, согласно которому термин “необходимый” (“necessary”) в статье 10 Европейской конвенции, хотя не является синонимом термина “обязательный” (“indispensable”), подразумевает существование “настоятельной общественной потребности”, и что для того, чтобы ограничение было “необходимым” (“necessary”), недостаточно доказать, что оно является “полезным”, “разумным” или “желательным”. По мнению Американского суда,

“Это заключение, которое в равной степени применимо к Американской конвенции, предполагает, что ”необходимость” (“necessity”) и, следовательно, законность ограничений, налагаемых согласно пункту 2 статьи 13 на свободу выражения мнения, зависит от доказательства того, что этих ограничений требует насущный интерес правительства. Отсюда следует, что, если имеются различные варианты достижения этой цели, следует выбрать тот, который в наименьшей степени ограничивает это защищенное право. С учетом этого стандарта недостаточно продемонстрировать, например, что закон выполняет полезную или желанную цель; чтобы быть совместимым с Конвенцией, ограничения должны быть оправданы ссылкой на правительственные цели, которые в силу их значимости, бесспорно, превалируют над социальной потребностью в полном осуществлении права, гарантированного статьей 13. Кроме того, в этом стандарте подразумевается, что ограничение, даже если оно оправдано насущными интересами, должно быть так оформлено, чтобы не ограничивать право, защищенное статьей 13, больше, чем это необходимо. Иными словами, ограничение должно быть соразмерным и точно рассчитанным на выполнение законной правительственной цели, сделавшей его необходимым”¹⁷⁷.

176 Ibid., p.108, пункт 44.

177 Ibid., p. 109, para 46.

Выражение “необходимый, чтобы обеспечить” означает, что ограничение, налагаемое на осуществление свободы выражения мнения, должно истолковываться в свете справедливых или законных требований демократического общества. Ограничения должны быть оправданы насущным правительственным интересом, который, бесспорно, берет верх над интересом общества в пользовании свободой выражения мнения в полном объеме. Ограничения не являются “необходимыми”, если доказана только их полезность или желательность.

Термин “необходимый” поэтому также означает, что ограничение должно быть соразмерным законной насущной цели, в связи с которой это ограничение является необходимым, и что государства должны выбирать связанное с наименьшим вмешательством ограничение, необходимое для достижения этой цели.

3.4.4 Косвенный контроль над СМИ: дело Ивчер Бронштейн против Перу

В Межамериканском суде редко поднимались вопросы, связанные со свободой выражения мнения. Однако в деле *Ивчера Бронштейна* было установлено, что Перу были нарушены пункты 1 и 3 статьи 13.

Г-н Ивчер был держателем контрольного пакета акций компании, которая руководила вторым телевизионным каналом Перу; кроме того, в качестве директора и председателя Совета директоров компании он имел право принимать редакционные решения о составлении программ. В апреле 1997 года в своей программе под названием “Контрапункто” второй канал передавал репортажи о расследованиях, вызывавшие общественный интерес, такие как репортажи о возможных пытках, совершенных сотрудниками военной разведки, о предполагаемом убийстве названного по имени агента и о чрезвычайно большом доходе, предположительно полученном советником перуанской службы разведки¹⁷⁸. Данные свидетельствовали о том, что в 1997 году второй канал имел широкую аудиторию по всей стране и что в результате своей редакционной политики г-н Ивчер стал объектом актов запугивания разного рода. Перуанец израильского происхождения, он был в конце концов лишен своего перуанского гражданства, после чего судья издал приказ о приостановке осуществления его прав в качестве держателя контрольного пакета акций и президента этой компании. Его назначение директором также было отменено, и был назначен новый Совет директоров¹⁷⁹. Суд также установил, что после того как мелкие акционеры взяли на себя управление этой компанией, “журналистам, которые работали над “Контрапункто”, было запрещено появляться в студии, а редакционная политика программы была изменена”¹⁸⁰.

178 I-A Court HR, *Ivcher Bronstein Case v. Peru*, judgment of February 6, 2001, Series C, No. 74, para. 156.

179 Ibid., paras. 158-160.

180 Ibid., para. 161.

Межамериканский суд пришел к заключению, что аннулирование гражданства г-на Ивчера “представляло собой **косвенное средство** ограничения свободы выражения мнения г-на Ивчера, а также журналистов, которые работали над программой “*Контрапунто*” и проводили для нее расследования. ...Отстранив г-на Ивчера от контроля над вторым каналом и отстранив от работы журналистов “Контрапунто”, государство не только ограничило их право на распространение новостей, идей и мнений, но и нарушило право всех перуанцев получать информацию, ограничив, таким образом, их свободу осуществлять политический выбор и развиваться в демократическом обществе в полной мере”. Поэтому Перу нарушило пункты 1 и 3 статьи 13 Конвенции¹⁸¹.

Косвенные меры контроля над СМИ с целью помешать передаче и распространению идей и мнений, представляющих общественный интерес, противоречат пунктам 1 и 3 статьи 13 Американской конвенции. Меры запрета могут, таким образом, включать косвенный правительственный или частный контроль над СМИ и многие другие действия, включая притеснение журналистов и владельцев газет и радио- и телевизионных станций.

3.4.5 Пункт 2 статьи 13 и дело Принудительное лицензирование журналистов

В консультативном заключении по делу *Принудительное лицензирование журналистов* Суд изучил совместимость схемы обязательного лицензирования журналистов в Коста-Рике с пунктом 2 статьи 13 Американской конвенции. Было ясно, что такая схема могла привести к возложению ответственности на лиц, не являющихся членами Colegio de Periodistas, включая уголовную ответственность, в случае если они будут профессионально заниматься журналистикой. Таким образом, это требование представляло собой ограничение свободы выражения мнения тех, кто не был членом Коллегии (Colegio)¹⁸². Суду предстояло изучить, могло ли это ограничение быть оправдано каким-либо из оснований, перечисленных в пункте 2 статьи 13 Конвенции.

Он отметил, “что организация профессий в целом с помощью профессиональных коллегий (colegios) не противоречит *per se* Конвенции, но что это является методом регулирования и контроля с целью обеспечить, чтобы они действовали добросовестно и в соответствии с этическими требованиями этой профессии”. Если понятие общественного порядка, содержащееся в пункте 2 б) статьи 13 “представляется... в качестве условий, которые обеспечивают нормальное и гармоничное функционирование

¹⁸¹ Ibid., paras. 162-164 (курсив наш).

¹⁸² I-A Court HR, *Compulsory Membership in an Association Prescribed by Law for the Practice of Journalism (arts. 13 and 29 American Convention on Human Rights)*, Advisory Opinion OC-5/85 of November 13, 1985, Series A, No. 5, pp. 114-115, para. 58.

институтов на основе последовательной системы ценностей и принципов, то можно заключить, что организация занимающихся профессиональной деятельностью лиц, включена в этот порядок”¹⁸³.

Однако Суд также отметил, в частности, что то же самое понятие общественного порядка в демократическом обществе требует “гарантии самого широкого распространения новостей, идей и мнений, а также самого широкого доступа общества в целом к информации”, и что “свобода выражения мнения является краеугольным камнем, который лежит в основе самого существования демократического общества”¹⁸⁴. По мнению Суда, “журналистика является главным и принципиальным проявлением свободы выражения мысли. По этой причине, поскольку она связана со свободой выражения мнения, которая является неотъемлемым правом каждого человека, журналистика не может быть приравнена к какой-либо профессии, которая просто предоставляет обществу услуги посредством применения определенных знаний и подготовки, полученных в университете, или при помощи тех, кто зачислен в определенную профессиональную ‘коллегию’”, такую как коллегии, созданные для адвокатов и врачей¹⁸⁵. В связи с этим Суд заключил,

“что соображения общественного порядка, которые могут иметь силу для оправдания обязательного лицензирования других профессий, не могут приводиться в случае журналистики, потому что их следствием было бы постоянное лишение тех, кто не является членом ‘коллегии’, права полностью использовать права, которые статья 13 Конвенции предоставляет каждому лицу. Следовательно, это нарушило бы базовые принципы демократического общественного порядка, на которых основывается сама Конвенция”¹⁸⁶.

Тем не менее Суд признал необходимость “создания кодекса, который бы гарантировал профессиональную ответственность и этику журналистов и налагал санкции за нарушения такого кодекса”, и он также полагал, “что, возможно, для государства является абсолютно правильным делегировать законодательным путем полномочия налагать санкции за нарушения этого кодекса профессиональной ответственности и этики”. Однако когда речь идет о журналистах, “должны приниматься во внимание” ограничения, содержащиеся в пункте 2 статьи 13¹⁸⁷. Отсюда следует, “что закон о лицензировании журналистов, который не позволяет тем, кто не является членом ‘коллегии’, заниматься журналистикой и ограничивает доступ к ‘коллегии’ выпускникам университета, специализировавшимся в определенных областях, является несовместимым с Конвенцией”. Такой закон содержал бы ограничения на свободу выражения мнения, которые не разрешены согласно пункту 2 статьи 13 и тем самым нарушил бы “не только право каждого лица искать и распространять информацию и идеи с помощью

183 Ibid., p. 122, para. 68.

184 Ibid., pp. 122-123, paras. 69-70.

185 Ibid., pp. 123-124, paras. 71-73.

186 Ibid., pp. 125-126, para. 76.

187 Ibid., pp. 127-128, para. 80.

любых средств по своему выбору, но и право широкой общественности получать информацию без какого-либо вмешательства”¹⁸⁸. Поэтому Суд единогласно решил, что “обязательное лицензирование журналистов несовместимо со статьей 13 Американской конвенции... если оно отказывает любому лицу в доступе к полному использованию СМИ в качестве средства выражения мнений или передачи информации”, и что устав Ассоциации журналистов Коста-Рики является “несовместимым” со статьей 13, поскольку “он [не позволил] некоторым лицам присоединиться к Ассоциации журналистов и, следовательно, [лишил их возможности] в полной мере использовать СМИ в качестве средств их самовыражения или передачи информации”¹⁸⁹.

Организация таких профессий, как адвокаты и врачи, сама по себе не противоречит статье 19 Американской конвенции о правах человека с учетом того, что такие ассоциации обеспечивают способ предоставления гарантий добросовестной деятельности их членов в соответствии с этическими требованиями этой профессии.

С другой стороны, поскольку журналистика является главным и принципиальным проявлением свободы выражения мнения в демократическом обществе, требование к журналистам, чтобы они принадлежали к конкретной организации, нарушило бы принципы демократического общественного порядка, на которых основывается Американская конвенция, если при таком обязательном членстве им было бы отказано в полном доступе к СМИ с целью выразить свои взгляды и передать информацию.

3.5 Статья 10 Европейской конвенции о правах человека

Толкованием статьи 10 Европейской конвенции о правах человека занимались при рассмотрении многих дел. В настоящем разделе будут изучены лишь немногие из них, с тем чтобы проиллюстрировать некоторые ключевые аспекты существа содержания свободы выражения мнения на европейском уровне.

Согласно статье 10, “каждый имеет право на свободу выражения своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ”. Однако

¹⁸⁸ Ibid., p. 128, para. 81.

¹⁸⁹ Ibid., pp. 131-132, para. 85.

эта статья не препятствует государствам “вводить лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий”.

Поскольку осуществление этих свобод налагает “обязанности и ответственность”, пункт 2 статьи 10 содержит перечень законных оснований для введения “таких формальностей, условий, ограничений или штрафных санкций, предусмотренных законом и необходимых в демократическом обществе”. Этими основаниями являются:

- ❖ “интересы национальной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия”;
- ❖ “предотвращение беспорядков и преступлений”;
- ❖ “защита здоровья и нравственности”;
- ❖ “защита репутации или прав других лиц”;
- ❖ “предотвращение разглашения информации, полученной конфиденциально”; и
- ❖ “обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия”.

Чтобы иметь юридическую силу согласно пункту 2 статьи 10, “формальности, условия, ограничения или штрафные санкции” должны в **совокупности** отвечать **принципам законности, условию законности цели и принципу необходимости в демократическом обществе**.

Примечательно, что в отличие от статьи 13 Американской конвенции о правах человека статья 10 Европейской конвенции “прямо не запрещает введение предварительных ограничений на публикации как таковые”. Как отметил Европейский суд по правам человека, об этом свидетельствуют “не только слова ‘условия’, ‘ограничения’ и ‘предотвращение’, которые фигурируют в этом положении”, но и его собственное прецедентное право. Однако

“опасности, присущие предварительным ограничениям, таковы, что они требуют самого тщательного рассмотрения со стороны Суда. Это особенно относится к случаям, когда речь идет о прессе, поскольку новости являются скоропортящимся товаром, и задержка их публикации, даже на короткий срок, может их лишить их всякой ценности и интереса”¹⁹⁰.

В отличие от статьи 13 Американской конвенции о правах человека, статья 10 Европейской конвенции о правах человека в явной форме не запрещает предварительные ограничения на публикацию. Однако в связи с опасностью, присущей таким ограничениям, они должны быть подвергнуты самой тщательной проверке Европейским судом по правам человека.

¹⁹⁰ Eur. Court HR, *Case of the Observer and Guardian v. the United Kingdom*, judgment of 26 November 1991, Series A, No. 216, p.30, para. 60.

Для того чтобы быть законными, любые формальности, условия, ограничения или санкции, вводимые договаривающимися государствами в отношении осуществления свободы выражения мнения согласно статье 10 Европейской конвенции, должны в совокупности отвечать принципу законности, условию законности цели и принципу необходимости в демократическом обществе.

3.5.1 Основной толковательный подход к свободе выражения мнения

Прежде чем приступить к анализу прецедентного права, относящегося к статье 10 Конвенции, возможно, было бы полезным выделить основной толковательный подход, принятый Европейским судом по правам человека при рассмотрении вопросов, касающихся свободы выражения мнения. Его подход обусловлен ролью свободы выражения мнения в демократическом обществе, сферой усмотрения договаривающихся государств и контрольной ролью самого Суда. Основной толковательный подход постоянно применялся Судом в его богатой практике¹⁹¹.

Роль свободы выражения мнения в демократическом обществе: Европейский суд с самого начала подчеркивал важную роль, которую играет свобода выражения мнения в демократическом обществе. Так, например, в давнем деле *Хэндисайда* он постановил:

“Контрольные функции Суда обязывают его обращать самое пристальное внимание на принципы, характеризующие ‘демократическое общество’. Свобода выражения мнения представляет собой одну из основных опор такого общества, одно из основных условий его прогресса и развития каждого человека. В соответствии с пунктом 2 статьи 10 она применима не только к ‘информации’ или ‘идеям’, которые встречают благоприятный прием или рассматриваются как безобидные либо малоинтересные, но и к таким, которые оскорбляют, шокируют или причиняют беспокойство государству или какой-либо части населения. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых нет ‘демократического общества’. Это означает, среди прочего, что каждая ‘формальность’, ‘условие’, ‘ограничение’ или ‘санкция’, налагаемые в данной области, должны быть соразмерными преследуемой законной цели”¹⁹².

¹⁹¹ Дополнительные примеры дел, касающихся статьи 10 Европейской конвенции о правах человека, можно найти используя систему поиска на веб-сайте Суда (<http://hudoc.coe.int>).

¹⁹² *Eur. Court HR, Handyside Case v. the United Kingdom, judgment of 7 December 1976, Series A, No. 24, p. 23, para. 49.* Это дело касалось осуждения заявителя за уголовное преступление, ареста и последующей конфискации и уничтожения матриц и сотен экземпляров “Маленького красного учебника” в целях защиты нравственности в демократическом обществе. Учебник предназначался главным образом для детей в возрасте 12–18 лет и содержал раздел о половой жизни. Суд пришел к заключению, что меры, принятые в данном деле, не нарушили статью 10. См. p. 28, para. 59.

В деле *Санди таймс* Суд подтвердил, что:

“Эти принципы особенно важны в том, что касается прессы. Они в равной мере применимы к сфере отправления правосудия, которая служит интересам общества в целом и требует сотрудничества просвещенной общественности. Существует общее признание того, что суды не могут действовать в вакууме. Хотя они и являются форумом для разрешения споров, это не означает, что предварительное обсуждение споров не может происходить где-то еще, будь то специальные журналы, широкая пресса или население в целом. Кроме того, хотя средства массовой информации не должны выходить за рамки, установленные в интересах надлежащего отправления правосудия, на них лежит обязанность распространять информацию и идеи, касающиеся вопросов, рассматриваемых в судах, точно так же, как это происходит в других сферах деятельности, представляющих общественный интерес. В функцию средств массовой информации входит распространение такой информации и идей, однако общественность также имеет право получать их”¹⁹³.

В более позднем деле *Обсервер и Гардиан* Суд присовокупил, что “если бы это было иначе, пресса была бы не способна играть свою жизненно важную роль ‘сторожевого пса’ общества”¹⁹⁴.

Сфера усмотрения государств в противовес европейскому контролю: Касаясь толкования положения об ограничении в пункте 2 статьи 10 Конвенции, Суд заявил, что содержащиеся в нем исключения:

“должны толковаться узко, и необходимость любых ограничений должна быть убедительно установлена”¹⁹⁵.

Хотя “прилагательное ‘необходимый’ по смыслу пункта 2 статьи 10 подразумевает существование ‘насущной’ социальной потребности”¹⁹⁶,

“[оно] не является синонимом слова ‘обязательный’ (ср. в пункте 2 статьи 2 и пункте 1 статьи 6 слова ‘абсолютно необходимо’ и ‘строго необходимо’ и в пункте 1 статьи 15 выражение ‘только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств’) и в то же время не обладает гибкостью выражения ‘допустимо’, ‘обычно’ (ср. пункт 3 статьи 4), ‘целесообразный’ (ср. французский текст первого пункта статьи 1 Протокола № 1), ‘разумный’ (ср. пункт 3 статьи 5 и пункт 1 статьи 6 или ‘желательный’. Тем не менее обязанность делать первоначальную оценку реальности насущной социальной потребности, подразумеваемой понятием ‘необходимость’ в данном контексте, лежит на национальных властях. Соответственно, пункт 2 статьи 10 оставляет за договаривающимися государствами определенную сферу

¹⁹³ Eur. Court HR, *the Sunday Times Case v. the United Kingdom*, judgment of 26 April 1979, Series A, No. 30, p. 40, para. 65.

¹⁹⁴ Eur. Court HR, *Case of the Observer and Guardian v. the United Kingdom*, judgment of 26 November 1991, Series A, No. 216, p.30, para. 59(b).

¹⁹⁵ Ibid., p. 30, para. 59(a).

¹⁹⁶ Ibid., p. 30, para. 59(c).

усмотрения. Эта сфера предоставлена как внутригосударственному законодателю ('предусмотрена законом'), так и органам, в том числе и судебным, которые призваны толковать и применять действующие законы"¹⁹⁷.

Тем не менее пункт 2 статьи 10 "не дает договаривающимся государствам неограниченной свободы усмотрения. Суд... вправе выносить окончательные решения о том, насколько то или иное 'ограничение' или 'санкция' совместимы со свободой выражения мнения в том виде, каком она охраняется статьей 10. Таким образом, сфера внутреннего усмотрения неразрывно связана с европейским контролем. Такой контроль охватывает как цель оспариваемой меры, так и ее 'необходимость'; он охватывает не только закон, лежащий в основе решения, но и само решение, в том числе вынесенное независимым судом"¹⁹⁸.

Более того, контроль Суда не ограничивается "установлением того, действовало ли государство-ответчик при осуществлении своих дискреционных полномочий разумно, тщательно и добросовестно. Даже когда договаривающееся государство действует именно так, оно остается под контролем Суда в отношении совместимости его действий с обязательствами, принятыми им в соответствии с настоящей Конвенцией"¹⁹⁹.

Короче говоря, для того чтобы ограничение в отношении осуществления свободы выражения мнения было "убедительно установленным", Европейский суд должен убедиться в том, что оспариваемые меры являются "соразмерными преследуемой законной цели" и что основания, приведенные национальными властями для их оправдания, являются "соответствующими и достаточными"²⁰⁰.

Наконец, следует заметить в этом контексте, что сфера усмотрения договаривающихся государств не одинакова в отношении каждой из целей, перечисленных в пункте 2 статьи 10. В следующем подразделе будет видно, что чем более объективной является законная цель, тем меньшая сфера усмотрения устанавливается для государства²⁰¹.

Свобода выражения мнения, гарантированная статьей 10 Европейской конвенции о правах человека, представляет собой одну из главных основ демократического общества.

Свобода выражения мнения является также одним из основных условий прогресса демократического общества и развития каждого человека.

¹⁹⁷ Eur. Court HR, *Handyside Case v. the United Kingdom*, judgment of 7 December 1976, Series A, No. 24, p. 22, para. 48.

¹⁹⁸ Ibid., p. 23, para. 49.

¹⁹⁹ Eur. Court HR, *the Sunday Times Case v. the United Kingdom*, judgment of 26 April 1979, Series A, No. 30, p. 36, para. 59.

²⁰⁰ Eur. Court HR, *Case of the Observer and Guardian v. the United Kingdom*, judgment of 26 November 1991, Series A, No. 216, p.30, paras. 59(a) and (b).

²⁰¹ Eur. Court HR, *the Sunday Times Case v. the United Kingdom*, judgment of 26 April 1979, Series A, No. 30, pp. 36-37, para. 59.

Критерии демократического общества включают плюрализм, терпимость и широту взглядов, что означает, что с учетом ограничений, определенных в пункте 2 статьи 10 Европейской конвенции, право на свободу выражения мнения охватывает не только информацию и идеи, которые считаются приемлемыми либо в других отношениях безобидными, но также информацию и идеи, которые оскорбляют, шокируют или причиняют беспокойство государству или какой-либо части его населения.

Эти принципы имеют особое значение для прессы, которая играет роль “сторожевого пса” общества, распространяя информацию и идеи. Они также являются важными для широкой общественности, которая имеет право получать такую информацию и идеи.

Формулировка “необходимые в демократическом обществе” в пункте 2 статьи 10 Европейской конвенции означает, что ограничения, вводимые в отношении осуществления свободы выражения мнения, должны обосновываться насущной социальной потребностью. Иными словами, должно быть “убедительно установлено”, что соответствующие меры соразмерны преследуемой законной цели. Для этого договаривающиеся государства должны доказать, что доводы, представленные в поддержку этих мер, являются как “соответствующими”, так и “достаточными”. Для выполнения этого требования недостаточно, чтобы договаривающиеся государства доказали, что они действовали осмотрительно и добросовестно.

Хотя национальные власти имеют определенную сферу усмотрения при принятии решения о необходимости какой-либо меры, указанные полномочия осуществляются в сочетании с контролем Европейского суда по правам человека.

Имеющиеся у государств полномочия действовать по своему усмотрению не являются одинаковым для каждой ситуации, а меняются вместе с преследуемой законной целью. Чем объективнее законная цель, тем меньшие полномочия в плане усмотрения предоставляется государствам для решения вопроса о необходимости ограничительных мер.

3.5.2 Свобода прессы

Свобода прессы была предметом многих дел, подпадающих под статью 10, которые доказали не и уязвимость, но и основополагающее значение свободной и критически настроенной прессы в Европе. В данном подразделе будут приведены примеры дел, затрагивающих ограничения на свободу прессы с целью поддержания авторитета судебной власти и защиты репутации или прав других лиц.

Поддержание авторитета судебной власти: дело *Санди таймс* касалось судебного запрета на публикацию газетой статьи о талидомидной трагедии на том основании, что это стало бы проявлением неуважения к суду. Статья касалась талидомидных детей в Соединенном Королевстве и урегулирования их исков о компенсации. Талидомид был лекарством, назначаемым, в частности, беременным женщинам, некоторые из которых впоследствии произвели на свет детей, страдающих серьезными дефектами. Компания Дистиллерс (биохимикаты), Лтд., производитель и продавец талидомида в Соединенном Королевстве, в конце концов урегулировала претензии по искам подавляющего большинства жертв этого препарата. Заявители утверждали, в частности, что судебный запрет, изданный Высоким Судом и подтвержденный Палатой лордов, представлял собой нарушение статьи 10 настоящей Конвенции²⁰².

Европейский суд без труда принял решение о том, что в данном деле имело место “вмешательство со стороны государственных органов” при осуществлении заявителями свободы слова, которая гарантирована пунктом 1 статьи 10 Конвенции. Для того чтобы быть обоснованным, такое вмешательство должно было отвечать условиям, изложенным в пункте 2 статьи 10²⁰³.

Что касается условия, согласно которому вмешательство должно быть “**предусмотрено законом**”, то Суд, во-первых, заметил, что слово “закон” в пункте 2 статьи 10 “охватывает не только статуты, но и неписаное право”²⁰⁴. Кроме того, выражение “предусмотрено законом” требует, чтобы право было “в адекватной мере доступным” и “сформулированным с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину регулировать свое поведение”²⁰⁵. После тщательного изучения вопроса о том, соответствовал ли закон о неуважении к суду в английском праве критериям “**доступности**” и “**предсказуемости**”, Европейский суд ответил на данный вопрос утвердительно и заключил, что вмешательство, по поводу которого была подана жалоба, было “предусмотрено законом” согласно требованиям пункта 2 статьи 10²⁰⁶.

²⁰² Eur. Court HR, *the Sunday Times Case v. the United Kingdom*, judgment of 26 April 1979, Series A, No. 30, p. 27, para. 38.

²⁰³ Ibid., p. 29, para. 45.

²⁰⁴ Ibid., p. 30, para. 47.

²⁰⁵ Ibid., p. 31, para. 49.

²⁰⁶ Ibid., pp. 31-33, paras. 50-53.

Критерий предсказуемости означает, что гражданин “должен иметь возможность – пользуясь при необходимости соответствующими советами – предвидеть, в разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой данное действие. Эти последствия не обязательно предвидеть с абсолютной определенностью: опыт показывает, что это недостижимо”²⁰⁷. Примененный в деле Санди таймс принцип предсказуемости скорее означает, что то или иное лицо должно иметь возможность предвидеть в степени, “разумной по данным обстоятельствам”, риск, который влечет за собой определенное поведение²⁰⁸.

Следующим вопросом, который предстояло решить, был вопрос о том, преследовало ли вмешательство **законную цель** в соответствии с пунктом 2 статьи 10. Как заявители, так и правительство согласились с тем, что закон о неуважении к суду служит целям “защиты не только авторитета и беспристрастности судебной власти, но также прав и интересов тяжущихся сторон”²⁰⁹. Разъясняя понятие “судебная власть” (по-французски: “*pouvoir judiciaire*”), Суд заявил, что оно охватывает

“механизм осуществления правосудия, ветвь государственной власти, а также самих судей в их официальном качестве. Выражение ‘авторитет судебной власти’ включает, в частности, понятие о том, что суды – это органы, призванные подтверждать юридические права и обязанности и решать споры о них; широкая публика должна воспринимать их в таковом качестве и с уважением и доверием относиться к способности суда выполнять данную функцию”²¹⁰.

Изучив рассматриваемый внутригосударственный закон, Суд пришел к мнению, что “большинство форм поведения, охватываемых нормами о неуважении, относятся в основном либо к позиции судей, либо к функционированию судов и аппарата юстиции: эти нормы ‘обеспечивают авторитет и беспристрастность судебной власти’, что и является их целью... [В] той мере, в какой нормы о неуважении к суду могут служить для защиты прав тяжущихся, эта цель уже охватывается выражением ‘обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия’”. Поэтому нет необходимости отдельно рассматривать вопрос о том, преследует ли норма о неуважении к суду такую цель, как защита прав других лиц²¹¹. Поскольку перед Европейским судом не ставился вопрос о “беспристрастности”, Суд должен был только рассмотреть вопрос, вписывались ли доводы, приведенные Палатой лордов, для вынесения заключения о том, что проект статьи был нежелательным, “в рамки цели поддержания ‘авторитета... судебной системы’, как она толковалась Судом”. Суд пришел к утвердительному заключению и принял, в частности, следующие основания, приведенные Палатой лордов:

207 Ibid., p. 31, para. 49.

208 Ibid., p. 33, para. 52.

209 Ibid., p. 33, para. 54.

210 Ibid., p. 34, para. 55.

211 Ibid., p. 34, paras. 55-56.

- ❖ “‘предвосхищая судебное решение’ по вопросу о небрежности, [статья] вела бы либо к проявлению неуважительного отношения к правовой процедуре, либо к вмешательству в осуществление правосудия”;
- ❖ “предвосхищение судебного решения в прессе неизбежно привело бы в данном деле к возражениям участников процесса, создав тем самым угрозу ‘газетного разбирательства’, что несовместимо с надлежащим отправлением правосудия”; и
- ❖ “на судах лежит обязанность – оградить стороны от вреда, наносимого тем, что преждевременные решения вовлекают их в водоворот досудебных событий, обусловленных оглаской”²¹².

Поскольку в этом деле вмешательство отвечает **принципу законности** и **условию законной цели**, оставалось ответить на решающий вопрос о том, можно ли было считать его “**необходимым в демократическом обществе**”. Иными словами,

- ❖ Обусловлено ли вмешательство “насущной социальной потребностью”?
- ❖ Было ли оно “соразмерным преследуемой законной цели”?
- ❖ Являются ли доводы, приведенные национальными властями в его оправдание, “достаточными” и “соответствующими”?²¹³

Суд отметил в связи с этим, что “объем полномочий, предоставленных государствам для усмотрения, не одинаков в отношении всех целей, перечисленных в пункте 2 статьи 10”. В отличие от “защиты нравственности”, например, “авторитет” судебной власти является “гораздо более объективным понятием”, в отношении которого “внутреннее законодательство и практика Договаривающихся государств обнаруживают значительно больше общего... Соответственно, здесь более широкой сфере европейского надзора соответствует сужение сферы усмотрения государств” на внутригосударственном уровне²¹⁴.

В своем подробном обосновании Суд напомнил, в частности, о принципах, касающихся значения свободы выражения мнения в демократическом обществе, которые “в равной степени применимы к сфере отправления правосудия”. Исключения из этой свободы, содержащиеся в пункте 2 статьи 10, “должны толковаться ограничительно”²¹⁵. Затем Суд указал, что статья 10 “гарантирует не только свободу прессы информировать общественность, но и право общественности быть информированной должным образом... В настоящем деле семьи многочисленных жертв трагедии, не знавшие о связанных с делом юридических сложностях, были крайне заинтересованы в том, чтобы ознакомиться со всеми лежащими в его основе обстоятельствами и различными путями возможного решения проблем. Их можно было бы лишить этой информации, которая имела для них столь важное значение, только в том случае, если бы существовала абсолютная уверенность в том, что ее распространение представляло бы

²¹² Ibid., pp. 34-35, paras. 56-57.

²¹³ Ibid., p. 38, para. 62.

²¹⁴ Ibid., pp. 36-37, para. 59.

²¹⁵ Ibid., pp. 40-41, para. 65.

угрозу для ‘авторитета судебной власти’”²¹⁶. Поэтому Суд должен был “взвешивать вовлеченные в дело интересы и оценивать их сравнительную значимость”. При этом он заметил, в частности, что факты данного дела “не перестают вызывать общественный интерес только потому, что они лежат в основе незавершенного судебного разбирательства. Предав огласке некоторые факты, статья могла бы послужить своего рода тормозом для развертывания спекулятивной и непросвещенной дискуссии”²¹⁷. Суд пришел к выводу, что “обжалуемое вмешательство не соответствует достаточно неотложной социальной потребности, которая перевешивала бы заинтересованность общественности в осуществлении свободы выражения мнения по смыслу Конвенции”. Соответственно, Суд нашел доводы в пользу наложенного на заявителей ограничения в соответствии с пунктом 2 статьи 10 недостаточными. Это ограничение оказалось несоразмерным преследуемой законной цели; оно не являлось необходимым в демократическом обществе для поддержания авторитета судебной власти²¹⁸. Соответственно, имело место нарушение статьи 10.

Защита репутации и прав других лиц: Дело *Лингенс против Австрии* касалось осуждения заявителя за клевету на г-на Крайского, который в то время был федеральным канцлером Австрии. В двух своих статьях заявитель, в частности, критиковал г-на Крайского за его снисходительное отношение к бывшим нацистам, принимавшим участие в политической жизни Австрии, используя такие выражения, как “низкопробный оппортунизм”, “аморальный” и “недостойный”, на основании чего он был приговорен к штрафу, а его статьи было приказано конфисковать²¹⁹.

Европейский суд по правам человека постановил, что имело место “вмешательство государственных органов” в осуществление г-ном Лингенсом права на свободу выражения своего мнения, которое во избежание нарушения Конвенции должно быть оправданным в соответствии с пунктом 2 статьи 10, с тем что этот приговор был “предусмотрен законом”, поскольку он был вынесен на основании статьи 111 Уголовного кодекса Австрии, и что эта мера преследовала законную цель по той причине, что она должна была защитить “репутацию или права других лиц”²²⁰. Таким образом, оставалось решить вопрос о том, можно ли было оправдать приговор как “**необходимый в демократическом обществе**” для достижения законной цели.

Напомнив о своих решениях по делам *Хэндисайда* и *Санди таймс*, Суд подчеркнул, что он не может принять мнения, высказанного в решении Апелляционного суда Вены, “о том, что задачей прессы является распространение информации, толкование которой следует оставить главным образом читателю”²²¹. Он добавил, что:

216 Ibid., pp. 41-42, para. 66.

217 Ibid., p. 42, para. 66.

218 Ibid., p. 42, para. 67.

219 Eur. Court HR, *Case of Lingens v. Austria, judgment of 8 July 1986, Series A, No. 103*, pp. 21-23, paras. 26-30.

220 Ibid., p. 24, paras. 35-36.

221 Ibid., p. 26, para. 41.

“свобода печати, кроме того, наделяет общество одним из самых совершенных инструментов, позволяющих узнать и составить представление об идеях и позициях политических лидеров. В более общем плане можно сказать, что свобода политической дискуссии составляет стержень концепции демократического общества, которая проходит через всю Конвенцию.

Соответственно, пределы допустимой критики в отношении политиков как таковых шире, чем в отношении частных лиц. В отличие от последних первые должны неизбежно и сознательно проявлять большую терпимость к пристальному вниманию журналистов и всего общества к каждому их слову и действию. Нет сомнения, что пункт 2 статьи 10 позволяет защищать репутацию других лиц – то есть каждого человека, – и эта защита распространяется и на политиков, даже когда они выступают не в личном качестве; но в таких случаях требования относительно обеспечения подобной защиты должны взвешиваться с учетом интереса общества к открытой дискуссии по политическим вопросам”²²².

Что касается конкретных фактов дела г-на Лингенса, то Европейский суд заметил, что в его статьях “рассматривались политические проблемы, вызвавшие в Австрии большой общественный интерес, который повлек за собой многочисленные оживленные дискуссии по поводу отношения австрийцев в целом – и их канцлера в частности – к национал-социализму и к участию бывших нацистов в управлении страной. Содержание и тон этих статей были, в общем, достаточно сбалансированы, но использование ранее упомянутых выражений выглядело как нечто, способное повредить репутации г-на Крайского. Однако, поскольку дело касалось г-на Крайского как политика, следовало принять во внимание тот фон, на котором появились эти публикации”. Это произошло вскоре после всеобщих выборов в 1975 году, когда г-н Крайский обвинил г-на Виезенталя, президента Еврейского центра документации, в использовании “мафиозных методов”, после того как тот сделал ряд разоблачений, касавшихся прошлого председателя Австрийской либеральной партии, возможного партнера по коалиции с партией г-на Крайского. “Таким образом, инкриминируемые выражения [следовало] рассматривать на фоне разгоревшегося после выборов политического спора; ...в этой борьбе каждый использовал то оружие, которое оказалось в его распоряжении”. Кроме того, эти обстоятельства “нельзя упускать из виду” при оценке в свете пункта 2 статьи 10 Европейской конвенции “наложенного на заявителя наказания и причин, по которым его вынесли внутренние суды”²²³.

Европейский суд отметил в связи с этим, что, хотя спорные статьи “уже получили широкое распространение”, так что вынесенное в отношении автора постановление о конфискации “строго говоря, уже не могло помешать ему выразить свое мнение, тем не менее оно равносильно своего рода

222 Ibid., p. 26, para. 42.

223 Ibid., pp. 26-27, para. 43.

порицанию, которое, вероятно, может отбить у него охоту заниматься подобной критикой в будущем”. Он добавил, что:

“в контексте политической дискуссии подобный приговор может, вероятно, отвратить журналистов от стремления внести вклад в публичное обсуждение проблем, затрагивающих жизнь общества. К тому же, санкция, подобная этой, могла бы помешать прессе выполнять свою задачу распространителя информации и ‘сторожевого пса’ общества”²²⁴.

Суд отметил далее, что “факты, на которых г-н Лингенс основывал свои оценочные суждения, так же как и его добросовестность, никто не оспаривал”. С точки зрения Суда, невозможно доказать истинность оценочных суждений, как это требуется статьей 111 Уголовного кодекса Австрии с целью избежать осуждения. Более того, такое требование “нарушает саму свободу выражения мнений, которая является основополагающей частью права, гарантированного статьей 10 Конвенции”²²⁵. Поэтому Суд пришел к заключению, что вмешательство в осуществлении г-ном Лингенсом свободы выражения мнения не было “необходимым в демократическом обществе”, поскольку “оно было несоразмерным преследуемой законной цели”²²⁶.

В деле *Йерсилд против Дании* заявитель был обвинен в пособничестве и подстрекательстве к распространению заявлений трех молодых людей – членов группы под названием “Зеленые куртки”, которые сами были осуждены за то, что делали оскорбительные и пренебрежительные замечания в адрес лиц иностранного происхождения. Эти замечания прозвучали в телевизионной программе, выпущенной автором с заявленной целью представления “реалистичной картины социальной проблемы”. Он был приговорен к штрафу в 1 тыс. датских крон, или к пяти дням тюремного заключения²²⁷.

Стороны сходились в том, что осуждение представляло собой вмешательство в осуществление г-ном Йерсилдом права на свободу выражения своего мнения, что оно было “предусмотрено законом”, а именно пунктом b) статьи 226 и пунктом 1 статьи 23 Уголовного кодекса Дании, и что оно преследовало законную цель защиты “репутации или прав других лиц”²²⁸.

Единственный спорный вопрос заключался в том, являлись ли такие меры “необходимыми в демократическом обществе”. Суд с самого начала подчеркнул, что он “полностью сознает насущную необходимость борьбы с расовой дискриминацией во всех ее формах и проявлениях” и что, следовательно, “цель и назначение” Конвенции Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм расовой дискриминации имеют

224 Ibid., p. 27, para. 44.

225 Ibid., p. 28, para. 46.

226 Ibid., p. 28, para. 47.

227 Eur. Court HR, *Case of Jersild v. Denmark*, judgment of 23 September 1994, Series A, No. 298, p. 14-15, paras. 13-14.

228 Ibid., p. 20, para. 27.

“большое значение при определении того, было ли осуждение заявителя, – которое, как подчеркивает правительство, – основывалось на положении закона, принятого, чтобы обеспечить выполнение Данией своих обязательств по Конвенции Организации Объединенных Наций, ‘необходимым’ по смыслу пункта 2 статьи 10”²²⁹.

В связи с этим обязательства Дании согласно статье 10 Европейской конвенции должны “в меру возможного толковаться так, чтобы они были совместимы с ее обязательствами в соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций”²³⁰.

Говоря вновь о значении свободы выражения мнений и роли прессы в демократическом обществе, Суд подчеркнул, что эти принципы “бесспорно применимы также и к аудиовизуальным средствам информации”. Он добавил, что

“при рассмотрении ‘обязанностей и ответственности’ журналиста потенциальное воздействие соответствующего средства информации является важным фактором; повсюду признается, что аудиовизуальные средства информации часто обладают значительно более непосредственным и мощным воздействием, чем печатные средства... Аудиовизуальные средства информации способны с помощью образов передавать смысл, который не могут донести печатные средства информации.

В то же время методы объективного и сбалансированного репортажа могут существенно варьироваться в зависимости, среди прочего, от других особенностей средства информации. Ни данному Суду, ни национальным судам не подобает подменять в этом вопросе своими собственными взглядами суждения прессы относительно того, к какой технике репортажа следует прибегать журналистам. ***В этом контексте Суд напоминает, что статья 10 защищает не только содержание выражаемых идей и информации, но и форму их передачи***”²³¹.

Таким образом, Суд должен был определить, являлись ли основания, выдвинутые властями Дании в оправдание осуждения г-на Йерсилда, “соответствующими и достаточными, и были ли использованные средства соразмерны преследуемой законной цели”. При этом Суд должен [был] убедиться в том, что национальные власти применяли нормы, соответствующие принципам статьи 10, и, более того, что их применение основывалось на приемлемой оценке относящихся к делу обстоятельств²³².

Оценка Суда должна была учитывать “манеру, в которой был подготовлен телесюжет о ‘зеленых куртках’, его содержание, контекст, в котором он вышел в эфир, и цели программы”. Суд также учитывал “обязательства, взятые на себя государствами на основании Конвенции

229 Ibid., p. 22, para. 30.

230 Ibid., pp. 22-23, para. 30.

231 Ibid., p. 23, para. 31 (курсив наш).

232 Ibid., pp. 23-24, para. 31.

Организации Объединенных Наций и других международных договоров, принимать эффективные меры для ликвидации всех форм расовой дискриминации, предотвращения распространения расистских доктрин и практики и борьбы с ними”²³³.

При этом Суд, во-первых, установил, что приведенные национальными властями основания были “надлежащими”. По его мнению, “национальные суды особенно подчеркивали то обстоятельство, что заявитель сам взял на себя инициативу по подготовке телесюжета о ‘зеленых куртках’ и что он не только заранее знал, что во время интервью будут, вероятно, сделаны расистские заявления, но и поощрял такие заявления. Он отредактировал программу таким образом, чтобы включить в нее оскорбительные утверждения. Без его активного участия эти замечания не были бы распространены среди широкого круга лиц и не были бы, таким образом, наказуемы”²³⁴.

С другой стороны, при рассмотрении программы в ее контексте, в том числе с учетом представления ведущего, не было “оснований сомневаться” в том, что эти интервью выполнили заявленную задачу – затронуть аспекты проблемы расизма в Дании. “Взятый в целом, данный телесюжет объективно был не похож на материал, цель которого состояла в пропаганде расистских идей и взглядов”, поскольку в нем

“было очевидно стремление – при помощи интервью – выставить на всеобщее обозрение, проанализировать и объяснить поведение именно этой группы молодых людей, ограниченных и недовольных своим социальным положением, склонных к насилию и уже имеющих судимость. Таким образом, были затронуты конкретные аспекты проблемы, которая уже тогда вызывала большую озабоченность общественности”²³⁵.

Кроме того, Европейский суд “не убедил довод, также подчеркнутый национальными судами,... что телесюжет о ‘зеленых куртках’ был представлен без попыток что-либо противопоставить выраженным в нем экстремистским взглядам. Как представление сюжета телевизионным ведущим, так и поведение самого заявителя во время интервью показали, что он отчетливо отмежевался от опрашиваемых лиц”²³⁶. Суд добавил, что

“репортажи, строящиеся на интервью, отредактированных или не отредактированных, представляют собой одно из важнейших средств, при помощи которых пресса может играть свою исключительно важную роль ‘сторожевого пса общественности’... Наказание журналистов за содействие в распространении заявлений, сделанных другим лицом по ходу интервью, могло бы серьезно помешать прессе вносить свой вклад в обсуждение проблем, представляющих общественный интерес, и не должно предусматриваться, если не существует особенно серьезных

233 Ibid., p. 24, para. 31.

234 Ibid., p. 24, para. 32.

235 Ibid., p. 24, para. 33.

236 Ibid., p. 25, para. 34.

оснований для этого. **В этом отношении Суд не приемлет довода правительства о незначительном размере штрафа; имеет значение лишь факт осуждения журналиста**²³⁷.

Нет сомнений, что “высказывания, за которые были осуждены ‘зеленые куртки’... были более чем оскорбительными для лиц, принадлежавших к тем группам, против которых они были нацелены, и что такие замечания не подпадают под защиту статьи 10”. Однако “не [было] доказано, что данный телесюжет, взятый в целом, оправдывал осуждение и наказание [заявителя] за уголовное преступление, предусмотренное Уголовным кодексом”²³⁸. Отсюда следует, что “основания, выдвинутые в поддержку осуждения заявителя и вынесения обвинительного приговора, недостаточны для того, чтобы со всей убедительностью установить, что имевшее место вмешательство в осуществление его права на свободу выражения мнения было ‘необходимым в демократическом обществе’, а использованные при этом средства были соразмерны преследуемой цели защиты ‘репутации или прав других лиц’”. Соответственно это вмешательство привело к нарушению статьи 10 Конвенции²³⁹.

Защита репутации или прав других лиц была также предметом разбирательства в деле *Бергенс Тиденде и др. против Норвегии*, касающемся норвежской газеты, ее главного редактора и одного из ее журналистов. Жалоба была вызвана опубликованием в газете статьи, в которой говорилось о женщинах, не удовлетворенных работой косметического хирурга. Этой статье предшествовала другая статья, в которой газета описывала работу хирурга и преимущества косметической хирургии, после чего ряд женщин обратились в газету со своими жалобами²⁴⁰. Вторая статья, содержащая критику проведенных операций, была опубликована на первой полосе газеты под заголовком “Желание стать красивой привело к обезображиванию”. В ней женщины заявили, в частности, что они “были обезображены и изувечены на всю жизнь”²⁴¹. В результате негативной рекламы хирург потерял пациентов и был вынужден закрыть свое дело. После жалоб, поступивших на него в органы здравоохранения от разочарованных пациентов, власти заключили, что он не совершил никаких неправильных операций, и поэтому они не предприняли никаких действий²⁴². Хирург возбудил дело о диффамации против заявителей и, хотя суд второй инстанции решил дело в их пользу, Верховный Суд в конечном счете принял постановление в пользу хирурга, присудив ему возмещение ущерба и издержек на общую сумму в 4 709 861 норвежскую крону²⁴³.

237 Ibid., p. 25, para. 35 (курсив наш).

238 Ibid., pp. 25-26, para. 35.

239 Ibid., p. 26, para. 37.

240 *Eur. Court HR, Case of Bergens Tidende and Others v. Norway, judgment of 2 May 2000*; использованный в данном контексте текст является неотредактированным вариантом решения, размещенного на веб-сайте Суда по адресу: <http://hudoc.echr.coe.int/>, пункты 9–11.

241 Ibid., para. 12.

242 Ibid., paras. 17-19.

243 Ibid., paras. 20-24.

Стороны в Европейском суде пришли к общему мнению, что эта мера представляла собой вмешательство в осуществление заявителями права на свободу выражения мнения, которое согласно пункту 2 статьи 10 должно быть оправдано тем, что оно “установлено законом”, а именно пунктом 6 раздела 3 Закона о компенсации за ущерб 1969 года, и тем, что оно преследовало законную цель защиты “репутации или прав других лиц”. Как и в других многочисленных делах, возбужденных согласно статье 10 Европейской конвенции, единственный спорный вопрос заключался в том, были ли такие меры “необходимыми в демократическом обществе”²⁴⁴.

Напомнив о своем твердо установленном прецедентном праве в отношении свободы выражения мнения и важнейшей роли, которую играет пресса в демократическом обществе, включая ее обязанности и ответственность, Суд заявил, что он

“помнит о том факте, что журналистская свобода также охватывает возможное обращение к некоторому преувеличению и даже провокации... В делах, подобных данному, национальная сфера усмотрения ограничивается интересами демократического общества в предоставлении прессе возможности осуществлять ее важную роль ‘сторожевого пса общества’ путем распространения информации, вызывающей серьезную обеспокоенность общественности”²⁴⁵.

По мнению Суда, “оспариваемые статьи... касались важного аспекта здоровья людей и как таковые поднимали серьезные вопросы, вызывающие общественный интерес”. В случаях, когда как и в настоящем деле, “меры, предпринятые национальными властями, способны отбить у прессы охоту распространять информацию по вопросам, представляющим законный общественный интерес, от Суда требуется тщательное изучение соразмерности этих мер”²⁴⁶.

Однако осуществление свободы выражения мнения “сопряжено с ‘обязанностями и ответственностью’, которые также применимы к прессе... Эти ‘обязанности и ответственность’ приобретают значение тогда, когда, как в настоящем деле, существует вопрос о нападках на репутацию частных лиц и подрыве ‘прав других лиц’”. Следовательно,

“в силу ‘обязанностей и ответственности’, неотъемлемых при осуществлении свободы выражения мнения, защита, предоставляемая статьей 10 журналистам в отношении репортажей по вопросам, вызывающим общий интерес, сопряжена с условием, что они действуют добросовестно, в целях предоставить точную и заслуживающую доверия информацию в соответствии с этикой журналистики”²⁴⁷.

244 Ibid., para. 33

245 Ibid., para. 49.

246 Ibid., paras. 51-52.

247 Ibid., para. 53.

Суд придал большое значение тому факту, что “в данном деле рассказы женщин об их лечении доктором Р. были признаны не только по существу правильными, но также были точно переданы газетой”. Прочитав эти статьи в целом, Суд не мог установить, что высказывания были чрезмерными или вводящими в заблуждение²⁴⁸. “Суд также не смог согласиться с тем, что “репортажи о рассказах женщин доказывали отсутствие какой-либо должной сбалансированности”. Он указал, что “репортажи о новостях, основанные на интервью, представляют собой одно из наиболее важных средств, с помощью которых пресса способна играть свою важную роль ‘сторожевого пса общества’”²⁴⁹. Сославшись на свое решение по делу *Йерсилда*, Суд заявил, что “методы объективного и сбалансированного репортажа могут существенно варьироваться в зависимости, среди прочего, от особенностей средства информации”; ни данному Суду, ни национальным судам не подобает “подменять в этом вопросе своими собственными взглядами суждения прессы относительно того, к какой технике репортажа следует прибегать журналистам”. Наконец, Суд отметил, что на той же самой странице, где была опубликована первая оспариваемая статья, было интервью с другим косметическим хирургом, который рассказал о “тонкой грани между успехом и неудачей” в этой области, а также интервью с обвиненным косметическим хирургом, который обратил внимание на тот факт, что осложнения происходили в 15–20 процентах всех операций. Кроме того, этой газетой были опубликованы еще две статьи в защиту доктора R.²⁵⁰.

Согласившись с тем, что публикация соответствующих статей “имела серьезные последствия для профессиональной деятельности доктора Р.”, Европейский суд посчитал, что “с учетом обоснованной критики, касающейся оказываемого им послеоперационного ухода и последующего лечения, было неизбежно, что его профессиональной репутации в любом случае будет нанесен существенный ущерб”²⁵¹. В свете всех этих соображений Суд не мог установить, “что несомненная заинтересованность доктора Р. в защите его профессиональной репутации была достаточна для того, чтобы взять верх над важным общественным интересом в том, что касается права прессы на свободное распространение информации по вопросам, представляющим законный общественный интерес. Короче говоря, основания, на которые полагалось государство-ответчик, хотя и относились к делу, были недостаточными для того, чтобы доказать, что оспариваемое вмешательство было ‘необходимо в демократическом обществе’”. Из этого вытекало, что “не существовало обоснованной соразмерной связи между ограничениями, наложенными в результате мер, примененных Верховным Судом, на право заявителей на свободу выражения мнения, и преследуемой законной целью”²⁵². Поэтому статья 10 Европейской конвенции была нарушена.

248 Ibid., para. 56.

249 Ibid., para. 57.

250 Ibid.

251 Ibid., para. 59.

252 Ibid., para. 60.

С учетом ограничений, указанных в пункте 2 статьи 10 Европейской конвенции о правах человека, свобода выражения мнения должна быть гарантирована, чтобы дать прессе возможность выполнять свою задачу поставщика информации и “сторожевого пса” общества.

Свобода политических дебатов является сердцевиной концепции демократического общества, которая пронизывает Европейскую конвенцию. Свобода печати наделяет общество одним из самых совершенных инструментов, позволяющих узнавать и составлять представление об идеях и позициях политических лидеров.

Свобода печати защищает не только суть идей и информации, но и **форму**, в которой они передаются, и поэтому журналисты имеют право решать, к какой технике репортажа им следует прибегать.

Осуществление свободы выражения мнения сопряжено с “обязанностями и ответственностью”. Чтобы пользоваться защитой статьи 10 Европейской конвенции при репортажах о вопросах, вызывающий общий интерес, от журналистов требуется действовать добросовестно, с тем чтобы предоставлять точную и заслуживающую доверие информацию в соответствии с этикой их профессии. Новостные репортажи, основанные на интервью, независимо от того, отредактированы они или нет, представляют собой одно из наиболее важных средств, с помощью которых пресса может играть свою жизненно необходимую роль “сторожевого пса общества”. Наказание журналистов за пособничество в распространении заявлений других лиц поэтому не предусматривается, если для этого нет очень серьезных оснований. Осуждение или иные санкции за репортажи могут помешать прессе выполнять ее задачу “сторожевого пса общества”.

В демократическом обществе может оказаться необходимым ограничить осуществление свободы выражения мнения, например, для обеспечения “авторитета и беспристрастности судебной власти” и для “защиты репутации или прав других лиц”.

Однако вопрос не перестает представлять общественный интерес просто потому, что он является частью предстоящего судебного процесса. Поэтому вмешательство в свободу выражения мнения в таких вопросах является оправданным только в том случае, если оно отвечает социальной потребности, которая является достаточно острой, чтобы взять верх над общественным интересом в свободном потоке информации. Договаривающиеся государства должны предоставлять соответствующие и достаточные основания, для того чтобы убедительно установить, что такая потребность существует в целях оправдания вмешательства.

Хотя политические лидеры также пользуются защитой своей “репутации или прав” согласно пункту 2 статьи 10 Конвенции, пределы допустимой критики в отношении политиков как таковых шире, чем в отношении частных лиц. Когда политики действуют в своем официальном качестве, противовесом требованию о том, чтобы они были защищены согласно пункту 2 статьи 10, должен быть интерес общества к открытой дискуссии по политическим вопросам.

3.5.3 Свобода выражения мнения избранных членов профессиональных организаций

В деле *Нильсен и Джонсен против Норвегии* был поднят вопрос о свободе выражения мнения для членов профессиональных организаций, в данном случае полицейских. Первым заявителем был полицейский инспектор и председатель Норвежской полицейской ассоциации, а вторым – полицейский констебль и председатель Бергенской полицейской ассоциации. Основанием для их жалобы, поданной согласно статье 10, послужило их осуждение городским судом Осло за диффамацию в соответствии с норвежским Уголовным кодексом. Дискредитирующие заявления были опубликованы в трех газетах и касались критических замечаний по поводу докладов профессора о жестокости полиции. Один заявитель был приговорен к выплате профессору денежной суммы за моральный ущерб, и оба заявителя были приговорены к выплате ему значительных сумм за судебные издержки²⁵³.

Стороны пришли к общему мнению, согласно которому оспариваемые меры представляли собой вмешательство в осуществление заявителями права на свободное выражение мнения, что это вмешательство было “предусмотрено законом” и преследовало законную цель, а именно

²⁵³ *Eur. Court HR, Case of Nilsen and Johnsen v. Norway, judgment of 25 November 1999, Reports 1999-VIII, pp. 72-75, para. 25, and p. 76, para. 27.*

“защиту репутации или прав других лиц”. Европейскому суду по правам человека оставалось только решить, была ли эта мера *“необходимой в демократическом обществе”*²⁵⁴. Этот вопрос имел особенно важное значение в данном деле с учетом того, что заявители пытались ответить на серьезные обвинения в неправомерном поведении полиции в норвежском городе Берген. В связи с этим Суд постановил, что:

“особенностью настоящего дела является то, что заявители были подвергнуты санкциям за заявления, которые они сделали как представители полицейских ассоциаций в ответ на некоторые заявления, содержавшие обвинения в ненадлежащем поведении полиции. Хотя нет сомнений в том, что любые ограничения, наложенные на право распространять и получать информацию о спорных обвинениях полиции в ненадлежащем поведении, требуют тщательного изучения со стороны Суда... то же самое должно применяться к выступлению, цель которого состоит в том, чтобы ответить на такие обвинения, поскольку оно является частью одной и той же дискуссии. Дело обстоит именно таким образом, когда, как в данном случае, указанные заявления были сделаны избранными представителями профессиональных ассоциаций в ответ на обвинения, в которых ставились под вопрос действия и добросовестность лиц этой профессии. Поэтому следует напомнить, что право на свободу выражения мнения согласно статье 10 является одним из главных средств обеспечения эффективного пользования правом на свободу собраний и ассоциации, установленном в статье 11”²⁵⁵.

Европейский суд посчитал, что основания, на которые полагались норвежские суды, являлись *“явно соответствующими”*, поскольку они были направлены на защиту репутации профессора. Норвежский Верховный Суд, например, установил, что дискредитирующие заявления равнозначны обвинениям в “обмане”, “умышленной лжи”, “недостойных и злонамеренных мотивах” и “бесчестных мотивах”²⁵⁶. Но были ли эти основания *“достаточными”* для целей пункта 2 статьи 10? В связи с этим Суд отметил, что это дело возникло на фоне “длительных и горячих общественных дискуссий в Норвегии о расследованиях обвинений полиции в насилии, а именно в городе Берген”, и что “оспариваемые заявления явно имели отношение к вопросу, представлявшему серьезный общественный интерес”. Однако важно то, что в связи с этим Суд отметил,

“что в соответствии с прецедентным правом Страсбургского суда согласно пункту 2 статьи 10 Конвенции существуют узкие рамки для ограничений на политические речи или на обсуждения по вопросам, представляющим общественный интерес”²⁵⁷.

Однако “даже при обсуждении вопросов, вызывающих серьезную общественную обеспокоенность, должны быть пределы права на свободное

254 Ibid., p. 82, пункт 39.

255 Ibid., pp. 85-86, para. 44.

256 Ibid., p. 86, para. 45 (курсив наш).

257 Ibid., pp. 86-87, para. 46.

выражение мнения”. Поэтому вопрос заключался в том, “перешли ли заявители границы допустимой критики”²⁵⁸.

Европейский суд согласился с тем, что норвежские суды обоснованно объявили ничтожным заявление об обвинении профессора в умышленной лжи, поскольку это заявление “вышло за пределы допустимой критики”. Однако то же самое не относилось к остальным заявлениям, которые были “скорее схожи с оценочными суждениями”²⁵⁹.

Анализируя необходимость этого вмешательства, Суд также принял во внимание “роль, которую сыграла пострадавшая сторона в данном деле”. Он отметил, что “она употребила ряд унижительных выражений, таких как ‘дезинформация’, ‘деспотизм’” и утверждала, что в Бергенской полиции “криминальная субкультура” существует²⁶⁰. Однако,

“приняв во внимание тот факт, что заявители в своем качестве избранных представителей профессиональных ассоциаций отвечали на критику методов работы и этики внутри этой профессии, Суд посчитал, что, сопоставляя интересы свободы слова с интересами защиты репутации согласно критерию необходимости в пункте 2 статьи 10 Конвенции, активному участию самого истца в оживленном общественном обсуждении должно быть придано большее значение, чем это было сделано национальными судами при применении национального закона... Заявления, о которых идет речь, непосредственно касались вклада истца в это обсуждение. По мнению Суда, нужно быть терпимым по отношению к некоторому преувеличению в контексте таких горячих и длительных общественных обсуждений вопросов, представляющих общий интерес, когда на карту с обеих сторон была поставлена профессиональная репутация”²⁶¹.

В свете вышесказанного Суд “не был убежден”, что остальные заявления “превысили пределы допустимой критики для целей” статьи 10 Конвенции. В центре длительных и оживленных общественных обсуждений был вопрос истинности обвинений полиции в насилии и было фактически подтверждено предположение о том, что информаторами были сделаны ложные обвинения. Заявления, о которых идет речь, по существу, касались этого вопроса, и грубые, по общему признанию, выражения, в которых они были сделаны, не были несоразмерными с выражениями, употребленными пострадавшей стороной, которая с самого начала участвовала в обсуждениях в качестве ведущей фигуры. Суд заключил, что была нарушена статья 10, поскольку не было “достаточных оснований” в поддержку вмешательства в свободу выражения мнения заявителя, которое поэтому не было “необходимым в демократическом обществе”²⁶².

258 Ibid., p. 87, para. 47.

259 Ibid., p. 87, paras. 49-50.

260 Ibid., pp. 88-89, para. 52.

261 Ibid., p. 89, para. 52.

262 Ibid., p. 89, para. 53.

Согласно пункту 2 статьи 10 Европейской конвенции имеются узкие рамки для ограничений на политические выступления или обсуждения по вопросам, представляющим общественный интерес. Однако, когда одни лица критикуют других, существуют границы, которые нельзя переходить. Ограничения, налагаемые на право распространять и получать информацию о вызывающих сомнения обвинениях, например в неправильных действиях полиции, требуют строгого европейского контроля. То же самое относится к ограничениям на речь, имеющую целью ответить на такие обвинения, поскольку они являются частью одной и той же дискуссии. Этот подход особенно действенен в тех случаях, когда оспариваемые заявления были сделаны избранными представителями профессиональных организаций в ответ на обвинения в нарушении их профессиональной добросовестности и этики. Кроме того, свобода выражения мнения, гарантированная статьей 10 Европейской конвенции о правах человека, является одним из основных средств обеспечения эффективного пользования свободой собраний и ассоциации, гарантированной статьей 11.

3.5.4 Свобода выражения мнения избранных политических деятелей

Европейский суд заявил, что

“если свобода выражения мнения важна для всех людей, она особенно важна для их избранных представителей. Он или она представляет электорат, привлекает внимание к его приоритетным проблемам и защищает его интересы. Соответственно, вмешательства в реализацию права на свободное выражение мнения со стороны оппозиционного члена Парламента... требуют самого пристального внимания со стороны Суда”²⁶³.

В рассматриваемом деле *Джерусалем против Австрии* заявительнице, являвшейся членом Муниципального совета Вены, который также действовал как региональный парламент, австрийскими судами было запрещено на основании статьи 1330 Гражданского кодекса Австрии повторять ее утверждения о том, что две названные ассоциации, ИРМ и ее швейцарский партнер ВРМ “являются сектами тоталитарного характера”²⁶⁴. В ходе дискуссии в муниципальном совете Вены, касавшейся предоставления субсидий ассоциации, оказывающей помощь родителям детей, вовлеченных в секты, заявительница утверждала, что секты, являющиеся “психосектами”,

²⁶³ Eur. Court HR, *Case of Jerusalem v. Austria*, judgment of 27 February 2001; использованный текст является неотредактированным вариантом решения, размещенным на веб-сайте Суда по адресу: <http://hudoc.echr.coe.int/>, пункт 36.

²⁶⁴ Ibid., para. 18.

существуют в Вене, и у них есть общие черты, такие как “их тоталитарный характер” и “фашистские тенденции”. Заявительница также утверждала, что ИРМ “добилась влияния на политику Австрийской народной партии в отношении оборота и потребления наркотиков”²⁶⁵. Австрийская ассоциация, а также ее швейцарский партнер VPM просили Венский региональный суд вынести решение о судебном запрете в отношении заявительницы, который лишил бы ее возможности повторять утверждение о том, что ИРМ является сектой. Эта просьба была удовлетворена.

Суд поддержал общее мнение сторон в этом деле о том, что судебный запрет представляет собой вмешательство в право заявительницы на свободу выражения мнения, которое гарантируется пунктом 1 статьи 10 Конвенции, и что это вмешательство “предусмотрено законом” и преследует законную цель, а именно “защиту репутации или прав других лиц” по смыслу пункта 2 статьи 10. Поэтому оставалось только решить вопрос, был ли такой судебный запрет “необходимым в демократическом обществе” для этой конкретной цели²⁶⁶.

Подчеркнув значение свободы выражения мнения также для избранных представителей народа, Европейский суд напомнил,

“что пределы приемлемой критики более широки в отношении политических деятелей, действующих в своем публичном качестве, чем в отношении частных лиц, поскольку первые неизбежно и сознательно представляют свои слова и дела для их тщательного изучения как журналистами, так и широкой публикой в целом. Политические деятели должны проявлять большую терпимость, особенно если они сами делают публичные заявления, допускающие критику”²⁶⁷.

Обращаясь к своему вышеупомянутому решению по делу *Нильсена и Джонсена*, Суд, однако, заметил, что “частные лица или ассоциации, выходя на арену публичных дискуссий, также представляют себя на всеобщее обозрение”. В деле, находящемся на рассмотрении Суда, две ассоциации были “активными в общественно значимой области, а именно в области политики в отношении оборота и потребления наркотиков. Они участвовали в публичных дискуссиях по этому вопросу и, как признало правительство, сотрудничали с политической партией. Поскольку ассоциации таким образом действовали активно в общественно значимой сфере, они должны были проявить большую терпимость к критике, когда в ходе той дискуссии оппоненты обсуждали их цели и используемые средства”²⁶⁸.

Далее Суд заметил, что заявления о которых идет речь, сделанные в ходе политической дискуссии в Венском муниципальном совете, были таким образом также “сделаны на форуме, который по крайней мере сопоставим с

265 Ibid., para. 10.

266 Ibid., para. 30.

267 Ibid., para. 38.

268 Ibid., paras. 38-39.

парламентом в отношении к общественно значимому вопросу о защите свободы выражения мнения участницы”. Он добавил, что:

“В демократическом государстве парламент или сопоставимые с ним органы являются важнейшими форумами для политических прений. Для оправдания вмешательства в осуществляемую там свободу выражения мнения должны быть выдвинуты очень веские причины”²⁶⁹.

В отличие от австрийских судов, Европейский суд согласен с тем, что в данном деле утверждения заявительницы “являлись добросовестным комментарием избранного члена муниципального совета по проблемам общественной значимости и должны [были] расцениваться скорее как субъективная оценка, нежели как утверждения факта”. Следовательно, оставалось решить вопрос, “существовало ли достаточное фактическое основание для подобных субъективных оценок”²⁷⁰.

Суд заметил, что для доказательства своей субъективной оценки заявительница представила документальные свидетельства о внутренней структуре и деятельности истцов, а также решение германского суда по этому вопросу. Хотя региональный суд Австрии принял это свидетельство, он отказался от показаний предложенных заявительницей свидетелей, а также от мнения предложенного эксперта²⁷¹. Европейский суд заявил, что он “поражен непоследовательностью внутрисудовых судов, которые, с одной стороны, требуют доказательства утверждения, а с другой – отказываются рассмотреть все имеющиеся свидетельства”. Он сделал заключение, что

“требуя от заявительницы доказать истинность ее утверждений и в то же самое время лишая ее фактической возможности представлять свидетельства, чтобы обосновать свои утверждения и тем самым доказать, что они были добросовестным комментарием, австрийские суды превысили свои полномочия, позволяющие им действовать по своему усмотрению, и судебный запрет, вынесенный в отношении заявительницы, представляет собой неадекватное вмешательство в свободу выражения ее мнения”²⁷².

Соответственно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

Свобода выражения мнения, гарантированная статьей 10 Европейской конвенции, имеет особое значение для избранных представителей народа, таких как члены местных, региональных и национальных парламентов, которые представляют и защищают интересы своего электората.

269 Ibid., para. 40.

270 Ibid., paras. 44-45.

271 Ibid., para. 45.

272 Ibid., para. 46.

Выходя на арену публичных дискуссий, политики представляют на всеобщее обозрение свои дела и свои слова. Поэтому они должны соглашаться с более широкими пределами приемлемой критики, а также соответственно проявлять большую терпимость. То же самое справедливо в отношении частных лиц и ассоциаций, которые участвуют в политических дискуссиях по вопросам, представляющим общественный интерес.

В демократическом обществе, в котором парламент и другие избранные органы являются главными форумами для политических дискуссий, должны быть выдвинуты очень веские основания для оправдания ограничений на осуществление свободы выражения мнения на этих форумах.

3.5.5 Свобода художественного выражения

Статья 10 Европейской конвенции

“включает свободу художественного выражения – особенно в рамках свободы получать и распространять информацию и идеи, – что дает возможность принимать участие в публичном обмене культурной, политической и социальной информацией и идеями всякого рода... Те, кто создают, исполняют, распространяют или выставляют произведения искусства, вносят вклад в обмен идеями и мнениями, что является жизненно важным в демократическом обществе. Отсюда обязательство государства не посягать необоснованно на их свободу выражения мнения”²⁷³.

В деле *Каратас против Турции* заявитель был осужден Стамбульским судом национальной безопасности за нарушение раздела 8 Закона о предотвращении терроризма (Закон № 3713), выразившееся в публикации антологии стихов под названием *The song of a rebellion* (Песнь повстанца) – *Dersim*. После внесения поправки в закон приговор был сокращен до одного года, одного месяца и десяти дней, но наложенный штраф был увеличен до 111 111 110 турецких лир²⁷⁴. Раздел 8 Закона о предотвращении терроризма запрещал письменную и устную пропаганду, митинги, собрания и демонстрации, направленные на подрыв территориальной целостности Турецкой Республики или неделимого единства нации.

Суд согласился с тем, что приговор представлял собой “вмешательство” в осуществление заявителем своего права на свободу выражения мнения, что приговор был “предусмотрен законом”, а именно

²⁷³ *Eur. Court HR, Case of Karatas v. Turkey, judgment of 8 July 1999, Reports 1999-IV, p. 108, para. 49.*

²⁷⁴ *Ibid.*, pp. 90-95, paras. 9-15.

статьей 8 Закона о предотвращении терроризма, и что эта мера преследовала законную цель. Что касается последнего пункта, то Суд посчитал, что:

“с учетом деликатности ситуации в области безопасности в юго-восточной Турции... и необходимости для властей сохранять бдительность в отношении актов, способных еще больше разжечь насилие, меры, принятые в отношении заявителя, могут быть названы способствующими достижению некоторых целей, упомянутых правительством, а именно защите национальной безопасности и территориальной целостности и предотвращению беспорядков и преступлений. Это, конечно, правильно в ситуациях, подобных ситуации в юго-восточной Турции, где во время рассматриваемого периода сепаратистское движение прибегало к методам, связанным с применением насилия”²⁷⁵.

Таким образом, Европейскому суду оставалось решить, является ли осуждение заявителя соразмерным этой законной цели и, таким образом, необходимым в демократическом обществе. Он заметил, что заявитель является “частным лицом, выразившим свои взгляды посредством поэзии, которая, по определению, адресуется очень немногочисленной аудитории, а не через средства массовой информации, – факт, который в значительной мере ограничивает ее возможное воздействие на ‘национальную безопасность’, [общественный] ‘порядок’ и ‘территориальную целостность’”. Даже если некоторые отрывки выглядели “очень агрессивными по тону и призывали к применению насилия, Суд [посчитал], что поскольку они являются художественными по своему характеру и имеют ограниченное воздействие, эти отрывки представляют собой не столько призыв к восстанию, сколько выражение глубокой скорби по поводу тяжелой политической ситуации”²⁷⁶. Кроме того, Суд заметил, что заявитель был осужден “не столько за подстрекательство к насилию, сколько за распространение сепаратистской пропаганды, называя конкретный регион Турции ‘Курдистан’, и за прославление повстанческих движений в этом регионе”²⁷⁷. Суд был “прежде всего ... поражен суровостью наказания, наложенного на заявителя”²⁷⁸. В силу всех этих причин он пришел к заключению, что осуждение заявителя “являлось несоразмерным преследуемым целям и, соответственно, не было ‘необходимым в демократическом обществе’. Следовательно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции”²⁷⁹.

Свобода *художественного* выражения также была спорным вопросом в деле *Мюллер и др. против Швейцарии*, в котором заявители были осуждены по пункту 1 статьи 204 Уголовного кодекса Швейцарии за выставление на всеобщее обозрение “непристойных” экспонатов на выставке. Суд признал, что это осуждение, а также постановление – хотя оно и было впоследствии аннулировано – о конфискации картин представляют собой вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения, которое, для

²⁷⁵ Ibid., pp. 105-106, paras. 36, 40 and 44.

²⁷⁶ Ibid., p. 109, para. 52.

²⁷⁷ Ibid., pp. 109-110, para. 52.

²⁷⁸ Ibid., p. 110, para. 53.

²⁷⁹ Ibid., p. 110, para. 54.

того чтобы быть законным, должно быть оправданным согласно пункту 1 статьи 10²⁸⁰.

Суд согласился, что эта мера предусмотрена законом и что осуждение преследует законную цель, так как оно предназначено защитить общественную нравственность²⁸¹. Напомнив об основополагающей роли, которую играет свобода выражения мнения в демократическом обществе, Суд признал, что “художники и те, кто пропагандирует их произведения, безусловно, не обладают иммунитетом от возможности ограничений, предусмотренных [в пункте 2 статьи 10 Конвенции]. Любой, кто осуществляет свою свободу на выражение мнения, берет на себя, в соответствии с четкими условиями этого пункта, ‘обязанности и ответственность’: их пределы будут зависеть от его ситуации и от средств, которые он использует”²⁸². Что касается термина *нравственность*, то

“в правовых и социальных постановлениях договаривающихся государств невозможно обнаружить единообразного европейского понятия нравственности. Взгляды на требования в отношении нравственности время от времени и в зависимости от места меняются, особенно в наши дни, характеризующиеся при существующем положении вещей далеко идущей эволюцией мнений по этому вопросу. Благодаря своей непосредственной и постоянной связи с наиболее влиятельными силами своих стран государственные органы в принципе находятся в более выгодном по сравнению с международным судьей положении, чтобы выразить мнение о точном содержании этих требований, а также о ‘необходимости’ ‘ограничения’ или ‘санкций’, направленных на удовлетворение указанных требований”²⁸³.

Суд признал, “так же, как это сделали швейцарские суды, что понятия сексуальной нравственности изменились за последние годы. Тем не менее, изучив подлинники картин, Суд не счел необоснованным мнение швейцарских судов о том, что эти картины с их упором на сексуальность в некоторых ее грубейших проявлениях ‘способны в грубой форме оскорбить представление о сексуальном приличии людей с нормальной чувствительностью’”. С учетом сферы усмотрения, предоставленной швейцарским судам в данном деле, Европейский суд пришел к заключению, что оспариваемые меры не нарушили статью 10 Конвенции²⁸⁴.

280 *Eur. Court. HR, Case of Müller and Others v. Switzerland, judgment of 24 May 1988, Series A, No. 133, p. 19, para. 28.*

281 *Ibid.*, pp. 20-21, paras. 29-30.

282 *Ibid.*, p. 22, para. 34.

283 *Ibid.*, p. 22, para. 35.

284 *Ibid.*, pp. 22-23, paras. 36-37. О понятии “нравственность” см. также *Eur. Court HR, Handyside Case, judgment of 7 December 1976, Series A, No. 24, pp. 23-28, paras. 49-59*. Дополнительную информацию о свободе выражения мнений см. также на веб-сайте организации “Статья 19” (www.article19.org), где можно ознакомиться с *The Virtual Freedom of Expression Handbook*.

Свобода художественного выражения защищена статьей 10 Европейской конвенции о правах человека и является важным компонентом демократического общества.

Свобода художественного выражения включает, в частности, свободу получать и распространять информацию и идеи, которые позволяют людям принимать участие в публичном обмене культурной, политической и социальной информацией и идеями всякого рода.

Нельзя законным путем вмешиваться в осуществление свободы художественного выражения по любым основаниям, кроме тех, которые оговорены в пункте 2 статьи 10 Европейской конвенции.

Чтобы решать, что является необходимым в демократическом обществе для защиты общественной нравственности, договаривающиеся государства имеют более широкую сферу усмотрения, чем при наложении ограничений на осуществление свободы выражения мнений в законных целях, которые имеют более объективный характер.

4. Права на свободу ассоциаций и собраний

Права на свободу ассоциаций и собраний тесно связаны между собой и поэтому в настоящей главе будут рассматриваться вместе. Поскольку эти две свободы в рассматриваемых договорах не располагаются в одном и том же порядке, ради последовательности свобода ассоциации будет, как правило, рассматриваться до свободы собраний.

4.1 Соответствующие правовые положения

Статья 20 Всеобщей декларации прав человека предусматривает следующее:

- “1. Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций.
2. Никто не может быть принуждаем вступать в какую-либо ассоциацию”.

Статья 22 Международного пакта о гражданских и политических правах, касающаяся права на свободу ассоциации, гласит:

“1. Каждый человек имеет право на свободу ассоциации с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Пользование этим правом не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусматриваются законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений пользования этим правом для лиц, входящих в состав вооруженных сил и полиции.

3. Ничто в настоящей статье не дает право государствам, участвующим в Конвенции Международной организации труда 1948 года относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию, принимать законодательные акты в ущерб гарантиям, предусматриваемым в указанной Конвенции, или применять закон таким образом, чтобы наносился ущерб этим гарантиям”.

Статья 21 Международного пакта о гражданских и политических правах гарантирует право на мирные собрания в следующей формулировке:

“Признается право на мирные собрания. Пользование этим правом не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые налагаются в соответствии с законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц”.

Статья 10 Африканской хартии прав человека и народов гарантирует право на свободу ассоциации:

“1. Каждый человек имеет право на свободу ассоциации, при условии соблюдения им закона.

2. При условии соблюдения обязательства о солидарности, предусмотренного в статье 29, никто не может быть принужден к вступлению в ассоциацию”.

Право на свободу собраний содержится в статье 11 Африканской хартии:

“Каждый человек имеет право свободно собираться с другими людьми. Пользование этим правом подлежит только тем необходимым ограничениям, которые предусматриваются законом, в частности тем, которые установлены в интересах государственной и общественной безопасности, охраны здоровья и нравственности населения и защиты прав и свобод других лиц”.

Статья 16 Американской конвенции о правах человека гарантирует свободу ассоциаций:

“1. Каждый имеет право свободно объединяться в ассоциации идеологического, религиозного, политического, экономического, профес-
сионального, социального, культурного, спортивного или иного характера.

2. Пользование этим правом может быть предметом только таких ограничений, установленных законом, какие могут быть необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, публичного спокойствия и порядка или для защиты общественного здоровья и нравственности, или прав и свобод других.

3. Положения этой статьи не создают препятствий для введения правовых ограничений, включая даже лишение права на объединение для военнослужащих и служащих полиции”.

Статья 15 Американской конвенции о правах человека защищает право на мирные собрания:

“Признается право на мирные собрания. При пользовании этим правом не может быть никаких ограничений, кроме тех, которые введены в соответствии с законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности или публичного спокойствия и порядка или для защиты общественного здоровья и нравственности, или прав и свобод других”.

Обе эти свободы включены в статью 11 Европейской конвенции о правах человека, которая гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и свободу ассоциации с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в них для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, защиты здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции и государственного управления”.

Право на свободу мирных собраний и ассоциации гарантируется также пунктом d) (ix) статьи 5 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, статьей 15 Конвенции о правах ребенка и статьей 8 Африканской хартии прав и благополучия ребенка, в то время как

свобода ассоциации прямо гарантируется также статьей 4 Межамериканской конвенции о предупреждении и искоренении насилия в отношении женщин и наказании за него. Право организовывать профсоюзы и вступать в профсоюз по своему выбору признается статьей 22 Международного пакта о гражданских и политических правах, статьей 8 Дополнительного протокола к Американской конвенции о правах человека в области экономических, социальных и культурных прав, статьей 5 Европейской социальной хартии 1961 года и статьей 5 Европейской социальной хартии (пересмотренной) 1996 года.

Свобода ассоциации, безусловно, защищена также Конвенцией МОТ о свободе ассоциации и защите права на организацию 1948 года (№ 87) и Конвенцией о праве на организацию и на ведение коллективных переговоров 1949 года (№ 98). МОТ проводит большую работу в области свободы ассоциации, особенно в рамках Комитета по свободе ассоциации его Административного совета. Однако в настоящем контексте свобода собраний и свобода ассоциации будут рассматриваться только в той мере, в какой они рассматриваются контролирующими органами, действующими согласно основным международным договорам о правах человека.

4.2 Статьи 21 и 22 Международного пакта о гражданских и политических правах

4.2.1 Происхождение и значение понятия “в демократическом обществе”

Формулировки статей 21 и 22 Международного пакта о гражданских и политических правах очень близки и, в отличие от пункта 3 статьи 19, касающегося свободы выражения мнения, положения об ограничениях в обеих статьях содержат ссылку на “демократическое общество”. Эти термины были включены в статью 21 на восьмой сессии Комиссии Организации Объединенных Наций по правам человека в 1952 году по предложению Франции²⁸⁵, которая уже безуспешно пыталась включить в текст это понятие на пятой сессии Комиссии в 1949 году. В то время Франция утверждала, что включение этого понятия является “существенно важным”, поскольку оно уже содержалось в общем положении об ограничениях в статье 29 Всеобщей декларации прав человека²⁸⁶. Это предложение было возобновлено на шестой сессии Комиссии в 1950 году, и тогда Австралия выступила против него, поскольку в то время понятие “демократия” охватывало две диаметрально противоположные концепции. Однако Чили высказалась за него, поскольку “возможно классифицировать государства как демократические или антидемократические, принимая во внимание, каким образом каждое государство соблюдает принципы, изложенные в Уставе, Всеобщей декларации прав человека и в Пакте”²⁸⁷. Представитель Франции заявил, что

²⁸⁵ Поправки см. E/CN.4/L.201. О голосовании см. E/CN.4/SR.325, p. 20.

²⁸⁶ E/CN.4/SR.120, p. 9. О голосовании против данного предложения см. E/CN.4/SR.121, p. 5.

²⁸⁷ E/CN.4/SR.169, p. 10, para. 41(Australia), and p. 13, para. 54 (Chile).

“63. ... он определял демократическое общество как общество, основанное на уважении прав человека. Общественный порядок в таком обществе основывается на признании властями достоинства личности и защите ее прав. Недемократические общества характеризуются пренебрежением к правам человека.

64. ... Важно придерживаться духа Всеобщей декларации прав человека и прямо заявить, что даже общественный порядок подчинен правам человека. Поэтому следует включить ссылку на демократическое общество”²⁸⁸.

Однако представитель Ливана посчитал, что французское определение “подвержено злоупотреблениям, поскольку часто самые жестокие тираны утверждают, что они уважают права человека, как они себе их представляют”. С другой стороны, если поправка Франции означала всеобщую доктрину прав человека, как она была провозглашена во Всеобщей декларации, он бы согласился с ней, хотя и считал, “что это заявление следовало прояснить”²⁸⁹.

В 1952 году выражение “в демократическом обществе” было также включено в текст статьи о праве на свободу ассоциаций вопреки возражениям Соединенных Штатов по поводу его “двусмысленности”²⁹⁰. В последующих обсуждениях в Третьем комитете Генеральной Ассамблеи Швеция указала, что “право создавать ассоциации и присоединяться к ним по своему выбору имеет большое значение в демократическом обществе”²⁹¹. Италия заметила, что “свобода политической ассоциации дополняет свободы мнения, выражения мнения и собраний, уважение которых является важнейшей характеристикой подлинного демократического государства”²⁹². Как показано в этой главе, внутренняя связь между свободами выражения мнения, ассоциации и мирных собраний впоследствии постоянно подчеркивалось международными контрольными органами.

Составители Международного пакта о гражданских и политических правах считали, что свобода ассоциации и свобода мирных собраний являются основополагающими элементами демократического общества, которое они описывали как общество, где уважаются права человека.

²⁸⁸ Ibid., p. 14, paras. 63-64.

²⁸⁹ Ibid., p. 14, para. 65.

²⁹⁰ E/CN.4/SR.325, para. 15 (United States). Текст французской поправки см. E/CN.4/L.202. О голосовании см. E/CN.4/SR.326, p. 5.

²⁹¹ GAOR, 16th session, 1961-1962, v. 1, Third Committee, A/C.3/SR.1087, p. 134, para. 16.

²⁹² Ibid., A/C.3/SR.1088, p. 139, para. 8.

4.2.2 Свобода ассоциаций

Комитет по правам человека выразил обеспокоенность “отсутствием конкретного законодательства о политических партиях” в Сирийской Арабской Республике “и тем, что разрешаются лишь те политические партии, которые заявляют о своей готовности принимать участие в политической деятельности Национального прогрессивного фронта, возглавляемого партией Баас. Комитет также выразил обеспокоенность по поводу возможных ограничений на создание частных ассоциаций и структур., включая независимые неправительственные организации и правозащитные организации”. Следовательно, “государству-участнику следует обеспечить, чтобы предлагаемый закон о политических партиях соответствовал положениям Пакта. Кроме того, ему следует обеспечить, чтобы осуществление принятого в 1958 году Закона № 93 о частных ассоциациях и институтах полностью соответствовало статьям 22 и 25 Пакта”²⁹³.

Комитет отметил, что ограничения свободы выражения мнения, действующие в Ираке, не только представляют собой нарушение статьи 19 Пакта, но также препятствуют осуществлению статей 21 и 22, защищающих права на свободу мирных собраний и свободу ассоциации. “Поэтому: следует внести поправки в уголовные законы и указы, ограничивающие права на свободу выражения мнения, мирных собраний и ассоциации, с тем чтобы они соответствовали статьям 19, 21 и 22 Пакта”²⁹⁴.

Комитет по правам человека был озабочен трудностями, возникающими в Беларуси в связи с “процедурой регистрации, которой подвергаются негосударственные организации и профсоюзы. Комитет также выразил свою озабоченность сообщениями о случаях запугивания и угроз в адрес активных правозащитников со стороны властей, включая аресты правозащитников и закрытие представительств отдельных неправительственных организаций. В связи с этим Комитет, повторив, что свобода функционирования неправительственных организаций необходима для защиты прав человека и распространения информации по правам человека среди населения, [рекомендовал], чтобы законы, правила и практика управления в области их регистрации и деятельности были без промедления пересмотрены и чтобы условия их создания и свободного функционирования предоставлялись в соответствии со статьей 22 Пакта”²⁹⁵.

Комитет был “глубоко обеспокоен по поводу вмешательства властей [Венесуэлы] в деятельность профсоюзов, включая свободное избрание профсоюзных руководителей, [и рекомендовал] государству-участнику во исполнение статьи 22 Пакта гарантировать профсоюзам возможность свободного осуществления своей деятельности и права выбора деятельности без вмешательства со стороны властей”²⁹⁶. Комитет был также обеспокоен

²⁹³ Документ Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/56/40 (том I), стр. 74, пункт 26.

²⁹⁴ Документ Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/53/40 (том I), стр. 21–22, пункт 105.

²⁹⁵ Там же, стр. 29, пункт 155.

²⁹⁶ Документ Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/56/40 (том I), стр. 48, пункт 27.

существованием в Германии “полного запрета на забастовки государственных служащих, которые при исполнении своих служебных обязанностей не действуют от имени государства и не обеспечивают функционирования жизненно важных служб, что может являться нарушением статьи 22 Пакта”²⁹⁷. Комитет также выразил сожаление по поводу того, что в нарушение статьи 22 Пакта гражданские служащие в Ливане “по-прежнему лишены права образовывать ассоциации и вести коллективные переговоры”²⁹⁸.

4.2.3 Свобода собраний

Отметив заявления государства-участника о том, что в Сирийской Арабской Республике свобода собраний “обеспечивается в полной мере”, Комитет по правам человека по-прежнему выражал беспокойство в связи с ограничениями на проведение публичных собраний и демонстраций, содержащимися в Уголовном кодексе, поскольку они выходят за рамки ограничений, предусмотренных статьей 21²⁹⁹. Не меньшую озабоченность Комитета вызвал и тот факт, что правовые нормы Нидерландских Антильских островов, касающиеся права на мирные собрания, “предусматривают в качестве общего требования наличие предварительного разрешения начальника местного полицейского управления. [Он рекомендовал, чтобы] государство-участник гарантировало, чтобы право на проведение мирных собраний осуществлялось всеми гражданами в строгом соответствии с гарантиями статьи 21 Пакта”³⁰⁰.

Комитет также выразил беспокойство в случае Корейской Народно-Демократической Республики “по поводу ограничений на проведение публичных собраний и манифестаций, включая возможность злоупотреблений при применении предусмотренных законодательством требований относительно порядка проведения собраний. Комитет [просил] государство-участника представить ему дополнительную информацию о порядке проведения публичных собраний и, в частности, указать, в каких ситуациях может быть отказано в проведении публичного собрания и подлежат ли такие решения обжалованию”³⁰¹. Комитет был также обеспокоен тем, что закон Кипра 1958 года, “регулирующий законные собрания и предусматривающий необходимость получения разрешений на проведение общественных собраний, противоречит статье 21 Пакта. В связи с этим Комитет [подчеркнул], что ограничения на свободу собраний должны сводиться лишь к тем, которые считаются необходимыми в соответствии с Пактом”³⁰². Спустя несколько лет Комитет отметил введение в силу нового закона на Кипре, регулирующего проведение публичных собраний и

297 Документ Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/52/40 (том I), р. 30, пункт 188.

298 Там же, стр. 52, пункт 357.

299 Документ Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/56/40 (том I), стр. 73–74, пункт 25.

300 Там же, стр. 81, пункт 20.

301 Там же, стр. 107, пункт 24.

302 Документ Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/49/40 (том I), р. 52, пункт 323.

процессий, и выразил обеспокоенность условиями, которые соответствующие власти могут выдвигать “в отношении проведения собраний и процессий после получения необходимого предварительного уведомления. Комитет также [отметил], что это предварительное уведомление подлежит направлению за слишком большой срок до проведения соответствующего мероприятия и что это может привести к неправомерному ограничению свободы собраний. Комитет [вновь заявил], что ограничения на свободу собраний не могут выходить за рамки того, что соответствует статье 21 Пакта”³⁰³.

Говоря о Монголии, Комитет заметил, что разрешенные в соответствии с законом Монголии ограничения на осуществление определенных прав, гарантированных Пактом, являются “настолько широкими и многочисленными, что они сильно ограничивают эффективное осуществление этих прав”. Так было, например, в случае с “требованием предварительного разрешения на проведение публичных собраний и критериями отказа в проведении таких собраний”. Кроме того, отсутствие адекватных механизмов подачи апелляции на административные решения создает неясность в отношении того, полностью ли осуществляются на практике такие основополагающие права, как свобода ассоциаций, собраний и передвижения³⁰⁴.

Комитет выразил озабоченность “относительно жестких ограничений права свободы собраний” в Беларуси, нарушающих Пакт. Он отметил, в частности, что “заявки на получение разрешений на проведение демонстраций требуется подавать за 15 дней до демонстрации и что на них зачастую власти отвечают отрицательно, а также что Декрет № 5 от 5 марта 1997 года налагает жесткие ограничения на организацию и подготовку демонстраций, устанавливает правила, которые должны соблюдаться демонстрантами, запрещает использование плакатов, знамен и флагов, которые ‘оскорбляют честь и достоинство официальных лиц государственных органов’ или которые ‘направлены на нарушение государственного и общественного порядка, а также прав и законных интересов граждан’. Эти ограничения не могут рассматриваться как необходимые в демократическом обществе для защиты ценностей, обозначенных в статье 21 Пакта. В связи с этим Комитет [рекомендовал], чтобы право на мирные собрания защищалось и гарантировалось в Беларуси законодательно и на практике, а также чтобы его ограничения находились в строгом соответствии со статьей 21 Пакта, а Декрет № 5 от 5 марта 1997 года был, соответственно, отменен либо приведен в соответствие с указанной статьей”³⁰⁵.

Наконец, по мнению Комитета, “полный запрет на демонстрации” в Ливане, оправдываемый правительством соображениями “общественного порядка и национальной безопасности”, несовместим с правом на свободу

303 Документ Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/53/40 (том I), стр. 38, пункт 194.

304 UN doc. GAOR, A/47/40, p. 151, para. 601.

305 Документ Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/53/40 (том I), стр. 31, пункт 154.

собраний в соответствии со статьей 21 Пакта и должен быть в ближайшее время снят³⁰⁶.

Ограничения на осуществление свободы выражения мнения согласно пункту 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах не могут препятствовать полному и эффективному пользованию свободой ассоциаций и свободой мирных собраний, гарантированных статьями 22 и 21 Пакта.

Право на свободу ассоциаций в статье 22 Международного пакта защищает, в частности, право создавать политические партии, профсоюзы и частные ассоциации, такие как неправительственные организации, включая правозащитные организации.

Статья 22 Пакта не дает права государствам-участникам запрещать государственным служащим создавать ассоциации и участвовать в ведении коллективных переговоров. Ограничения в отношении права на свободу ассоциаций должны строго соответствовать условиям, изложенным в пункте 2 статьи 22 Пакта.

Государства-участники также должны обеспечить, чтобы право на мирные собрания было гарантировано при строгом соблюдении условий, изложенных в статье 21 Пакта, и чтобы ограничения на его осуществление не выходили за рамки тех, которые прямо разрешены в Пакте.

Это означает, в частности, что правила, требующие предварительного разрешения на проведение собраний или демонстраций, или любые другие правила и требования, регулирующие проведение публичных собраний или участие в них, должны быть ограничены правилами и требованиями, необходимыми в демократическом обществе для законных целей, перечисленных в статье 21.

Полное запрещение демонстраций по причинам, таким как общественная или государственная безопасность, несовместимо со свободой мирных собраний, гарантированной статьей 21 Международного пакта.

Государства-участники несут правовую обязанность предоставлять действенные средства правовой защиты лицам, которые считают, что была нарушена их свобода ассоциаций или свобода мирных собраний.

³⁰⁶ Документ Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/52/40 (том I), стр. 52, пункт 356.

4.3 Статьи 10 и 11 Африканской хартии прав человека и народов

Пункт 1 статьи 10 Африканской хартии прав человека и народов гарантирует каждому человеку “право на свободу ассоциаций, при условии соблюдения им закона”. Кроме того, пункт 2 статьи 10 предусматривает, что “при условии соблюдения обязательства о солидарности, предусмотренного в статье 29, никто не может быть принужден к вступлению в ассоциацию”. Слова “при условии соблюдения им закона” являются, по общему признанию, расплывчатыми, и, в отличие от положений об ограничениях в соответствующих статьях Международного пакта и Американской и Европейской конвенций, ссылка на “закон” не обусловлена ссылкой на термины “необходимы”, “демократическое общество” или любые конкретные цели, которые только и могут оправдать ограничения на осуществление права на свободу ассоциации.

Неясно, при каких обстоятельствах обязанности личности в отношении его или ее семьи, общества и государства, указанные в статье 29, могут оправдать обязательство вступить в ассоциацию.

Однако пользование “правом свободно собираться с другими людьми”, провозглашенным в статье 11 Хартии, может подлежать “только тем необходимым ограничениям, которые предусматриваются законом, в частности, тем, которые установлены в интересах государственной и общественной безопасности, охраны здоровья и нравственности населения и защиты прав и свобод других лиц”. Таким образом, Хартия дополняет принцип законности (“предусматриваются законом”) принципом соразмерности (“необходимы”), который предоставляет некоторые меры защиты от чрезмерных ограничений. Примечательно, с другой стороны, что, как выражено словами “в частности”, перечисленные в статье 11 законные цели не являются исчерпывающими, и поэтому данное положение открывает простор для юридической неопределенности.

Следует отметить, однако, что в соответствии со статьей 60 Африканской хартии Африканская комиссия по правам человека и народов при толковании терминов Хартии “опирается” на другие международно-правовые стандарты в области прав человека. В некоторых предыдущих главах уже говорилось, что Комиссия часто так и поступала, хотя, как будет показано ниже, когда речь шла об ограничениях на осуществление свободы ассоциации, она соблюдала эти стандарты лишь частично.

4.3.1 Свобода ассоциаций

Свобода ассоциации, защищенная статьей 10 Африканской хартии прав человека и народов, нарушалась в ряде случаев. Африканская комиссия по правам человека и народов постановила, например, что пункт 1 статьи 10 был нарушен в деле *Всемирная организация против пыток и др. против Заира*. Правительство Заира ввело ограничения в отношении ряда

политических партий, разрешив деятельность только тех из них, которые поддерживают правящий режим. “Этим оппозиционным партиям не разрешалось собираться в публичных местах или частным образом, и были свидетельства того, что правительство пыталось путем преследований дестабилизировать эти группы. Помимо этого [было] запрещено создавать правозащитные группы, а уже созданные в некоторых областях правозащитные организации не [могли] вести курсы обучения в области прав человека”. По мнению Комиссии, эти действия правительства представляли собой “прямые нарушения” пункта 1 статьи 10 Африканской хартии³⁰⁷. Комиссия также обнаружила нарушение статьи 10 в деле *Джон Д. Оуко против Кении*. Г-н Оуко был руководителем студенческого профсоюза в Кении, стране, которую он был вынужден покинуть из-за своих политических взглядов, после того как его арестовали и в течение десяти месяцев без суда содержали под стражей. Правительство не опровергло обстоятельства этого дела, и поэтому Комиссия пришла к выводу, что преследование г-на Оуко и его бегство за границу “поставили под серьезную угрозу его шансы на осуществление его права на свободу ассоциации”, гарантированного статьей 10 Хартии³⁰⁸.

Статья 10 также была нарушена в деле, касающемся Нигерийской ассоциации адвокатов. Это сообщение относилось к Совету старейшин, созданному незадолго до этого новому руководящему органу Нигерийской ассоциации адвокатов, в котором преобладали представители правительства. Совет старейшин обладал “широкими дискреционными полномочиями”, включая право “наказывать адвокатов”³⁰⁹. Африканская комиссия постановила, что Нигерийская ассоциация адвокатов, которая “юридически независима от правительства... должна иметь возможность выбирать собственный руководящий орган. Вмешательство в самоуправление Ассоциации адвокатов может ограничить или свести на нет основания, по которым адвокаты стремятся в первую очередь создать свою ассоциацию”³¹⁰. Затем она напомнила о своем твердо установленном принципе, в соответствии с которым

“в тех случаях, когда необходимо регулирование права на свободу ассоциаций, компетентные органы власти не должны принимать положения, ограничивающие осуществление этой свободы или противоречащие обязательствам по Хартии. Компетентные органы власти не должны попираť конституционные положения

³⁰⁷ ACHPR, *World Organization against Torture et Al. v. Zaire*, Communications Nos. 25/89, 47/90, 56/91, 100/93, decision adopted during the 19th session, March 1996, пункт 75 текста, опубликованного на веб-сайте по адресу: www.up.ac.za/chr/ahrdb/acomm_decisions.html. О нарушении статьи 10 Африканской хартии в результате преследования сотрудников правозащитной организации см. также ACHPR, *Huri-Laws (on behalf of Civil Liberties Organization) v. Nigeria*, Communication No. 225/98, decision adopted during the 28th Ordinary session, 23 October – 6 November 2000, пункты 48–49 текста решения, опубликованного на веб-сайте по адресу: <http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/225-98.html>.

³⁰⁸ ACHPR, *John D. Ouko v. Kenya*, Communication No. 232/99, decision adopted during the 28th Ordinary session, 23 October – 6 November 2000, пункт 30 текста решения, опубликованного на веб-сайте по адресу: <http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/232-99.html>.

³⁰⁹ ACHPR, *Civil Liberties Organisation (on behalf of the Nigerian Bar Association) v. Nigeria*, Communication No. 101/93, decision adopted during the 17th Ordinary session, March 1995, пункт 24 текста решения, опубликованного на веб-сайте по адресу: www.up.ac.za/chr/ahrdb/acomm_decisions.html.

³¹⁰ Ibid., loc. cit.

или подрывать основные права, гарантированные конституцией и международными стандартами в области прав человека”³¹¹.

Комиссия пришла к заключению, что вмешательство правительства в управление Нигерийской ассоциацией адвокатов является “несовместимым с преамбулой Африканской хартии, в которой государства подтверждают приверженность принципам прав человека и народов, содержащимся в декларациях, таким как принятые Организацией Объединенных Наций Основные принципы независимости судебных органов”. Поэтому такое вмешательство представляет собой нарушение статьи 10 Хартии³¹².

Наконец, Африканская комиссия установила нарушение статьи 10 в деле, в котором нигерийский суд пришел к заключению, что обвиненные лица были виновны в убийстве по той простой причине, что они являлись членами Движения за выживание народности огони (МОСОП). По мнению Комиссии, “кроме того, есть данные, что правительственные должностные лица на различных этапах судебного процесса объявляли МОСОП и подсудимых виновными в предъявленных обвинениях, не дожидаясь официального приговора”. Это продемонстрировало явное предубеждение в отношении организации МОСОП, для защиты или оправдания которой правительство ничего не предприняло³¹³. Таким образом, имело место нарушение пункта 1 статьи 10³¹⁴.

Согласно статье 10 Африканской хартии прав человека и народов, свобода ассоциации подразумевает, что должно выдаваться разрешение на создание и функционирование политических партий, даже если они не поддерживают правящую партию. Преследование политических партий представляет собой нарушение свободы ассоциации.

Свобода ассоциации согласно статье 10 Африканской хартии также означает, что правозащитные организации должны иметь возможность действовать эффективно, в частности в целях обучения в области прав человека. Свобода ассоциации согласно статье 10 также подразумевает, что ассоциации адвокатов должны иметь возможность свободно функционировать и что не должно быть никакого вмешательства правительства в их самоуправление.

³¹¹ Ibid., para. 25.

³¹² Ibid., para. 26.

³¹³ *International Pen and Others (on behalf of Ken Saro-Wiwa Jr. and Civil Liberties Organization) v. Nigeria, Communications Nos. 137/94, 139/94, 154/96 and 161/97, decision adopted on 31 October 1998*, пункт 108 текста решения, опубликованного на веб-сайте по адресу: http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/137-94_139/94_154-96_161-97.html.

³¹⁴ Ibid., loc. cit.

Ограничения на осуществление права на свободу ассоциации, признанные в статье 10 Африканской хартии, не должны подрывать основные права человека и свободы, гарантированные национальными конституциями или международно-правовыми стандартами.

Признание лица виновным в уголовном преступлении, таком как убийство, только на основании членства этого лица в какой-либо ассоциации является нарушением права на свободу ассоциации, признанного в статье 10 Африканской хартии.

4.4 Статьи 15 и 16 Американской конвенции о правах человека

Статья 15 Американской конвенции гарантирует “право на мирные собрания, без оружия”. Слова “без оружия” представляются излишними, поскольку термин “мирный” непременно подразумевает отсутствие насилия и угрозы насилия, включая ношение оружия, которое может само по себе расцениваться как представляющее угрозу насилия.

“Право свободно объединяться в ассоциации”, гарантированное статьей 16, охватывает все аспекты общества, такие как свобода объединяться в “ассоциации идеологического, религиозного, политического, экономического, профессионального, социального, культурного, спортивного или иного характера”. Как ясно из слов “или иного характера”, это перечисление является просто указателем целей, ради которых каждому должно быть позволено свободно объединяться с другими.

Осуществление как права на мирные собрания, так и права свободно объединяться в ассоциации может подвергаться ограничениям, при условии что они “вводятся в соответствии с законом” (право на собрания) или “устанавливаются законом” (право на объединения) и “необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, публичного спокойствия и порядка или для защиты общественного здоровья и нравственности, или прав и свобод других лиц”³¹⁵. Пункт 3 статьи 16 также не создает препятствий “для введения правовых ограничений, включая даже *лишение* права на объединение для военнослужащих и служащих полиции” (курсив наш).

Статьи 15 и 16 Американской конвенции лежали в основе дела *Баена Рикардо и др. против Панамы*, касавшегося закона № 25 Панамы от 14 декабря 1990 года, на основании которого было уволено 270 рабочих за участие в общенациональной забастовке 5 декабря 1990 года. Оспариваемый закон предоставлял руководителям и директорам автономных и полуавтономных

³¹⁵ Этот перечень законных целей цитируется по статье 16; в статье 15 содержится ссылка скорее на “права или свободы других”, чем на “права *и* свободы других” (курсив наш).

учреждений, а также государственных и муниципальных предприятий, помимо прочего, широкие права увольнять государственных гражданских служащих, принявших участие в организации акций, направленных против демократии и конституционного порядка. Увольнение должно было последовать независимо от того, являлись ли соответствующие лица членами, например, руководящих органов профессиональных союзов и объединений государственных служащих. Именно руководителю для целей административных санкций в виде увольнения принадлежало право решать, какие действия противоречат демократии и конституционному порядку. Рабочие также приняли участие в манифестации в защиту трудовых требований, проходившей 4 декабря 1990 года³¹⁶. Пострадавшие заявляли о нарушениях нескольких статей Американской конвенции, в том числе статей 15 и 16.

Что касается **права на мирные собрания**, то Межамериканский суд согласился с тем, что в деле 270 рабочих, представивших жалобу, Панама не нарушила статью 15. Обжалуемые меры были приняты по причине забастовки 5 декабря 1990 года, которая рассматривалась как нарушение демократии и конституционного порядка, в то время как шествие 4 декабря прошло “без какого-либо вмешательства или ограничений”. По мнению Суда, в уведомлениях об увольнении соответствующих рабочих не упоминалось шествие от 4 декабря 1990 года, но в большинстве из них договор о найме объявлялся расторгнутым, поскольку эти рабочие участвовали в организации или проведении забастовки 5 декабря³¹⁷.

Что касается **свободы ассоциации**, гарантированной статьей 16 Американской конвенции, то Межамериканский суд заметил, в частности, что Закон № 25 не только разрешал увольнение руководителей профсоюза, но и аннулировал права, предоставленные им, согласно Трудовому кодексу, в отношении процедуры, которая должна соблюдаться в случае увольнения рабочих, пользующихся преимуществами принадлежности к профсоюзам. Закон № 25 также вступил в силу ретроактивно, что дало, таким образом, властям возможность игнорировать процедуры, которые нужно было соблюдать в соответствии с законодательством, действовавшим на момент событий. Увольнение в связи с этим значительного числа руководителей профсоюзов “серьезно затронуло” организацию и деятельность соответствующих профсоюзов и, таким образом, нарушило также свободу объединяться в ассоциации профессионального характера³¹⁸. Поэтому Суду предстояло изучить вопрос о том, можно ли оправдать это вмешательство на основании пункта 2 статьи 16 Конвенции.

Вначале Суд напомнил о своих представлениях о понятии “закон”, в соответствии с которыми наличие законов согласно Американской конвенции недостаточно для того, чтобы придать законность ограничениям на пользование правами и свободами и их осуществление; законы должны основываться также на соображениях общего интереса³¹⁹. Далее Суд

³¹⁶ I-A Court HR, *Caso Baena Ricardo y Otros 270 trabajadores v. Panamá, sentencia de 2 de febrero de 2001, Serie C, No. 72*; используемый здесь испанский текст см. на веб-сайте Суда по адресу: www.corteidh.or.cr/serie_c/C_72_ESP.html, paras. 1 and 104.

³¹⁷ Ibid., paras. 148-150.

³¹⁸ Ibid., para. 166.

³¹⁹ Ibid., para. 170.

рассмотрел, в частности, факты, содержащиеся в докладе и рекомендациях, принятых Комитетом по свободе ассоциаций МОТ в деле 1569 (и не оспаривавшихся правительством Панама), согласно которым: 1) Закон № 25 был принят через 15 дней после имевших место фактов, лежащих в основе этого дела; 2) власти не применили существовавшие нормы, касающиеся увольнения рабочих; 3) было совершено вторжение в помещения профсоюза, а его банковские счета были заморожены; и 4) многие из уволенных рабочих являлись руководителями профсоюза³²⁰. На основе вышесказанного Суд пришел к заключению, согласно которому не было доказано, что принятые государством меры были необходимыми для защиты “общественного порядка” в контексте указанных событий или что был соблюден принцип соразмерности. Следовательно, принятые меры не были “необходимыми в демократическом обществе”, как того требует пункт 2 статьи 16 Конвенции, так что в деле 270 поименованных рабочих имело место нарушение статьи 16³²¹.

4.5 Статья 11 Европейской конвенции о правах человека

Право каждого человека “на свободу мирных собраний и на свободу ассоциации” содержится в статье 11 Европейской конвенции, как и “право создавать профсоюзы и вступать в них для защиты своих интересов”. Допускаемые ограничения на осуществление этих прав исчерпывающим образом перечислены в пункте 2 статьи 11; они должны быть “предусмотрены законом” и “необходимы в демократическом обществе” для одной или более целей, указанных в нем. Кроме того, данная статья “не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции и государственного управления”. В отличие от пункта 3 статьи 16 Американской конвенции в пункте 2 статьи 11 Европейской конвенции используется слово “ограничения”, а не “лишение”, что говорит о том, что суть этого права как такового не может быть поставлена под угрозу. С другой стороны, пункт 2 статьи 11 Европейской конвенции идет дальше, поскольку в нем также упоминается в связи с этим “государственное управление”. Несколько примеров из практики Европейского суда по правам человека проиллюстрируют значение терминов статьи 11 Европейской конвенции.

4.5.1 Свобода ассоциаций, создания профсоюзов и системы предприятий, где работают только члены профсоюза

Дело *Янг, Джеймс и Уэбстер против Соединенного Королевства* касалось трех бывших служащих Совета “Бритиш рейлвейз” (“Бритиш рейл”) которые были уволены с работы за то, что не являлись членами одного из трех профсоюзов, с которыми “Бритиш рейл” заключила соглашение о приеме на

³²⁰ Ibid., para. 171.

³²¹ Ibid., paras. 172-173. Суд также заключил, что Панама нарушила принципы законности и запрещения законов ex post facto, изложенные в статье 9, а также в пункте 1 статьи 8, пункте 2 статьи 8, статье 25, пункте 1 статьи 1 и в статье 2 Американской конвенции, para. 214.

работу только членов этих профсоюзов (соглашение “closed shop”), что означало, что с момента заключения данного соглашения членство в одном из этих трех профсоюзов стало условием приема на работу. Заявители утверждали, что указанная система нарушает статью 11 Конвенции. Таким образом, вопрос заключался в том, гарантирует ли статья 11 “не только свободу ассоциации в позитивном смысле, включая право создавать профсоюзы и вступать в них, но и косвенным образом ‘негативное право’ не быть принуждаемым вступать в ассоциацию или профсоюз”³²².

Однако Суд не посчитал необходимым отвечать на этот вопрос в рассматриваемом деле, отметив, что “право создавать профсоюзы и вступать в них является особым аспектом свободы ассоциации [и] что понятие свободы подразумевает некоторую степень свободы выбора в том, что касается ее осуществления”³²³. Воздержавшись, таким образом, от рассмотрения системы “closed shop” как таковой, Суд ограничил свое изучение “последствиями использования этой системы для заявителей”³²⁴. Он отметил, что после заключения соглашения между “Бритиш рейл” и тремя профсоюзами заявители могли выбирать между потерей работы и вступлением в один из профсоюзов, от чего они отказались. “В результате их отказа уступить тому, что они считали неоправданным давлением, они получили уведомления об увольнении. Согласно действовавшему на тот момент законодательству... их увольнение являлось ‘справедливым’ и, следовательно, не могло служить основанием для подачи иска о компенсации, не говоря уже о восстановлении на работе”³²⁵.

Суд заметил, что, исходя из того, что статья 11 не гарантирует негативного аспекта свободы ассоциации на равной основе с позитивным аспектом, принуждение вступить в конкретный профсоюз не всегда может противоречить Конвенции.

“Однако угроза увольнения, приводящая к утрате средств к существованию, является самой серьезной формой принуждения, и в данном случае она была направлена против лиц, нанятых ‘Бритиш рейл’ до введения какого-либо обязательства вступать в конкретный профсоюз.

По мнению Суда, такая форма принуждения в обстоятельствах дела наносит удар по самой сути свободы, гарантированной статьей 11. По одной только этой причине имело место вмешательство в свободу в отношении каждого из этих трех заявителей”³²⁶.

Другой аспект этого дела связан с “ограничением выбора заявителей в отношении профсоюзов, в которые они могли вступить по своей собственной воле”, потому что, как заметил Суд, человек не пользуется правом на свободу ассоциации, если на деле свобода действий или выбора, которая остается для

322 *Eur. Court HR, Case of Young, James and Webster, judgment of 13 August 1981, Series A, No. 44, p. 21, para. 51.*

323 *Ibid.*, p. 21, para. 52.

324 *Ibid.*, p. 22, para. 53.

325 *Ibid.*, p. 22, para. 54.

326 *Ibid.*, pp. 22-23, para. 55.

него доступной, является либо несуществующей, либо настолько урезанной, что не представляет никакой практической ценности³²⁷. Этот вопрос был связан с тем обстоятельством, что г-н Янг и г-н Уэбстер возражали против политики и деятельности профсоюза и что г-н Янг также возражал против политической ориентации двух из этих профсоюзов. Это означало, что, несмотря на свою автономную роль, статья 11 также должна была рассматриваться в настоящем деле в свете статей 9 и 10 Конвенции:

“Защита личного мнения, предоставленная статьями 9 и 10 в виде свободы мысли, совести и религии и свободы выражения своего мнения, является также одной из целей свободы ассоциации, гарантированной статьей 11. Соответственно, оказание давления, подобного тому, которое было применено в отношении заявителей, с целью вынудить кого-либо вступить вопреки его убеждениям в какую-либо ассоциацию, наносит удар по самой сути этой статьи”³²⁸.

Учитывая это, Суд должен был изучить вопрос, могло ли вмешательство в право заявителей на свободу ассоциации быть оправдано как **“необходимое в демократическом обществе”** по любому из оснований, изложенных в пункте 2 статьи 11 Конвенции. В связи с этим он заметил:

“Во-первых, термин ‘необходимый’ в данном контексте не является столь же гибким, как выражения ‘полезный’ или ‘желательный’... Поэтому из одного только факта, что соглашение ‘closed shop’ с ‘Бритиш рейл’, может быть, в целом и дало некоторые преимущества, нельзя делать вывод о необходимости вмешательства, на которое подана жалоба.

Во-вторых, плюрализм, терпимость и широта взглядов являются критериями ‘демократического общества’... Хотя интересы личности должны иногда подчиняться групповым интересам, демократия не означает лишь то, что всегда должно брать верх мнение большинства: следует установить баланс, который обеспечивает справедливое и надлежащее обращение с меньшинствами и исключает любые злоупотребления господствующим положением. Соответственно, тот факт, что точка зрения заявителей была принята очень немногими их коллегами, сам по себе не позволяет Суду сделать окончательный вывод по данному вопросу...

В-третьих, любое ограничение, наложенное на право, предоставленное Конвенцией, должно быть соразмерным преследуемой законной цели”³²⁹.

Суд пришел к заключению, что “даже делая должную скидку на ‘сферу усмотрения’ государства..., обжалуемые ограничения не были ‘необходимыми в демократическом обществе’, как того требует пункт 2 статьи 11”. Он сослался, в частности, на тот факт, что его не информировали о

³²⁷ Ibid., p. 23, para. 56.

³²⁸ Ibid., pp. 23-24, para. 57.

³²⁹ Ibid., p. 25, para. 63 (курсив наш).

каких-либо конкретных причинах, оправдывающих введение системы “closed shop”. Многие подобные системы не требовали от уже работавших сотрудников, которые не являлись членами профсоюза, вступления в конкретный профсоюз, и “даже значительное большинство самих членов профсоюза не были согласны с предложением о том, чтобы лица, которые в силу веских причин отказываются вступать в профсоюз, подлежали увольнению”³³⁰.

Подобный вопрос поднимался в деле *Сигурьонссон против Исландии*, в котором заявитель, таксист, был обязан по закону вступить в организацию под названием “Фрами”, а поскольку он отказался сделать это, его лишили лицензии таксиста. Суд заметил, что “такая форма принуждения в обстоятельствах дела наносит удар по самой сути права, гарантированного статьей 11, и сама по себе равнозначна вмешательству в это право”. Кроме того, это дело должно было быть рассмотрено в свете статей 9 и 10 Конвенции, поскольку заявитель “возражал против членства в упомянутой ассоциации отчасти из-за того, что он был не согласен с ее политикой ограничения числа такси и, следовательно, доступа к этой профессии”³³¹.

Как и в деле *Янга, Джеймса и Уэбстера*, Суд решил, что имело место нарушение статьи 11. Он признал, что обязательное членство “предусмотрено законом” (закон был принят в 1989 году) и что этот закон преследует законную цель, а именно защиту “прав и свобод других лиц”³³². **Однако было ли это “необходимо в демократическом обществе”?** По мнению правительства, это было необходимо; оно утверждало, что “членство в организации представляет собой важную связь между таксистами и ‘Фрами’, поскольку последняя не смогла бы обеспечить те контрольные функции, которые она выполняет, если бы все обладатели лицензии в этом районе не являлись ее членами”³³³.

Прежде всего Суд напомнил, “что оспариваемое обязательное членство предусмотрено законом, нарушение которого могло привести к аннулированию лицензии заявителя. Таким образом, его подвергли своего рода принуждению, которое... является редкостью внутри сообщества договаривающихся государств и которое, на первый взгляд, должно рассматриваться как несовместимое со статьей 11”. Признав, что “Фрами” служит как профессиональным интересам своих членов, так и интересам общества, Суд, однако, не был убежден, “что для выполнения этих функций необходимо было обязательное членство в ‘Фрами’”. В поддержку этого мнения Суд, в частности, заметил, что “членство ни в коем случае не было единственно возможным способом заставить обладателей лицензий выполнять такие обязанности и обязательства, какие могли являться необходимыми”, и что не было установлено, “что существовала какая-либо иная причина, которая помешала бы ‘Фрами’ защищать профессиональные

330 Ibid., pp. 25-26, paras. 64-65.

331 *Eur. Court HR, Case of Sigurdur A. Sigurjynsson v. Iceland, judgment of 30 June 1993, Series A, vol. 264, pp. 16-17, paras. 36-37.*

332 Ibid., p. 17, para. 39.

333 Ibid., p. 18, para. 40.

интересы своих членов в отсутствие обязательного членства, навязанного заявителю вопреки его убеждениям”³³⁴.

Отсюда следует, что причины, приведенные правительством, *хотя их можно было бы считать относящимися к делу*, были *недостаточными* для доказательства “необходимости” обязать заявителя стать членом “Фрами” под угрозой утраты им его лицензии и вопреки его собственным убеждениям. Следовательно, обжалуемые меры являлись “несоразмерными преследуемой законной цели” и нарушили статью 11³³⁵.

Право создавать профсоюзы и вступать в них, признанное статьей 11 Европейской конвенции о правах человека, является особым аспектом свободы ассоциации.

Термин “свобода” подразумевает определенные рамки выбора в том, что касается ее осуществления, но не обязательно означает, что принуждение к вступлению в конкретный профсоюз всегда противоречит Европейской конвенции о правах человека.

Обязанность вступать в конкретный профсоюз под угрозой увольнения, ведущего к утрате средств к существованию, является формой принуждения, которая считается ударом по самой сути свободы ассоциации, гарантированной статьей 11 Европейской конвенции. Чтобы быть законным, такое вмешательство в осуществление лицом свободы ассоциации должно соответствовать ограничениям, изложенным в пункте 2 статьи 11 Конвенции.

Хотя статья 11 является автономной, ее следует рассматривать в свете статей 9 и 10 Конвенции, гарантирующих свободу мысли, совести, религии и выражения мнения. Это означает, что при обеспечении соблюдения осуществления свободы ассоциаций и собраний также уместно гарантировать уважение других основных свобод для каждого.

4.5.2 Профессиональные союзы и коллективные договоры

В деле *Профсоюз машинистов Швеции против Швеции* заявитель-профсоюз подал жалобу на отказ Управления коллективных договоров Швеции заключать с ним коллективные договоры, несмотря на то что оно заключало договоры с крупными федерациями профсоюзов, а иногда и с независимыми профсоюзами; заявитель-профсоюз считал, что этот отказ имел ряд отрицательных последствий и являлся также нарушением статьи 11 Европейской конвенции³³⁶.

³³⁴ Ibid., p. 18, para. 41.

³³⁵ Ibid., pp. 18-19, para. 41 (курсив наш).

³³⁶ Eur. Court HR, *Swedish Engine Drivers' Union Case v. Sweden*, judgment of 6 February 1976, Series A, No. 20, p. 13, para. 32.

Примечательно, что в Конвенции “нигде не проводится четкого различия между функциями договаривающегося государства как обладателя государственной власти и его ответственностью как работодателя”. Статья 11 является, соответственно, “обязательной для ‘государства в качестве работодателя’ независимо от того, каким образом регулируются отношения последнего со своими служащими – публичным или частным правом”³³⁷. Дело *Профсоюза машинистов Швеции* не касается ни права профсоюзов вступать в переговоры о коллективном договоре, ни правоспособности таких профсоюзов заключать коллективные договоры в интересах своих членов, поскольку эти права предоставлены согласно шведскому закону; вместо этого дело ограничилось выяснением, требует ли пункт 1 статьи 11, “чтобы ‘государство в качестве работодателя’ заключало какой-либо отдельный коллективный договор с профсоюзом, представляющим определенную часть его служащих, когда стороны договорятся по существу обсуждаемых вопросов”³³⁸.

Далее, Суд указал, что пункт 1 статьи 11 “предоставляет свободу профсоюзов как одну из форм или особый аспект свободы ассоциации”, но “не гарантирует ни профсоюзам, ни его членам какого-либо особого отношения со стороны государства, например права на заключение государством с ними какого-либо коллективного договора”. Кроме того, свободы профсоюзов рассматриваются в пункте 2 статьи 6 Европейской социальной хартии, которая “подтверждает добровольный характер коллективных переговоров и коллективных договоров. Сдержанность используемых в пункте 2 статьи 6 формулировок свидетельствует о том, что Хартия не предусматривает реального права на заключение любого такого соглашения, даже если допустить, что переговоры не выявят расхождения во мнениях по подлежащему урегулированию вопросу”³³⁹.

Что касается выражения “для защиты своих интересов”, содержащегося в пункте 1 статьи 11 Европейской конвенции, Суд заявил, что:

“Ясно обозначая цель, эти слова показывают, что Конвенция гарантирует свободу защищать профессиональные интересы членов профсоюза путем коллективных действий профсоюзов, которые государства-участники должны разрешать и делать возможным их проведение. По мнению Суда, из этого следует, что члены профсоюза для защиты своих интересов имеют право на то, чтобы мнение профсоюза было выслушано. Но пункт 1 статьи 11, несомненно, оставляет каждому государству свободу выбора средств для достижения этой цели. Заключение коллективных договоров является одним из этих средств, но имеются и другие средства. Согласно Конвенции, требуется, чтобы внутригосударственное право, не вступая в противоречие со статьей 11, давало профсоюзам возможность бороться за защиту интересов своих членов”³⁴⁰.

337 Ibid., p. 14, para 37.

338 Ibid., pp. 14-15, paras. 38-39.

339 Ibid., p. 15, para. 39.

340 Ibid., pp. 15-16, para. 40.

Никто не оспаривает того факта, что Профсоюз машинистов Швеции может “предпринимать различные действия в отношении правительства”. Суд решил, что один только факт, что Управление коллективных договоров в течение последних нескольких лет в принципе отказывалось заключать коллективный договор с профсоюзом-заявителем, не представлял собой нарушения пункта 1 статьи 11. Наконец, политика Управления по ограничению количества организаций, с которыми планировалось заключить коллективные договоры, “сама по себе не была несовместима со свободой профсоюза”³⁴¹.

Государства – участники Европейской конвенции о правах человека должны также уважать свободу ассоциации, как она изложена в пункте 1 статьи 11, когда они действуют в качестве работодателей, независимо от того, каким образом регулируются их отношения со служащими – публичным или частным правом.

Конвенция требует, чтобы согласно внутригосударственному праву профсоюзы имели возможность в условиях, не противоречащих положениям статьи 11, бороться за защиту интересов своих членов. Это означает, что профсоюзы должны быть выслушаны, хотя государства-участники имеют свободу выбора средств для достижения этой цели.

Заключение коллективных договоров является одним из нескольких средств, дающих профсоюзам возможность быть услышанными. Ограничение государством в качестве работодателя заключения коллективных договоров определенным числом профсоюзов, при условии что все профсоюзы имеют возможность бороться за защиту интересов своих членов в соответствии со статьей 11, не является несовместимым со свободами профсоюзов, гарантированными статьей 11 Европейской конвенции.

4.5.3 Свобода ассоциаций и политические партии

За последние годы Европейским судом по правам человека согласно статье 11 Европейской конвенции рассматривалось несколько важных дел, связанных с роспуском политических партий. Выбранные примеры иллюстрируют объем и ограничения права на создание политических партий на европейском уровне.

Наиболее показательным в этом отношении является дело *Объединенная коммунистическая партия Турции и др. против Турции*, которое касалось роспуска Конституционным судом Турции Объединенной

³⁴¹ Ibid., p. 16, paras. 41-42. О подобном случае см. *Eur. Court HR, National Union of Belgian Police Case, judgment of 27 October 1975, Series A, No. 19.*

коммунистической партии (ОКПТ), повлекшего за собой, *ipso jure*, конфискацию и передачу ее имущества в казначейство.

Конституционный суд Турции, в частности, постановил, что “сам факт, что политическая партия включила в свое название слово, запрещенное пунктом 3 раздела 96 Закона № 2820” о регулировании политических партий, а именно слово “коммунистическая”, был достаточным, чтобы оправдать ее роспуск. Кроме того, в уставе и программе партии упоминались две нации – курдская и турецкая. “Но нельзя согласиться с тем, что в Турецкой Республике, граждане которой, вне зависимости от этнического происхождения, имеют турецкое гражданство, существуют две нации. Фактически предложения в уставе партии, включающие поддержку языков и культур, помимо турецких, были направлены на создание меньшинств в ущерб единству турецкой нации”. Эти цели, “поддерживающие сепаратизм и разделение турецкой нации, являлись неприемлемыми и оправдывали роспуск упомянутой партии”³⁴².

В ответ на заявление правительства Турции о том, что упоминание о профсоюзах в статье 11 неприменимо к политическим партиям, Европейский суд по правам человека подчеркнул, что это упоминание применимо и что “предлог ‘включая’ ясно показывает, что профсоюзы являются всего лишь одной из форм, в которых может быть осуществлено право на свободу ассоциации”. Еще более убедительным, чем формулировка статьи 11, был, по мнению Суда,

“тот факт, что политические партии являются одной из форм ассоциаций, необходимых для надлежащего функционирования демократии. Ввиду значения демократии в системе Конвенции... не может быть никакого сомнения в том, что политические партии входят в сферу действия статьи 11”³⁴³.

В ответ на новые аргументы правительства Суд, в частности, заявил, что “ассоциация, в том числе политическая партия, не может быть лишена защиты, предоставляемой Конвенцией, лишь потому, что ее действия расцениваются национальными органами власти как подрывающие конституционные основы государства и требующие применения ограничений”³⁴⁴. “Однако из этого не следует [из статьи 11], что органы власти государства, в котором ассоциация путем своих действий угрожает институтам этого государства, лишены права защищать эти институты”. По мнению Суда, “некоторый компромисс между требованиями защиты демократического общества и правами личности являются неотъемлемой частью системы Конвенции”. Однако для достижения компромисса такого рода любое вмешательство властей должно происходить в соответствии с пунктом 2 статьи 11³⁴⁵.

³⁴² *Eur. Court HR, Case of the United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey, judgment of 30 January 1998, Reports 1998-I, pp. 9-10, para. 10.*

³⁴³ *Ibid.*, pp. 16-17, paras. 24-25.

³⁴⁴ *Ibid.*, p. 17, para. 27.

³⁴⁵ *Ibid.*, p. 18, para. 32.

Далее Суд признал, что роспуск ОКПТ по смыслу пункта 1 статьи 11 Европейской конвенции представляет собой **вмешательство в право на свободу ассоциации** в отношении всех трех заявителей, а именно самой партии и двух из ее основателей и руководителей, которым было запрещено занимать подобные посты в любой другой политической партии³⁴⁶. Изучая вопрос о том, можно ли оправдать это вмешательство согласно пункту 2 статьи 11 Конвенции, Суд признал, что **это вмешательство “предусмотрено законом”**, а именно различными положениями Конституции Турции и вышеупомянутым Законом № 2820. Он также счел, что роспуск ОКПТ **“преследует, по крайней мере одну из ‘законных целей’, изложенных в статье 11: защита ‘национальной безопасности’”**³⁴⁷. Решая последний вопрос, было ли это вмешательство также **“необходимым в демократическом обществе”**, Суд синтезировал и расширил свои общие принципы, касающиеся концепции “демократического общества”. Учитывая ее важность на европейском уровне, эти принципы цитируются in extensor:

“42. Суд напоминает, что, несмотря на ее автономную роль и особую сферу применения, статья 11 должна также рассматриваться в свете статьи 10. Защита мнений и свободы выражать их – одна из целей свободы собраний и свободы ассоциации, как провозглашено в статье 11...”

43. Это в еще большей степени относится к политическим партиям ввиду их существенной роли в обеспечении плюрализма и успешного функционирования демократии...

Суд неоднократно подчеркивал, что не может быть демократии без плюрализма. Именно по этой причине свобода выражения мнения, закрепленная в статье 10, применима, при условии соблюдения пункта 2, не только к ‘информации’ или ‘идеям’, которые встречают благожелательный прием или расцениваются как безобидные либо маловажные, но также и тем, которые оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство... Поскольку деятельность политических партий является коллективной реализацией свободы выражения мнений, уже сам этот факт дает партиям право искать защиту в статьях 10 и 11 Конвенции.

44. В решении по делу *Информационсферайн Лентия и др. против Австрии* Суд охарактеризовал государство как высшего гаранта принципа плюрализма... В политической сфере эта ответственность означает, что государство несет, среди прочих, обязательство проводить, в соответствии со статьей 3 Протокола № 1, свободные выборы через разумные промежутки времени путем тайного голосования при условиях, которые дадут возможность свободного волеизъявления народа при выборе законодательной власти. Такое выражение мнения немыслимо без участия множества политических партий, представляющих различные оттенки мнений населения страны. Транслируя этот спектр мнений, существующий не только внутри политических

³⁴⁶ Ibid., p. 19, para. 36.

³⁴⁷ Ibid., pp. 19-20, paras. 38-41 (курсив наш).

институтов, но также – с помощью средств массовой информации – на всех уровнях социальной жизни, политические партии вносят незаменимый вклад в политические дискуссии, что является самой сутью концепции демократического общества...

Несомненно, демократия является основополагающей характерной особенностью европейского общественного порядка...

Это видно, во-первых, из преамбулы к Конвенции, в которой устанавливается очень четкая связь между Конвенцией и демократией и в которой утверждается, что поддержание и дальнейшее соблюдение прав человека и основных свобод наилучшим образом обеспечивается, с одной стороны, подлинно демократическим политическим режимом, и, с другой стороны, всеобщим пониманием и соблюдением прав человека... В преамбуле далее утверждается, что европейские страны имеют общее наследие политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права. Суд заметил, что в этом общем наследии содержатся ценности, лежащие в основе ценности Конвенции... он неоднократно подчеркивал, что Конвенция предназначена поддерживать и продвигать идеалы и ценности демократического общества...

Помимо этого согласно статьям 8, 9, 10 и 11 Конвенции мерилom вмешательства в осуществление прав, которые они провозглашают, должна быть его 'необходимость в демократическом обществе'. Таким образом, оправдать необходимость вмешательства в одно из этих прав можно только требованием, исходящим от 'демократического общества'. Следовательно, демократия представляется единственной политической моделью, предусмотренной Конвенцией, и, соответственно, единственной моделью, совместимой с ней.

Суд определил некоторые положения Конвенции как характерные для демократического общества. Так, в своем самом первом решении он постановил, что в "демократическом обществе по смыслу преамбулы и других положений Конвенции" разбирательства в суде должны проводиться в присутствии сторон и публично и что этот основополагающий принцип подтвержден в статье 6 Конвенции... В более близкой к настоящему делу области Суд неоднократно заявлял, например, что свобода выражения мнения представляет собой одну из важных основ демократического общества и одно из основополагающих условий для его прогресса и самореализации каждого человека... а в решении по делу *Матье-Мозн и Клеффейт*... он отметил важнейшее значение статьи 3 Протокола № 1, которая содержит характерный принцип эффективной политической демократии...

46. Следовательно, исключения, изложенные в статье 11, в отношении политических партий должны подвергаться точному толкованию; только убедительные и веские причины могут оправдывать ограничения на свободу ассоциации таких партий.

Определяя, существует ли необходимость ограничений по смыслу пункта 2 статьи 11, государства-участники обладают лишь ограниченной свободой принятия решений, реализуемой в условиях строгого контроля со стороны европейских органов, который охватывает как правовые нормы, так и решения по их применению, включая те, которые выносят независимые суды. Суд уже выносил постановление, что такое рассмотрение было необходимо в деле, касавшемся члена парламента, который был обвинен в распространении оскорблений... контроль тем более необходим, когда распускается целая политическая партия и ее руководителям запрещается заниматься в будущем подобной деятельностью.

47. Когда Суд проводит свое рассмотрение, в его задачу входит не подмена мнения соответствующих национальных органов власти своим собственным мнением, а скорее рассмотрение в соответствии со статьей 11 тех решений, которые они вынесли при осуществлении своих дискреционных полномочий. Это не означает, что он должен ограничиться установлением того, действовало ли государство-ответчик при осуществлении своих дискреционных полномочий разумно, тщательно и добросовестно; он должен смотреть на обжалуемое вмешательство в свете данного дела в целом и решить, 'соразмерно ли оно преследуемой законной цели' и являются ли приведенные национальными органами власти доводы для оправдания вмешательства 'обоснованными и достаточными'. Поступая таким образом, Суд должен убедиться в том, что национальные органы власти применили стандарты, которые соответствуют принципам, содержащимся в статье 11, и, более того, что они основывали свои решения на приемлемой оценке относящихся к делу фактов"³⁴⁸.

Затем Суд применил эти принципы к делу *Объединенной коммунистической партии Турции и др.* Он отметил, что, поскольку решение о роспуске этой партии было принято до того, как она смогла начать свою деятельность, **оно основывалось исключительно на ее уставе и программе**, в которых не содержалось "ничего, позволявшего предположить, что они не отражали истинные цели партии и намерения ее руководителей". Подобно Конституционному суду Европейский суд в связи с этим принял данные документы "как основу для оценки того, являлось ли указанное вмешательство необходимым"³⁴⁹.

Что касается **первого основания, на которое ссылался Конституционный суд в пользу роспуска**, а именно, что ОКПТ включила слово "коммунистическая" в свое название, Европейский суд посчитал, "что выбор названия политической партии в принципе не может оправдать такую радикальную меру, как роспуск, в отсутствие других относящихся к делу и достаточных обстоятельств. В связи с этим следует отметить, во-первых, что... положения Уголовного кодекса, которые криминализируют осуществление политической деятельности, вдохновляемой, в частности, коммунистической идеологией, были отменены Законом № 3713 о

³⁴⁸ Ibid., pp. 20-22, paras. 42-47.

³⁴⁹ Ibid., p. 25, para. 51.

предотвращении терроризма. Суд также [придал] большое значение решению Конституционного суда о том, что *ОКПТ*, несмотря на свое название, не пыталась установить господство одного класса над другими, и что, напротив, она отвечает требованиям демократии, в том числе политического плюрализма, всеобщего избирательного права и свободы принимать участие в политической деятельности”. Соответственно, “при отсутствии каких-либо конкретных доказательств, свидетельствующих о том, что, выбрав себе название ‘коммунистическая’, *ОКПТ* избрала политический курс, представляющий реальную угрозу турецкому обществу или турецкому государству, Суд [не мог] признать, что представление, основанное на названии партии, само по себе влечет за собой роспуск партии”³⁵⁰.

Что касается **второго представления, принятого Конституционным судом в поддержку роспуска ОКПТ**, а именно, что она “стремилась поощрять сепаратизм и разделение турецкой нации”, Европейский суд заметил, что, хотя в своей программе партия упоминает “курдский ‘народ’ и ‘нацию’ и курдских ‘граждан’”, она никогда не называла их “меньшинством” и не выдвигала никаких требований, “кроме признания их существования, – особого отношения или особых прав для курдов, не говоря уже о праве на отделение от остального турецкого населения. Напротив, в их программе [утверждается]: ‘ОКПТ будет бороться за мирное, демократическое и справедливое решение курдской проблемы, так, чтобы курдский и турецкий народы могли жить вместе добровольно в пределах границ Турецкой Республики, на основе равных прав и с целью демократической реструктуризации, основанной на их общих интересах’”. “*ОКПТ* также провозгласила в своей программе: ‘Решение курдской проблемы будет найдено только в том случае, если заинтересованные стороны смогут свободно выражать свои мнения, если они согласны не прибегать к насилию в любых формах для разрешения этой проблемы и если они способны принять участие в политической деятельности, сохранив свою национальную идентичность’”³⁵¹.

Европейский суд далее заявил, что он считает одной из основных характерных черт демократии

“возможность, которую она открывает для решения проблем страны через диалог, не прибегая к насилию, даже тогда, когда они вызывают раздражение. Демократия процветает в условиях свободы выражения мнений. С этой точки зрения не может быть оправдания созданию препятствий политической группе исключительно потому, что она стремится обсуждать публично ситуацию, затрагивающую часть населения государства, и участвовать в политической жизни страны, чтобы, руководствуясь демократическими правилами, найти решения, способные удовлетворить каждого заинтересованного человека. Если судить по ее программе, это действительно является целью *ОКПТ* в данной области”³⁵².

350 Ibid., p. 26, para. 54.

351 Ibid., pp. 26-27, paras. 55-56.

352 Ibid., p. 27, para. 57.

Хотя нельзя было исключать того, “что политическая программа партии может скрывать цели и намерения, отличные от тех, которые она провозглашает”, этот вопрос нельзя было проверить в деле, находящемся на рассмотрении Суда, поскольку указанная партия не вела деятельности, а была распущена сразу после создания. “Таким образом, она была наказана за поведение, относящееся исключительно к осуществлению права на свободу выражения своего мнения”³⁵³.

Хотя Суд был в конце концов также “готов принять во внимание исходную ситуацию в стране в связи с представленными на его рассмотрение делами, особенно трудности, связанные с борьбой против терроризма... он [не нашел] доказательств, которые дали бы ему возможность заключить, что при отсутствии какой бы то ни было деятельности *ОКПТ* эта партия несет какую-либо ответственность за проблемы, которые терроризм создает в Турции”³⁵⁴.

Отсюда следует, что “такая радикальная мера, как немедленный и окончательный роспуск *ОКПТ*, принятая еще даже до того, как началась какая-либо деятельность, вкуче с запрещением ее руководителям занимать какие-либо другие политические посты, [была] несоразмерной преследуемой цели и, следовательно, не необходимой в демократическом обществе”³⁵⁵. Таким образом, Суд, заседая в полном составе, *единогласно* постановил, что имело место нарушение статьи 11 Европейской конвенции³⁵⁶.

Общие принципы, примененные в деле *Объединенной коммунистической партии Турции*, были впоследствии подтверждены в других подобных делах, таких как дело *Социалистическая партия и др. против Турции*. Эта партия (СП) также была распущена решением Конституционного суда и ее руководителям было запрещено занимать подобные посты в каких-либо других политических партиях. Ее имущество было также конфисковано и передано в казначейство³⁵⁷. Однако в отличие от вышеуказанного дела *решение Конституционного суда было основано только на политической деятельности СП, а не на ее уставе или программе*. Конституционный суд, в частности, отметил, что, проводя различие между двумя нациями – курдами и турками, выступая в пользу федерации в ущерб единству турецкой нации и территориальной целостности государства, цель СП была “аналогична цели террористических организаций”. Поскольку она “поддерживала сепаратизм и восстание, ее роспуск был оправдан”³⁵⁸.

353 Ibid., p. 27, para. 57.

354 Ibid., p. 27, para. 59.

355 Ibid., pp. 27-28, para. 61.

356 Ibid., p. 31 в совокупности с p. 5.

357 *Eur. Court HR, Case of the Socialist Party and Others v. Turkey, judgment of 25 May 1998, Reports 1998-III, p. 1250, para. 24, and p. 1258, para. 51.*

358 Ibid., p. 1256, para. 43.

В связи с этим Европейский суд должен был рассмотреть заявления СП и затем определить, был ли оправдан ее роспуск. Иными словами, он должен был убедиться в том, “что национальные органы власти основывались в своих решениях на приемлемой оценке относящихся к делу фактов”³⁵⁹.

Суд проанализировал относящиеся к делу заявления и не обнаружил в них ничего, что могло бы рассматриваться как “призыв к применению насилия, восстанию или любой другой форме отказа от демократических принципов”, скорее напротив. Что касается различия, проведенного между двумя нациями – курдской и турецкой, Суд отметил, что в “этих заявлениях выдвигалась политическая программа, основной целью которой было учреждение в соответствии с демократическими принципами федеральной системы, в которой турки и курды имели бы равное представительство на добровольной основе”. Что касается ссылок на “самоопределение” и на право курдской нации на “отделение”, Суд, в частности, заметил, что “эти слова, употребленные в контексте заявлений, не поощряли отделение от Турции, а [выражали стремление] скорее подчеркнуть, что предлагаемая федеральная система не может возникнуть без свободно выраженного согласия курдов через референдум”³⁶⁰. Наряду с тем,

“тот факт, что такая политическая программа считается несовместимой с существующими принципами и структурами турецкого государства, не делает ее несовместимой с принципами демократии. Сущность демократии в том, чтобы позволить выдвигать и обсуждать разнообразные политические программы, причем даже те, в которых подвергается сомнению способ организации государства в настоящее время, при условии что они не наносят ущерба самой демократии”³⁶¹.

Кроме того, в отсутствие конкретных действий, отрицающих искренность этих заявлений, не следует подвергать сомнению их искренность. По мнению Европейского суда, “СП была, таким образом, наказана за поведение, относящееся исключительно к осуществлению права на свободу выражения своего мнения”³⁶².

Подчеркивая “весьма важную роль политических партий в надлежащем функционировании демократии”, Суд заявил, что исключения, изложенные в статье 11, в отношении политических партий должны подвергаться точному толкованию. Применяя соответственно “строгий контроль европейских органов”, Суд постановил, что радикальные меры, такие как принятые в рассматриваемом им деле, “**могут применяться только в наиболее серьезных случаях**”³⁶³. Но ему не показалось, что оспариваемые заявления руководителя партии “подвергали сомнению необходимость соблюдения демократических принципов и правил”, также не было установлено, “как рассматриваемые утверждения, автор которых заявил

359 Ibid, p. 1256, para. 44.

360 Ibid., pp. 1256-1257, paras. 46-47.

361 Ibid., p. 1257, para. 47.

362 Ibid., pp. 1257-1258, para. 48.

363 Ibid., p. 1258, paras. 50-51 (курсив наш).

о приверженности демократии и неприятию насилия, могут быть ответственны за проблемы, создаваемые терроризмом в Турции”³⁶⁴. Отсюда следует, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции, поскольку “решение о роспуске СП было несоразмерно преследуемой цели и, следовательно, не было необходимым в демократическом обществе”³⁶⁵. Это решение было принято Судом, заседавшим в *полном составе, единогласно*³⁶⁶.

Примечательно, что в обоих предыдущих случаях Суд также считал, что не было необходимости обращаться к статье 17 Конвенции, как предлагало правительство. Это объяснялось тем, что не было оснований для вывода о том, что со ссылкой на Конвенцию совершались какие-либо действия, направленные на ликвидацию любых прав и свобод, изложенных в ней³⁶⁷.

Однако результат был иным в деле *Рефах Партизи (Партия благоденствия) и др. против Турции*, касавшемся роспуска *Рефах* и запрещения ее руководителям занимать посты в любой другой политической партии. *Это дело является важным, поскольку стало ясно, что политическая партия, которая намерена ввести плюрализм правовых систем, которая не принимает немедленных решений против членов партии, призывающих к применению силы в качестве политического оружия, и которая демонстрирует неуважение к политическим оппонентам, не может рассчитывать на защиту со стороны системы Конвенции.*

Изучая вопрос о том, могла ли быть оправдана эта мера согласно пункту 2 статьи 11 Конвенции, Европейский суд признал, что она была “предусмотрена законом” (Конституция и Закон № 2820 о регулировании политических партий). Ввиду “значения принципа светскости для демократической системы в Турции” Суд также счел, “что *роспуск Рефах преследует ряд законных целей, перечисленных в статье 11, а именно защита национальной безопасности и общественного порядка, предотвращение беспорядков и преступлений и защита прав и свобод других лиц*”³⁶⁸.

364 Ibid., pp. 1258-1259, para. 52.

365 Ibid., p. 1259, para. 54.

366 Ibid., p. 1262, в совокупности с p. 1236.

367 Ibid., p. 1259, para. 53, and *Eur. Court HR, Case of the United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey, judgment of 30 January 1998, Reports 1998-I*, p. 27; para. 60. Другие дела, где поднимаются аналогичные вопросы в отношении Турции, см. *Eur. Court HR, Case of Freedom and Democracy Party (ÖZDEP) v. Turkey, judgment of 8 December 1999, Reports 1999-VIII*, p. 293 и *Eur. Court HR, Case of Yazar, Karatas, Aksoy and the People's Labour Party (HEP) v. Turkey, judgment of 9 April 2002*; текст решения см. на веб-сайте Суда по адресу: <http://hudoc.echr.coe.int/hudoc>. Статья 11 также была нарушена в этих двух делах. Статья 17 Конвенции гласит: “Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на невыполнение любых прав и свобод, изложенных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей степени, чем это предусматривается в Конвенции”. Подобные положения содержатся в пункте 1 статьи 5 Международного пакта о гражданских и политических правах и статье 29 а) Американской конвенции о правах человека.

368 *Eur. Court HR, Case of Refah Partisi (Prosperity Party) and Others v. Turkey, judgment of 31 July 2001*; использованный текст представляет собой неотредактированный вариант, размещенный на веб-сайте Суда по адресу: <http://hudoc.echr.coe.int/>, пункты 39 и 42 (курсив наш).

Что касается понятия “**необходимый в демократическом обществе**”, Суд обратил внимание на следующие общие принципы, в соответствии с которыми он подробнее изложил свои взгляды на роль демократии и верховенство права в системе защиты прав человека:

“43. Европейскую конвенцию о правах человека нужно понимать и толковать как единое целое. Права человека образуют комплексную систему защиты человеческого достоинства; в связи с этим демократия и верховенство права должны играть ключевую роль.

Демократия требует, чтобы народу была отведена определенная роль. Только институты, созданные народом и для народа, могут быть наделены правами и полномочиями государства; статутное право должно толковаться и применяться независимой судебной властью. Не может быть демократии там, где народ в государстве, даже по решению большинства, отказывается от своих законодательных и судебных полномочий в пользу органа, не несущего ответственности перед народом, которым он управляет, независимо от того, является ли он светским или религиозным.

Верховенство права означает, что все люди равны перед законом как в своих правах, так и в своих обязанностях. Однако законодательство должно учитывать различия, при условии что различия между людьми и ситуациями имеют объективное и обоснованное оправдание, преследуют законную цель и соразмерны и совместимы с принципами, которые обычно утверждаются демократическими обществами. Но о верховенстве права нельзя говорить, что оно существует в светском обществе, если группы лиц подвергаются дискриминации только на том основании, что они принадлежат к другому полу или имеют другие политические или религиозные взгляды. Верховенство права не может быть утверждено там, где для таких групп создаются совершенно иные правовые системы”³⁶⁹.

Ссылаясь на свое решение в деле *Объединенной коммунистической партии Турции*, Суд подтвердил свое мнение о том, что “демократия, без сомнения, является одной из основных черт ‘европейского общественного порядка’” и что “одной из основных характерных черт демократии [является] возможность, которую она открывает для решения проблем страны через диалог, не прибегая к насилию, даже когда они вызывают раздражение”³⁷⁰. В связи с этим он придерживается мнения, что

“политическая партия может вести кампанию за изменение в правовой или юридической и конституционной основе государства при двух условиях: 1) средства, применяемые для достижения этой цели, должны быть во всех отношениях легальными и демократическими; 2) предлагаемое изменение должно быть совместимым с основными демократическими принципами. Из этого неизбежно следует, что политическая партия, чьи руководители

³⁶⁹ Ibid., para. 43.

³⁷⁰ Ibid., paras. 45-46.

подстрекают к применению насилия или предлагают политику, которая не соответствует одному или более правилам демократии или направлена на разрушение демократии и нарушение прав и свобод, предоставленных при демократии, не может претендовать на защиту Конвенции от санкций, наложенных на этих основаниях”³⁷¹.

Суд также вновь повторил, что право на свободу мысли, совести и религии в статье 9 Конвенции является “одним из столпов ‘демократического общества’ по смыслу Конвенции”. Он добавил, что “в демократических обществах, где одна группа населения исповедует несколько религий, может быть необходимым наложить ограничения на эту свободу, чтобы примирить интересы различных групп и обеспечить уважение убеждения каждого... Роль государства в качестве нейтрального и беспристрастного организатора исповедования различных религий, религиозных верований и убеждений способствует гармонии религий и терпимости в демократическом обществе”³⁷². Чтобы проиллюстрировать это мнение, Суд напомнил о своей практике, в соответствии с которой

“в демократическом обществе свобода исповедовать религию может быть ограничена, для того чтобы гарантировать нейтральность системы образования, – задача, решение которой вносит вклад в защиту прав других лиц, порядка и общественной безопасности... Аналогичным образом, меры, принимаемые в светских высших учебных заведениях с целью обеспечения того, чтобы определенные фундаменталистские религиозные движения не нарушали общественного порядка и не подрывали убеждений других лиц, не представляют собой нарушения статьи 9... Суд также решил, что запрещение мусульманскому оппоненту алжирского правительства вести пропаганду на территории Швейцарии было необходимо для защиты национальной безопасности и общественного спокойствия в демократическом обществе”³⁷³.

Что касается ситуации в Турции, Суд подтвердил, что “принцип светскости... несомненно, является одним из основополагающих принципов государства, находящегося в гармонии с верховенством права и уважением прав человека. Поведение любого человека, который не уважает этот принцип, не может приниматься как свобода исповедовать религию и не защищается статьей 9 Конвенции”³⁷⁴.

Что касается конкретного дела *Рефах*, правительство заявило, что роспуск этой партии “являлся превентивной мерой с целью защиты демократии”, поскольку эта партия “придерживалась ‘действительно агрессивного и воинственного подхода к установившемуся порядку’ и предпринимала ‘согласованную попытку помешать ему функционировать надлежащим образом’, с тем чтобы она могла бы тогда уничтожить его”³⁷⁵.

371 Ibid., para. 47.

372 Ibid., paras. 49-51.

373 Ibid., paras. 49-51.

374 Ibid., para. 52.

375 Ibid., para. 63.

Заявители, со своей стороны, отрицали, что они оспаривали “жизненно важное значение принципа светскости” для Турции. Эта партия “на законных основаниях находилась у власти... с июня 1996 года по июль 1997 года. Второй заявитель... являлся премьер-министром в течение того же периода”³⁷⁶.

Анализируя *необходимость* роспуска *Рефах*, Европейский суд отметил, что стороны в этом деле согласились, “что сохранение светскости является необходимым для защиты демократической системы в Турции. Однако они были *не* согласны с содержанием, толкованием и применением принципа светскости”³⁷⁷. Как и в деле *Социалистической партии и др.*, Суд основывал свой анализ на декларациях и политических заявлениях председателя *Рефах* и ее руководителей, а не на уставе и программе этой партии. Эти заявления, которые были сочтены Конституционным судом нарушающими принцип светскости, делятся на следующие три категории:

- ❖ “заявления, показывавшие, что *Рефах* намеревается установить плюрализм правовых систем, вводя дискриминацию на основании веры”;
- ❖ “заявления, показывавшие, что *Рефах* намерена применять шариат в мусульманской общине”; и
- ❖ “заявления, которые основывались на упоминаниях членами *Рефах* джихада (священной войны) как политического метода”³⁷⁸.

Что касается *первой* категории, Суд согласился с правительством, что “предложение *Рефах* о том, что должен существовать плюрализм правовых систем, внесет во все правовые взаимоотношения различие между людьми, основанное на религии, распределит всех согласно их религиозным убеждениям и предоставит им права и свободы не как личностям, а в соответствии с их принадлежностью к религиозному движению. Суд [выразил] мнение, что такая модель общества не может считаться совместимой с системой Конвенции в силу двух причин”.

“Во-первых, это покончит с ролью государства в качестве гаранта прав и свобод человека и беспристрастного организатора исповедования различных верований и религий в демократическом обществе, поскольку это обяжет людей подчиняться не выработанным государством правилам, предназначенным для осуществления его вышеупомянутых функций, а закостеневшим нормам права, введенным соответствующей религией. Но государство несет позитивное обязательство обеспечить, чтобы каждый человек, находящийся под его юрисдикцией, пользовался в полной мере правами и свободами, гарантированными Конвенцией, *не будучи в состоянии отказаться от них...*”

376 Ibid., paras. 54-55.

377 Ibid., para. 65 (курсив наш).

378 Ibid., para. 68.

Во-вторых, такая система, несомненно, нарушит принцип недискриминации между людьми в отношении пользования ими общественными свободами, что является одним из основополагающих принципов демократии. Разница в обращении с людьми во всех областях публичного и частного права в соответствии с их религией или верованиями явно не может быть оправдана согласно Конвенции, и особенно ее статье 14, которая запрещает дискриминацию. Такое различие в обращении не может сохранять справедливое равновесие между претензиями определенных религиозных групп, которые хотят жить по своим собственным правилам, с одной стороны, и интересами общества в целом, которое должно основываться на мире и терпимости между различными религиями и верованиями – с другой”³⁷⁹.

Что касается *второй* категории заявлений, а именно касающихся введения шариата, исламского права, в качестве обычного права и права, применимого к мусульманской общине, Суд счел, что:

“шариат, который точно отражает догмы и божественные предписания, установленные религией, стабилен и неизменен. В нем нет места таким принципам, как плюрализм в политической сфере или постоянное развитие общественных свобод. Суд отмечает, что в совокупности оскорбительные заявления, содержащие прямое упоминание о введении шариата, трудно примирить с основополагающими принципами демократии, установленными в Конвенции в целом. Трудно заявлять об уважении к демократии и правам человека, поддерживая одновременно режим, основанный на шариате, который явно отступает от ценностей Конвенции, особенно в отношении норм уголовного права и уголовно-процессуальных норм, понимания правового статуса женщин и способа вмешательства во все сферы частной и общественной жизни в соответствии с предписаниями религии. Кроме того, заявления о желании установить ‘справедливый порядок’ или ‘порядок справедливости’, или ‘божественный порядок’, прочитанные в контексте, даже допускающие различные толкования, имеют в качестве общего знаменателя тот факт, что они обращаются к религиозным или священным законам с целью определить политический режим, который поддерживают их проповедники. Они неоднозначно толкуют возможность принадлежности этих проповедников к любому порядку, не основанному на религиозных законах. По мнению Суда, политическую партию, действия которой, как представляется, направлены на введение шариата в государстве – участнике Конвенции, вряд ли можно рассматривать как ассоциацию, отвечающую демократическому идеалу, лежащему в основе Конвенции”³⁸⁰.

379 Ibid., para. 70 (курсив наш).

380 Ibid., para. 72.

Кроме того, Суд счел, что “взятые в отдельности, политические заявления руководителей *Рефах*, особенно по вопросу об исламских головных платках или организации удобного для молящихся графика работы в государственном секторе, и некоторые их действия, такие как визит г-на Казана, тогдашнего министра юстиции, к члену его партии, обвиненному в разжигании ненависти на почве религиозной дискриминации, или прием, оказанный г-ном Эрбаканом руководителям различных исламских движений, не представляли непосредственной угрозы светскому режиму в Турции. Однако Суд [счел] убедительным аргумент правительства, что эти действия и политические заявления согласуются с открыто не высказываемой Рефах целью создания политического режима, основанного на шариате”³⁸¹.

Что касается *третьей* категории заявлений, а именно тех, которые касаются понятия “джихад”, Суд заявил, что, хотя и верно, “что руководители *Рефах* в правительственных документах не призывали к применению силы и насилия в качестве политического орудия, они не принимали незамедлительных практических шагов, чтобы дистанцироваться от тех членов *Рефах*, которые публично относились с одобрением к возможности применения силы против политических деятелей, придерживающихся иных взглядов. Тем самым руководители *Рефах* не рассеивали неоднозначности этих заявлений о возможности прибегать к насильственным методам, чтобы завоевать власть и удержать ее”³⁸².

Что касается конкретных замечаний, сделанных членом парламента от провинции Анкара, который “проявил глубокую ненависть к тем, кого он считает противниками исламистского режима”, Суд отметил, что:

“в тех случаях, когда вызывающее поведение достигает крайней степени оскорбления и приближается к отрицанию свободы религии других лиц, оно теряет право на проявление терпимости со стороны общества”³⁸³.

Суд, соответственно, решил, что “вызывающие замечания и политические заявления, сделанные руководителями *Рефах*, [составляют] единое целое и [дают] довольно ясную картину модели государства и общества, организованных в соответствии с религиозными правилами, которую задумала и предложила *Рефах*”. Кроме того, “политические цели *Рефах* не были ни теоретическими, ни иллюзорными, но достижимыми” с учетом большого числа членов парламента, которое они имели в момент роспуска партии (почти треть мест в Великом национальном собрании Турции), и опыта последнего времени, который показал, что политические движения, основанные на религиозном фундаментализме, способны захватить власть³⁸⁴.

381 Ibid., para. 73.

382 Ibid., para. 74.

383 Ibid., para. 75.

384 Ibid., paras. 76-77.

С учетом всех этих соображений Суд пришел к заключению, что:

“санкции, наложенные на заявителей, можно обоснованно считать отвечающими ‘неотложной социальной потребности’, поскольку руководители Рефах под тем предлогом, что они формулировали новое определение принципа светскости, объявили о своем намерении установить плюрализм правовых систем и ввести исламское право (шариат), и заняли двусмысленную позицию в отношении применения силы для захвата и удержания власти. Суд придерживается мнения, что хотя государства должны обладать лишь ограниченной свободой принятия решений в отношении роспуска политических партий, поскольку плюрализм идей и партий сам по себе является неотъемлемой частью демократии, государство может обоснованно предотвратить осуществление политики, несовместимой с положениями Пакта, прежде чем будет предпринята попытка осуществить ее с помощью конкретных шагов, которые могут нанести ущерб гражданскому миру и демократическому режиму данной страны”³⁸⁵.

Наконец, решая, соразмерен ли роспуск Рефах с преследуемой законной целью, Суд заявил,

“что роспуск политической партии, сопровождаемый временным запрещением ее руководителям осуществлять политические функции, является радикальной мерой, и что столь жесткие меры могут приниматься в самых серьезных случаях... В настоящем деле было установлено, что вмешательство, о котором идет речь, отвечало ‘неотложной социальной потребности’. Следует также отметить, что после роспуска Рефах только пятеро из принадлежавших к ней членов парламента (включая заявителей) временно лишились своих постов в парламенте и своей роли руководителей политической партии. Оставшиеся 152 члена парламента продолжали заседать в парламенте, и их политическая карьера протекала нормально. Кроме того, заявители не утверждали, что Рефах или ее члены понесли значительный финансовый ущерб из-за передачи их активов в казначейство. Суд в связи с этим считает, что характер и суровость вмешательства также являются факторами, которые следует учитывать при оценке его ‘соразмерности’”³⁸⁶.

Суд, таким образом, удостоверился, что обжалуемое вмешательство “не было несоразмерным с преследуемыми законными целями”. Отсюда следует, что статья 11 соблюдена³⁸⁷. Это решение было принято палатой Суда четырьмя голосами против трех.

385 Ibid., para. 81.

386 Ibid., para. 82.

387 Ibid., paras. 83-84.

Демократия является основополагающей чертой европейского общественного порядка и единственной политической моделью, совместимой с Европейской конвенцией о правах человека.

Не существует демократии там, где народ государства, даже по решению большинства, может отказаться от своей законодательной и судебной власти в пользу органа, будь то светского или религиозного, который не отвечает перед народом, которым управляет.

В демократическом обществе государство является высшим гарантом принципа плюрализма. Оно также является гарантом прав и свобод человека и беспристрастным организатором исповедования различных убеждений и религий в обществе. Это означает, что государство должно обеспечить, чтобы каждое лицо, находящееся под его юрисдикцией, полностью пользовалось правами и свободами, гарантированными Конвенцией. Никто не может отказаться от этих прав и свобод.

Верховенство права играет ключевую роль в демократическом обществе. Например, это означает, что все люди равны перед законом в своих правах и обязанностях и что поэтому не должно быть дискриминации между ними.

Политические партии являются важной для демократического общества формой ассоциации, и они защищены статьей 11 Европейской конвенции о правах человека.

Право на свободу ассоциации политических партий должно также рассматриваться в свете права на свободу религии, мысли, мнения и выражения мнения, гарантированного статьями 9 и 10 Европейской конвенции. Это связано с важной ролью, которую играют политические партии в обеспечении плюрализма и функционирования демократии.

Ввиду важной роли, которую политические партии играют в демократическом обществе, только убедительные и веские причины могут оправдать ограничения на их свободу ассоциации. Это означает, что государства-участники обладают лишь ограниченной свободой принятия решений о необходимости введения ограничения на осуществление этого права и что соответствующий контроль европейских органов является строгим. Иными словами, любые ограничения на осуществления прав, содержащихся, в частности, в статьях 9–11 Конвенции, должны вытекать из насущных социальных потребностей демократического конституционного порядка.

Одной из основных характерных черт демократии является также предоставляемая ею возможность решения проблем страны путем диалога, не прибегая к насилию. Демократия процветает при всеобщем понимании и применении свободы выражения мнения. Поэтому не может быть оправдания отказу политическим партиям добиваться публичного обсуждения вопросов, представляющих всеобщий интерес, пока они делают это в соответствии с демократическими нормами.

Тот факт, что устав и программа политической партии могут считаться несовместимыми с принципами и структурами государства-участника, не делает ее несовместимой с правилами демократии в понимании Европейской конвенции о правах человека.

Политические партии, которые в своих уставных документах, программах или деятельности стремятся установить плюрализм правовых систем, пропагандируют насилие для политических целей или не отрекаются от него и демонстрируют неуважение и ненависть к политическим противникам, не будут пользоваться защитой свободы ассоциации, гарантированной статьей 11 Европейской конвенции о правах человека.

4.5.4 Право адвоката на свободу собраний

Право на свободу собраний было предметом дела *Эзелин против Франции*, в котором на заявителя, являвшегося адвокатом (“avocat”), была наложена дисциплинарная санкция в виде выговора за участие по призыву Профсоюза адвокатов Гваделупы, заместителем председателя которого заявитель являлся в то время, в демонстрации против двух решений суда. В

ходе демонстрации произошли беспорядки, хотя сам заявитель не участвовал в каком-либо инциденте с применением насилия. Санкция была наложена на него “потому, что он не отмежевался от беспорядков, которые произошли в ходе демонстрации”. Он заявил Европейскому суду, что были нарушены его права согласно статьям 10 и 11 Конвенции³⁸⁸.

Суд изначально отметил, что “независимо от автономной роли и особой сферы применения статьи 11 она должна в настоящем деле рассматриваться также в свете статьи 10, [поскольку] защита свободы выражения своего мнения, гарантированной статьей 10, является одной из целей свободы мирных собраний, установленной в статье 11”³⁸⁹.

Суд далее признал, что обжалуемая мера была “**предусмотрена законом**”, а именно декретом от 9 июня 1972 года, регулирующим профессию адвокат, во исполнение Закона от 31 декабря 1971 года о реформе некоторых судебных и юридических профессий, и что наложение санкции преследовало **законную цель**, а именно “предотвращение беспорядков”³⁹⁰. Но была ли она **необходимой в демократическом обществе** для этой законной цели? Правительство заявило, что эта мера была необходимой “с учетом, в частности, положения г-на Эзелина в качестве *avocat* и местных условий”. Не осудив беспорядки, которые произошли в ходе демонстрации, заявитель, по его мнению, одобрил их *ipso facto*. Правительство также утверждало, что “для судебных органов было важно реагировать на поведение, которое со стороны ‘судебного должностного лица’... серьезно подрывало авторитет судебной системы и уважение к судебным решениям”³⁹¹.

Европейский суд по правам человека не согласился с этим. Он изучил дисциплинарную санкцию, наложенную на г-на Эзелин “в свете данного дела в целом, чтобы решить, в частности, была ли она соразмерна преследуемой законной цели, с учетом особого значения свободы мирных собраний и свободы выражения своего мнения, которые тесно связаны в данном случае”. Он добавил, что

“Принцип соразмерности требует, чтобы был установлен баланс между требованиями целей, перечисленными в пункте 2 статьи 11, и требованиями свободного выражения мнений – с помощью слов, жестов или даже молчания – лицами, собравшимися на улицах или в других общественных местах. Поиски справедливого баланса не должны лишать *avocats* желания открыто выражать свои убеждения в подобных случаях из-за опасения дисциплинарных санкций”³⁹².

Суд заметил, что в данном деле санкция, наложенная на заявителя, была, по общему признанию, “среди наименее строгих в шкале дисциплинарных взысканий”, предусмотренных в соответствующем законе, и что “она имела главным образом моральную силу, поскольку не повлекла

388 *Eur. Court HR, Case of Ezelin v. France, judgment of 26 April 1991, Series A, vol. 202, p. 8, paras. 9-10, and p. 22, para. 47.*

389 *Ibid.*, p. 20, para. 37.

390 *Ibid.*, p. 21-22, paras. 43-47.

391 *Ibid.*, p. 22, para. 49.

392 *Ibid.*, p. 23, para. 51-52.

запретов, даже временных, на занятие профессиональной деятельностью или на участие в качестве члена в заседаниях Совета адвокатов”. Однако Суд счел,

“что свобода принимать участие в мирном собрании – в данном случае в демонстрации, которая не была запрещена, – имеет такое значение, что она никоим образом не может быть ограничена, даже для avocat, если соответствующее лицо само не совершит по этому поводу какое-либо достойное порицания действие”³⁹³.

Поскольку обжалуемая санкция, какой бы минимальной она ни была, по-видимому, не была “необходимой в демократическом обществе”, она являлась нарушением статьи 11 Конвенции³⁹⁴.

Право на свободу собраний, гарантированное статьей 11 Европейской конвенции о правах человека, должно быть также гарантировано и адвокатам при условии, что они не совершили заслуживающий порицания поступок.

Бывают ситуации, которые требуют, чтобы статья 11 рассматривалась также в свете защиты свободы выражения своего мнения, гарантированной статьей 10 Конвенции, поскольку такая защита является одной из целей свободы мирных собраний.

Принцип соразмерности, являющийся одним из условий, установленных в пункте 2 статьи 11, для наложения ограничений на осуществление свободы собраний требует, чтобы был установлен баланс между связанными с нею требованиями законных целей, с одной стороны, и требованиями свободы выражения мнений с помощью слов, жестов или даже молчания лицами, собравшимися в общественных местах, с другой стороны.

³⁹³ Ibid., p. 23, para. 53.

³⁹⁴ Ibid., loc. cit.

5. Роль судей, прокуроров и адвокатов в обеспечении защиты свободы мысли, совести, религии, мнений, слова, ассоциаций и собраний

В настоящей главе освещались некоторые из главных аспектов основных свобод мысли, совести, религии, мнения, выражения своего мнения, ассоциации и собраний. Эти свободы имеют решающее значение в жизни каждого человека и общества в целом, от них зависит его надлежащее и действенное функционирование. Они также не только имеют отношение к самому правовому сообществу, но и крайне важны для него, поскольку оно зависит от этих свобод, которые дают ему возможность выполнять свою повседневную работу независимым, беспристрастным и эффективным образом.

Однако, как было также показано в настоящей главе, положение с реализацией свободы совести, религии, мнения, выражения своего мнения, ассоциации, собраний и других свобод во многих случаях является неопределенным, даже в странах, где в остальном права человека соблюдаются. Поэтому представляется крайне важным, чтобы судьи, прокуроры и адвокаты в каждом обществе осознали значение эффективной защиты этих свобод. Хотя осуществление некоторых свобод может подлежать ограничениям, когда это необходимо в определенных законных целях, правовое сообщество находится в выгодном положении, чтобы установить необходимый – но справедливый – баланс между заинтересованностью личности в максимальном расширении сферы реализации своих свобод, с одной стороны, и, общей заинтересованностью общества в предоставлении возможности всем людям пользоваться уважением этих же самых свобод, с другой стороны. Значительный объем материалов международной юриспруденции в этой области, часть которого была проанализирована в данной главе, предлагает правовому сообществу ценные ориентиры в этом отношении.

6. Заключительные замечания

Свободы мысли, совести, религии, мнения, выражения своего мнения, ассоциации и собраний охватывает все или практически все аспекты жизни как каждого человека, так и общества. Обеспечить полную и действенную защиту этих свобод для всех, без дискриминации – значит допустить различия во взглядах, мнениях и идеях, которые могут обогатить не только наши частные жизни, но и жизнь общества. Наряду с этим оно помогает росту взаимопонимания и взаимоуважения между людьми с разными мнениями, убеждениями и религиозными верованиями. Люди могут

не разделять взгляды, религиозные верования или мнения других по различным вопросам или даже считать их отвратительными и неприемлемыми. Но, допуская свободный поток информации и обмен мнениями, идеями и информацией, общество дает возможность людям всех оттенков мнений принимать активное участие в решении вопросов, представляющих общий интерес. Эффективное осуществление этих свобод является, таким образом, предпосылкой существования общества, в котором люди могут жить в условиях терпимости, мира и безопасности.

Наряду с этим эффективная защита свободы мнений, выражения мнений, ассоциации и собраний необходима, чтобы дать людям возможность отстаивать свои права человека в национальных и международных судах или в других компетентных органах власти, и также дать возможность другим способствовать внесению вклада в пропаганду и защиту прав человека и основных свобод. Примечательно в связи с этим, что нарушения прав человека, включающие пытки, произвольное задержание, несправедливые судебные разбирательства и внесудебные казни, чаще всего объясняются недостатком терпимости ко взглядам и убеждениям других. Таким образом, все государства значительно улучшили бы положение в области прав человека, обеспечив полное и эффективное осуществление основных свобод, рассмотренных в настоящей главе.

